

Хью Томас
Гражданская война в Испании. 1931-1939 гг.

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=613325

Гражданская война в Испании. 1931-1939 гг.: Центрполиграф; М.; 2003

ISBN 5-9524-0341-7

Аннотация

В книге подробно освещены этапы Гражданской войны в Испании, завершившейся установлением фашистской диктатуры Франко. Автор на основе богатейшего документального материала дает всестороннюю объективную оценку событий сложной исторической эпохи, приводит интересные факты, малоизвестные современному читателю.

Содержание

Книга первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	47
Глава 9	54
Глава 10	61
Глава 11	67
Глава 12	77
Книга вторая	80
Глава 13	80
Глава 14	86
Глава 15	90
Глава 16	95
Глава 17	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Хью Томас

Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА В ХОДЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ

АГИРРЕ, Хосе Антонио – президент Республики Басков
АЛЬВАРЕС дель Вайо, Хулио – писатель, социалист
АРАНДА, Антонио – генерал армии националистов
АСАНЬЯ, Мануэль – президент республики
БЕСТЕЙРО, Хулиан – социалист
ВАРЕЛА, Хосе – генерал армии националистов
ГАРСИА, Валиньо Рафаэль – генерал армии националистов
ГАРСИА, Оливер Хосе – анархист
ХИРАЛЬ, Хосе – сторонник Асаньи
ГОДЕД, Мануэль – командующий частями на Балеарских островах,
генерал армии националистов
ГОЙКОЭЧЕА, Антонио – лидер монархистов
ГОМА – кардинал, примат Испании, архиепископ Толедо
ДАВИЛА, Фидель – генерал армии националистов
ДИАС, Хосе – коммунист
ДУРРУТИ, Буэнавентура – анархист
ХИЛЬ РОБЛЕС, Хосе Мария – лидер католической партии Испании
КАЛЬВО СОТЕЛО, Хосе – монархист
КАСАРЕС КИРОГА, Сантьяго – премьер-министр перед войной и
лидер партии автономии Галисии
КЕЙПО ДЕ ЛЬЯНО, Гонсало – генерал армии националистов, глава
корпуса карабинеров
КОМПАÑЬС, Луис – президент Каталонии
ЛАРГО КАБАЛЬЕРО, Франсиско – социалист
ЛЕДЕСМА, Рамос Рамиро – фалангист
ЛЕЙСАОЛА, Хесус Мария – министр юстиции Республики Басков
МАРТИНЕС, Баррио Диего – спикер кортесов
МЬЯХА, Хосе – генерал армии республики
МОЛА, Эмилио – генерал армии националистов, военный губернатор
Памплоны
МОНТСЕНЬ, Федерика – анархистка
НЕГРИН, Хуан – социалист
НИН, Андрес – член POUM, полутроцкистской партии
ОРГАС, Луис – генерал, монархист
ПАССИОНАРИЯ (Долорес Ибаррури) – коммунистка
ПРИЕТО, Индалесио – социалист
ПРИМО ДЕ РИВЕРА, Хосе Антонио – фалангист
РЕДОНДО, Онесимо – фалангист
РОХО, Висенте – генерал армии республики
САНХУРХО, Хосе – генерал армии националистов
СЕРРАНО, Суньер Рамон – фалангист

ФАЛЬ КОНДЕ, Мануэль – карлист
ФРАНКО, Франсиско – командующий частями на Канарских островах,
генералиссимус армии националистов
ЭРНАНДЕС, Хесус – коммунист
ЭРНАНДЕС, Сарабия Хосе – генерал армии республики
ЯГУЭ, Хуан – генерал армии националистов

НАЗВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ГРУПП И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

CEDA (Confederación Española de Derechas Autónomas) – Испанская конфедерация автономных правых (католическая партия)

CNT (Confederación Nacional del Trabajo) – Национальная конфедерация труда (анархо-синдикалистские профсоюзы)

FAI (Federación Anarquista Ibérica) – Федерация анархистов Иберии

JONS (Juntas de Ofensiva Nacional-Sindicalista) – Хунт национал-синдикалистского наступления, фашисты

POUM (Partido Obrero de Unificación Marxista) – Рабочая партия марксистского единства (троцкисты)

PSUC (Partido Socialista Unificado de Cataluña) – Объединенная социалистическая партия Каталонии

UGT (Unión General de Trabajadores) – Всеобщий союз трудящихся (социалистические профсоюзы)

UME (Unión Militar Española) – Военный союз Испании, группа правых офицеров

UMR (Unión Militar Republicana) – Военный союз республики, группа офицеров-республиканцев

Книга первая ИСТОКИ ВОЙНЫ

Глава 1

Заседание кортесов 16 июня 1936 года. – Правительство Касареса Кироги. – Выступление Хуля Роблеса. – Угрозы демократическому строю. – Кальво Сотело. – Пассионария. – Спор Кальво Сотело с премьер-министром.

Кортесы, парламент Испании, находятся в здании, расположенном на середине склона холма между музеем Прадо и Пуэрта-дель-Соль¹. Его двери охраняют бронзовые львы, отлитые из пушек, захваченных во время войны в Марокко. Над коринфскими колоннами здания красуется гранитный фронтон, где фигура Справедливости с надеждой обнимает символ Труда. Сегодня коридоры, отделанные золотом, и салоны кортесов используются только от случая к случаю, когда почтенные сановники формально одобряют декреты главы государства. Тем не менее 16 июня 1936 года к этому зданию в классическом стиле было приковано внимание всей Испании.

Прошло более пяти лет с того дня, когда Альфонс XIII, последний король из рода Бурбонов, оставил трон Испании, чтобы, как он представил свое отречение, избежать бедствий гражданской войны. Этим он хотел поднять свое значение в глазах народа. Пять лет продолжалась непрестанная парламентская активность. До отречения короля восемь лет, с 1923-го по 1931 год, страной правил добродушный военный диктатор Primo de Rivera. Тогда здание кортесов пустовало, как и сегодня. И теперь, в июне 1936 года, парламентская жизнь в Испании, казалось, снова затухала.

На синих скамьях полукруглого зала заседаний кортесов собралась взволнованная группа не старых еще либералов, типичных представителей среднего класса. Честные и интеллигентные люди, они и их сторонники ненавидели насилие.

Они восхищались демократическим путем развития Британии, Франции и Америки. Тем не менее они были одиноки среди своих современников-испанцев, одиноки даже в обществе четырехсот других депутатов, которые сидели и рядом с ними, и стояли наверху, толпясь в переполненном зале заседаний². Члены правительства отличались фанатизмом, который трудно было представить в странах с практическим образом мышления, хотя и надеялись внедрить его в Испании.

Вот, например, премьер-министр Сантьяго Касарес Кирога³. Богач из Галисии, он большую часть жизни добивался самоуправления для своей бедной провинции, хотя сумел всего лишь добиться постройки железнодорожной линии⁴. Хотя Касарес, казалось, действовал в соответствии с либеральными принципами Вильсона, сформулированными далеко за Пиренеями, невозможно было представить себе большего испанца, чем он. Касарес был страстным либералом, когда на фоне подъема организованного рабочего движения либералы казались анахронизмом, поскольку боролись с феодализмом. Но так как в Испании не произошла революция подобно Французской 1789 года, вряд ли кто-то мог протестовать против политики Касареса и его друзей. И друзья и враги помнят, что в первые годы республики, 1931–1932 годы, глаза Касареса Кироги (тогда он был министром внутренних дел) горели поистине святым огнем. Теперь он сохранил только странный иронический оптимизм, который можно было объяснить лишь симптомом туберкулеза, которым он страдал. До чего прав

был Томас Манн, утверждая в своей «Волшебной горе», что эта болезнь выражает сложности либеральной цивилизации, представителем которой в Испании и был Касарес!

Суть кризиса в Испании открылась обществу именно 16 июня 1936 года устами Хиль Роблеса, художавого молодого лидера испанской католической партии CEDA. Он напомнил, что со времени февральских выборов правительство наделено исключительными правами, включая введение цензуры прессы и приостановление всех конституционных гарантий. Тем не менее, сказал он, в течение этих четырех месяцев были дотла сожжены 160 церквей, состоялось 269 громких политических убийств и 1287 попыток таковых различной степени серьезности. Разрушены 69 политических центров, прошли 113 всеобщих стачек и 288 забастовок на местах, было разгромлено 10 редакций. «Давайте не будем обманывать себя, – заключил Хиль Роблес. – Страна может жить при монархии или при республике, с парламентским или президентским строем, при коммунизме или фашизме! Но она не может жить в анархии. Теперь же, увы, в Испании царит анархия. И сегодня мы присутствуем на похоронах демократии!» Зал взорвался гневными криками – часть депутатов возражали, другие соглашались⁵.

Но жизнь в стране в условиях существования режима действительно отвечала словам Хиль Роблеса. Непрерывные волны насильственных преступлений усугублялись борьбой крайних сторон политического спектра, которые готовились к столкновениям военных формирований. «В воскресенье – все на улицы!» – таковы были призывы многих испанских политических лидеров. Ни Касарес Кирога, ни Хиль Роблес, представлявшие две группировки, доминирующие в истории Второй республики, больше не могли контролировать ход событий. В кортесах и того и другого поддерживали депутаты, чьи цели значительно отличались от их собственных. На февральских выборах соперничали два альянса: Народный фронт и Национальный фронт. В первый входили либералы, представлявшие, подобно Касаресу, средний класс; крупная, но расколотая испанская социалистическая партия, маленькая, но сплоченная коммунистическая партия и несколько небольших групп рабочего класса. За социалистической партией стоял мощный профсоюз UGT (Всеобщий союз трудящихся) – одно из лучших организованных рабочих движений Европы. В Национальный фронт входили CEDA и испанские монархисты, фашистская фаланга и другие партии среднего класса. Его можно было считать политическим фронтом всех сил старой Испании – крупнейших землевладельцев юга страны, армии, а также церкви и буржуазии. В выборах участвовали и другие партии, которые причисляли себя к центру. Но их быстрое исчезновение доказало, насколько срединный путь не подходил испанцам.

Февраль 1936 года принес победу Народному фронту. В силу странностей испанского избирательного закона он преобладал в кортесах, так как за него было подано значительно больше голосов, чем можно было предполагать. Впоследствии далеко не все партии избирательного блока приняли участие в работе правительства. Его составили почти исключительно либеральные республиканцы⁶, поскольку они имели большинство в различных группировках рабочего класса. Но это не могло стать условием для создания сильного правительства. Особенно не повезло Испании в 1936 году, когда партии рабочего класса охватило непрерывное революционное брожение. Но они по крайней мере сотрудничали с демократической системой, стремясь завоевать места в кортесах; а вот вне их пределов оставалась огромная армия примерно из двух миллионов рабочих-анархистов, только в Андалузии и Барселоне, кое-как организованных в CNT (Национальная конфедерация труда). Втайне ими управляло тайное общество FAI, (Федерация анархистов Иберии). Огромное, занятое лишь собой темпераментное движение, уже раздираемое анонимными насильственными действиями, как большой город во время войны, оказалось настроенным против прогрессивного правительства Касареса Кироги – точно так же, как в прошлом и против правительства правых. Кроме того, не приходилось списывать со счетов и армию. Кто в начале лета в Мад-

риде не питался слухами о существовании заговора высших генералов, готовых к установлению «порядка» или просто к военной диктатуре? И действительно, стоило Хилу Роблесу завершить свое выступление в кортесах, как депутаты-социалисты уверенно заявили, что церкви поджигали «агенты-провокаторы» для углубления кризиса, свержения правительства и оправдания военного переворота.

В среде социалистов царил полный разброд. Одни считались либеральными реформаторами, другие – интеллектуальными фабианцами, третьи относились к страстным революционерам. Одна их часть испытывала головокружение от лести коммунистов, а другую ужасал рост коммунистического влияния. Но все громогласно соглашались с обвинениями, которые их ораторы выдвигали против правых.

Когда возбуждение в кортесах стихло, торжественно поднялся лидер монархистов Хосе Кальво Сотело. Как и Касарес Кирога, он был уроженцем Галисии; но ему, как и Касаресу, недоставало спокойного бесстрастия, которым отличался этот влажный район страны. Кипела ли в нем цыганская кровь? Обладали ли он той силой, о которой говорили правильные черты его лица? Всем знакомы были его бурный темперамент, красноречие и выдающиеся способности. Оставив в 1915 году Сарагосский университет, он стал личным секретарем Мауры⁷, самого умного и нестигаемого премьер-министра Альфонса XIII. Вскоре Маура назначил Сотело гражданским губернатором⁸ Валенсии. Ему было тогда двадцать пять лет. В тридцать два года он получил из рук генерала Примо де Риверы министерство финансов. Первые годы существования республики он благоразумно провел в Париже, дабы избежать обвинений в сотрудничестве с тиранией со всеми вытекающими последствиями, и вернулся в Испанию, когда республика укрепилась. Будучи избранным в кортесы как монархист, на самом деле он вообще не придерживался никаких доктрин, кроме оправданной веры в свои незаурядные административные способности. Его целью было затмить Хилу Роблеса. Оказавшись на вершине власти, он действовал так, словно был убежден – будущее Испании конечно же в его руках.

«Хаос в Испании, – сказал он в речи, постоянно прерываемой репликами с мест, – это результат демократической Конституции 1931 года. Исходя из нее невозможно построить крепкое жизнеспособное государство. Против такого стерильного государства, неспособного к существованию, я выдвигаю идею единой сплоченной страны, которая обеспечит экономическую справедливость и со всей властью заявит: «Больше никаких забастовок, никаких локаутов, никаких ростовщиков, никаких злоупотреблений, никаких нищенских зарплат, никаких политических доходов, получаемых в силу счастливых случайностей⁹, никаких анархических свобод, никаких заговоров против выпуска продукции! Национальный продукт будет служить благу всех классов, всех партий, всеобщим интересам. Государство может называться фашистским, если оно действительно будет таковым, и в таком случае я, который верит в него, с гордостью назову себя фашистом!»

Шум от аплодисментов и оскорбительных реплик наконец стих, и Сотело продолжил: «Когда я слышу разговоры об опасности со стороны генералов-монархистов, то только улыбаюсь, поскольку не верю, а вы не откажете мне в определенном, – он сделал паузу, – моральном праве на такое предположение, что в испанской армии найдется хоть один солдат, который выступит за монархию против республики. И если таковой найдется, то он должен быть сумасшедшим – именно сумасшедшим, говорю я со всей серьезностью, ибо невозможно представить себе солдата, который не станет защищать Испанию против анархии, если в этом возникнет необходимость».

Спикер кортесов, смуглый, с тяжелой челюстью Диего Мартинес Баррио, призвал Кальво Сотело воздержаться от таких заявлений, ибо его намерения могут быть превратно истолкованы. Спикер был опытным политиком из Севильи, хотя и непонятного происхож-

дения; как-то краткое время он занимал даже пост премьер-министра. Теперь Мартинес был лидером так называемой Объединенной республиканской партии. В настоящее время он в своей политической деятельности не без успеха пропагандировал идеи компромиссов. Для Испании это не было характерно, и противники объясняли, что своим взлетом Баррио обязан его оккультной властью как масона тридцать третьей ступени.

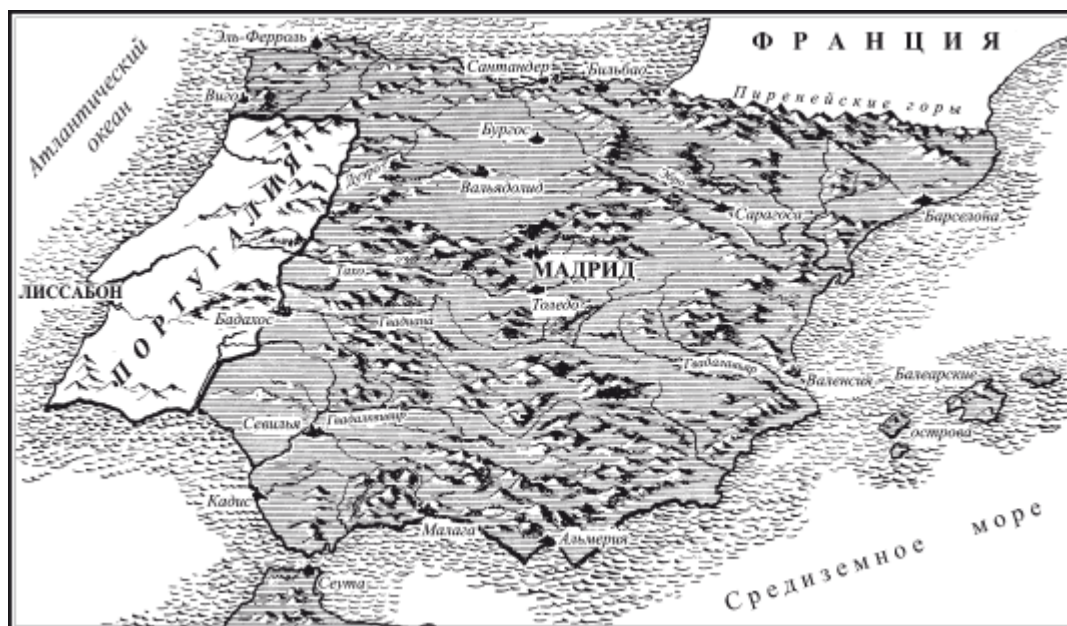
Премьер-министр осторожно ответил Кальво Сотело: «После таких слов вашего превосходительства ответственность за любое развитие событий ляжет на вас. Сегодня вы явились сюда, имея в виду лишь две цели: обвинить парламент в импотенции и возбудить армию, заставив ее отказаться от преданности республике. Но заверяю вас, парламент будет работать. И армия станет выполнять свои обязанности».

Следующей взяла слово самая знаменитая коммунистка Испании Долорес Ибаррури, известная под именем Пассионария.

Всегда в черном, с мрачным, фанатичным выражением лица, которое заставляло массы считать Ибаррури святой революционеркой. Ей было около тридцати пяти лет. В юности Долорес была убежденной католичкой. В те времена она бродила от деревни к деревне в Земле Басков, продавая сардины, которые таскала на большом подносе на голове. Долорес Сардинера вышла замуж за шахтера из Астурии, одного из забытых основателей коммунистической партии Северной Испании. От преданности Божьей Матери из Бегонии она перешла к преклонению перед пророком из читального зала Британского музея. Пассионария обрела известность призывом к испанским женщинам рожать сыновей без обузы замужества. Правые распространяли слухи, что однажды она зубами перегрызла горло священнику. Долорес стала известным оратором, превратив едва ли не в искусство подбор слов во время выступления. Но ее личность стала далеко не такой влиятельной, как она старалась продемонстрировать перед публикой, с тех пор, как Пассионария безропотно подчинилась партийным указаниям из Москвы. Тем не менее в кортесах она считалась безоговорочным лидером малочисленной Испанской коммунистической партии. В кортесах было всего 16 депутатов-коммунистов, а по всей стране партия насчитывала лишь 30 000 членов.

Выступая 16 июня в кортесах, она окрестила испанских фашистов обыкновенными бандитами. Разве не существовало фашистского Интернационала, управляемого из Берлина и Рима, который уже определил день, когда он рассчитается со своими врагами в Испании?

Вслед за ней взял слово Вентоса, каталонский бизнесмен, который выразил обеспокоенность откровенным оптимизмом премьер-министра. Вентоса был «политическим лейтенантом» Франсиско Гамбы, крупнейшего предпринимателя Барселоны и, наверное, богатейшего человека в Испании. Ходили слухи, что Гамба уже перевел все свое состояние за границу. И вопрос теперь заключался в том, считать ли этот факт поводом для надежды или тревоги. Правительство так и не могло ответить на него.

Карта 1. Физическая карта Испании

Тем временем Хоакин Маурин, лидер полутроцкистской марксистской партии POUM, объявил, что в стране уже сложилась «предфашистская» ситуация. Затем снова поднялся Кальво Сотело, чтобы ответить премьер-министру. «Плечи у меня широкие и крепкие, — сказал он. — Я не уклоняюсь и с удовольствием приму на себя ответственность за все, что делаю... Я вспоминаю, как святой Доминик из Силоса¹⁰ ответил испанскому королю: «Сир, вы можете взять мою жизнь, но больше вам ничего не достанется». Разве не лучше умереть со славой, чем влачить презренную жизнь? Но и я, в свою очередь, прошу премьер-министра задуматься над своей ответственностью если не перед Богом, поскольку премьер атеист, то хотя бы перед своей совестью, если он считает себя честным человеком». Затем он напомнил, какую роль сыграли Керенский и Каройи, фактически отдав Россию и Венгрию во власть коммунистов. «Мой почтенный друг не сможет быть Керенским, поскольку он осознает смысл своих деяний. Он отлично знает, о чем умалчивает и о чем думает. Бог не позволит в полной мере сравнить его с Каройи, который сознательно предал тысячелетнюю цивилизацию!»

Кальво Сотело сел. И зал взорвался криками и аплодисментами.

Отклики этих дебатов с их угрозами и предупреждениями эхом отдались по всей Испании. Они дошли и до президента, дона Мануэля Асаньи, который, будучи олицетворением республики, мрачно наблюдал из своего пышного одиночества в Национальном дворце¹¹, как рушатся все его надежды. Эти детали проложили дорогу и к тем генералам, которые до сего времени убивали свое ленивое ничегонеделание составлением планов военного мятежа против правительства. Они донеслись и до Хосе Антонио Примо де Риверы, сына прежнего диктатора и главы фаланги, испанских фашистов, в его тюрьму в портовом Аликанте, где его тщетно держали заложником хорошего поведения его сторонников. Они достигли и анархистов, цель которых лежала вне стен кортесов. Они в полной мере проложили путь к двадцати четырем с половиной миллионам людей, которые в то время составляли население Испании. И к середине лета, когда в разгаре был сезон корриды, у всех сформировался невысказанный вопрос: «А не начнется ли война?»

Примечания

¹ Пуэрта-дель-Соль – оживленная центральная площадь Мадрида, откуда начинались многие революции. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

² В кортесах Второй республики было 473 депутата.

³ Полное имя испанца состоит из имени собственного, полученного при крещении, фамилии отца (она же – и его собственная) и фамилии матери. В таком порядке они и располагаются. Испанцы часто называют себя полным титулом. Они могут опустить последнюю фамилию (то есть матери), но никогда не забудут назвать фамилию отца. Например, Касарес Кирога может назвать себя Касаресом, но никогда – Кирогой.

⁴ Необходимо отметить, что речь идет скорее об Испании, чем о Галисии, – автономия могла чего-то добиться только таким путем.

⁵ Данные из речи Хилия Роблеса никогда не были оспорены правительством, и их следует считать достаточно точными. Многие из этих преступлений были совершены будущими союзниками Роблеса, испанскими фашистами из фаланги.

⁶ Две чисто республиканские партии, Республиканские левые и Республиканский союз, на самом деле были объединены с представителями сепаратистских партий Галисии и Каталонии, хотя они имели то же самое социальное происхождение.

⁷ Он шел на выборы с предельно простой программой: «Мы – это вы!» Основной лозунг оппозиции в то время был столь же лаконичен: он состоял из восклицания «Мауре – нет!».

⁸ Провинциями Испании управляли гражданские губернаторы, обитавшие в различных провинциальных «столицах». Они были политическими назначенцами и подчинялись министерству внутренних дел. Гражданский губернатор делил власть с командиром местного гарнизона, если дело касалось военных вопросов.

⁹ Все министры республики имели право на пенсию.

¹⁰ Доминик из Силоса – святой из местечка надалеко от Бургоса.

¹¹ Раньше (и позднее) его называли Королевским дворцом.

Глава 2

Расколы XIX века. – Крах абсолютистской монархии. – Клерикальные и либеральные ссоры и войны. – Реставрация и Регентство. – Крах парламентского строя при Альфонсе XIII. – Диктатура Примо де Риверы. – Его падение. – Падение монархии.

Эти дебаты в кортесах стали кульминацией тех страстных споров о судьбе Испании, которые почти без перерывов велись с 1808 года. В том году беспомощная абсолютная монархия униженно капитулировала перед Наполеоном. Но помощь британской армии под командованием герцога Веллингтона позволила испанскому народу в ходе Войны за независимость¹ изгнать из страны французов. Бурбоны вернулись в лице омерзительного Фердинанда VII, которого краткое время называли Желанным. Но с того времени монархия уже не считалась неприкосновенной.

Последующая половина столетия прошла под знаком борьбы за либеральную конституцию. Церковь и армия, два испанских института, которые в ходе Войны за независимость выжили и даже обрели определенный капитал доверия, заняли здесь противоположные позиции. Церковь неуклонно придерживалась консервативных взглядов, а армия – в основном либеральных, поскольку вся была пронизана ячейками свободомыслящих масонских лож. Так или иначе, эти споры едва не привели к войне². В 1820 году группа либеральных офицеров заставила короля Фердинанда принять конституцию, но тот в 1823 году ввел французскую армию, «сотни тысяч сыновей Святого Людовика», и снова отказался от нее. В 1834 году ожесточенные споры привели к Первой карлистской войне, когда церковь и страстные защитники местных прав на севере и северо-востоке восстали за дело дона Карлоса, брата недавно скончавшегося Фердинанда. Дон Карлос хотел воссесть на трон вместо своей малолетней племянницы Изабеллы II, единственной дочери Фердинанда. Изабелла одержала победу с помощью армии и либералов – и те и другие поддерживали желание Кастилии доминировать на полуострове. Глубокий конфликт частично носил характер религиозной войны, а частично – войны за отделение Испании. Завершилась она лишь в 1839 году победой либералов, хотя и неокончательной. Например, всем мятежным офицерам-карлистам было даровано право вступить в регулярную испанскую армию. В какой-то мере из-за этого (а частично из-за конфискации в 1837 году церковных земель³, что сильно подорвало заметное политическое влияние церкви) конфликт между либералами и консервативными церковниками принял форму непрерывных переворотов («пронунсиаменто»), которые совершали один генерал за другим – то в интересах либералов, то консерваторов. В середине XIX века такие «пронунсиаменто», в ходе которых гибло, как минимум, несколько человек, стали обычным способом смены правительств в Испании.

Эта странная эпоха закончилась в 1868 году, когда королева Изабелла II, нимфоманка, была изгнана Примо, самым крупным из испанских генералов либеральной ориентации. Если непосредственным поводом к изгнанию королевы стали чрезмерно близкие ее отношения с исповедником-карлистом, падре Кларе, то настоящей причиной стал протест против всей системы правления, в которой присутствия Изабеллы практически не чувствовалось. Тем не менее последующие семь лет оказались довольно непростыми. Во-первых, генералы обратились к брату короля Италии, герцогу Аосте, предложив ему стать испанским королем Амадео I. Но тот счел, что Испанией слишком трудно управлять, и через год отрекся от престола. Тогда в Испании была провозглашена Первая республика. Поскольку все регионы страны, которыми плохо управляли из Мадрида, волновались, республика получила название федеральной: провинции получили определенные права на местах.

Группа просвещенных мадридских интеллектуалов, которые и спланировали такое государственное устройство, была бессильна предотвратить сползание республики к всеобщему хаосу. На севере Испании снова поднялись карлисты под руководством внука старого претендента, получив по всему полуострову поддержку церкви. Многие прибрежные города на юге и юго-востоке объявили о своей полной независимости. И снова к власти пришла армия. Восстановив порядок, генералы решили, что нет иной альтернативы, кроме как посадить на трон юного сына покойной королевы Изабеллы, в то время кадета военного училища в Сандхерсте, под именем короля Альфонса XII.

Далее последовали тридцать лет испанской истории, известных как Реставрация и Регентство. Альфонс XII умер в 1885 году в возрасте двадцати восьми лет. Его сын, ставший Альфонсом XIII, родился уже после его смерти, и до 1902 года мать короля Мария-Кристина была при нем регентом. Номинально либеральную Конституцию провозгласили в 1875 году, но ее тут же осудили все политики: и либералы, и консерваторы. Всеобщее избирательное право для мужчин было формально введено в 1890 году. Но результаты выборов всегда фальсифицировались местными политическими боссами, так называемыми касиками. Массы людей в Испании пришли к выводу, что парламентская система – это всего лишь способ отрешить их от всякой политической деятельности.

Такова была одна из причин широкого распространения синдикалистских идей в среде рабочего класса. Ко времени Первой мировой войны в Испании существовали два очень мощных профсоюзных объединения. Первое – CNT (Национальная конфедерация труда), в котором доминировали анархистские идеи Бакунина, а второе – UGT (Всеобщий союз трудящихся) – считалось марксистским, хотя скорее было реформистским и фабианским, нежели большевистским. Социалисты из UGT сотрудничали с режимом ради выборов в кортесы – и в городах, где касикам было куда труднее манипулировать с голосами, одерживали победы на выборах. Но для анархистов из CNT власть была чем-то грязным, поэтому насилие, убийства и поджоги, к которым с 1890 года неизменно прибегали вооруженные анархисты, вносили в жизнь государства постоянное напряжение и беспокойство.

Тем не менее к краху Конституции, введенной при Реставрации, привели две главные проблемы. Первая – это вопрос о Каталонии. Каталонцы всегда требовали признания своего отличия от всей прочей Испании. Особенно это проявилось во время карлистских войн. Тем не менее «каталонский вопрос» потерял бы свою остроту, если бы Барселона не стала центром испанской промышленности. Раздражение из-за некомпетентности центрального правительства в Мадриде, а также высокие импортные тарифы, которых требовали кастильские землевладельцы, оберегающие цены на свою пшеницу и оливки, привели к тому, что на рубеже столетий новые богачи из Барселоны стали каталонскими националистами. Начали бурно возрождаться каталонский язык, обычаи и художественные традиции. Под анархистским влиянием в рабочей среде и в атмосфере радикальной демагогии Барселона обрела репутацию самого беспокойного города Европы. Роскошные особняки, обожаемые процветающими буржуа, не могли скрыть роста анархистской преступности. Кульминацией этих лет стала «Трагическая неделя Барселоны» в 1909 году.

Испанская армия потерпела под Мелильей сокрушительное и оскорбительное поражение. Правительство приказало каталонским резервистам отправляться в Марокко на подкрепление. Это вызвало в Барселоне неделю бунтов. Видно было, что бунты эти не имели ни руководителей, ни цели, хотя можно предположить, что радикальный и антикаталонский демагог Лерру всеми силами старался способствовать насилию. Были преданы огню сорок восемь церквей и других религиозных учреждений. Пьяные рабочие устраивали на улицах ритуальные танцы с извлеченными из могил трупами монахинь. Когда эти бунты были подавлены, каталонские бизнесмены, столкнувшиеся с новой угрозой в лице рабочего класса, в целом уже были готовы к компромиссу с центральным правительством. Но рабочие

Барселона продолжала призывать своих товарищей по всей Испании к протестам против правления короля Альфонса. В 1917 году всеобщая стачка с участием социалистических и анархистских профсоюзов распространилась из Барселоны по всей стране. К удивлению ее лидеров, армия (которая сама была восприимчива к идеям синдикализма и, похоже, готова объединиться с рабочим классом) сохранила верность королю и расстреляла забастовщиков. Несмотря на непрестанные уличные бои и массовые убийства, совершавшиеся анархистами и «агентами-провокаторами», в Барселоне было введено военное положение.

Причиной второго кризиса режима стала марокканская война, в которой испанская армия завязла до 1927 года. Унизительная серия военных неудач увенчалась поражением под Ануалом в 1921 году, когда король Альфонс вынудил одного из командиров на поле боя, генерала Сильвестре, к непродуманным действиям. Предполагалось, что парламентское расследование обвинит и армию, и монарха.

К 1923 году испанская парламентская система дышала на ладан. Брожения в Каталонии и война в Марокко, постоянная угроза, исходящая от анархистского профсоюза CNT (число его членов уже превысило миллион человек, главным образом за счет рабочих Барселоны и Андалузии), – все это было не по силам королевским политикам. И король Альфонс навряд ли смог бы отвергнуть ультиматум, выдвинутый в стиле «пронунсиаменто» XIX века генералом Мигелем Примо де Риверой, капитан-генералом Каталонии: «На нашей стороне основания и к тому же сила, хотя пока мы пользовались ею очень сдержанно. Если мы сочтем, что попытка заставить нас пойти на компромисс со своей совестью окажется бесчестной, мы потребуем серьезных наказаний для виновных и претворим их в жизнь со всей неуклонностью. Ни я, на гарнизоны Арагона, от которых я только что получил телеграмму о поддержке, не согласятся ни на что иное, кроме военной диктатуры. Если политики предпримут попытку защититься, мы сделаем то же самое, полагаясь на помощь народа, у которого огромные запасы энергии. Пока мы придерживаемся политики сдержанности, но в то же время мы не остановимся и перед пролитием крови»⁴.

Наступила диктатура генерала Примо де Риверы. Она длилась до января 1930 года. Это был довольно любопытный период времени. Король Альфонс представил Примо де Риверу королю Италии Виктору-Эммануилу как «моего Муссолини». Но генерал не был фашистом. Он не требовал восторженной поддержки масс, не вел экспансионистскую внешнюю политику. Хотя он арестовывал тех, кто протестовал против его правления (и запретил все политические партии), по сути, в течение семи лет его власти настоящих политических преследований не было. Амбициозная программа общественных работ (строительство автотрасс и особенно железных дорог) создала режиму видимость процветания. Кроме того, конец 20-х годов был временем бума. Финансовая политика молодого Кальво Сотело, министра финансов, обеспечила Примо де Ривере поддержку национального капитала. С помощью Франции диктатор положил конец воспаленной язве марокканской войны, чей скандальный характер (и по ходу военных действий, и по расходам) был основной причиной, из-за которой он и пришел к власти⁵. Тем не менее характер диктатуры определялся лишь личностью самого Примо де Риверы. Он отличался неподдельным патриотизмом, сравнительным великодушием и личной храбростью. Как-то он закурил в театре, хотя всюду висели объявления о запрете курения; когда ему сообщили об этом, он встал с сигарой в руке и объявил: «Сегодня вечером все могут курить!» Он мог неделями работать, не разгибая спины, а затем исчезнуть, чтобы танцевать, пить и заниматься любовью с цыганками. Его встречали едва ли не в одиночестве на улицах Мадрида, закутанного в оперный плащ, когда он бродил из одного кафе в другое, а по возвращении домой писал многословное и порой ядовитое коммюнике – впрочем, наутро он мог его и отменить.

Падение Примо де Риверы свершилось частично из-за его презрения к либералам и профессионалам из среднего класса, частично из-за кризиса 1929 года, положившего конец

всем грандиозным финансовым замыслам, которые он поддерживал. Когда генерала оставил даже его министр финансов Кальво Сотело, он предпринял экстраординарный шаг, разослав по всем гарнизонам Испании телеграммы, в которых объявлял, что уйдет в отставку, если офицерское братство выскажется против него. Что братья-офицеры и сделали – и он в самом деле подал в отставку. «И теперь, – сообщил он в последнем из своих знаменитых коммюнике, – и теперь можно немного отдохнуть после 2326 дней непрерывных волнений, беспокойств и трудов». Он оставил Испанию и через несколько месяцев умер во второразрядном парижском отеле на Рю дю Бак, разделив последние часы между борделем и исповедником.

Примо де Ривера не оставил после себя никаких основ для будущего режима. Какое-то время король пытался править подобно Примо де Ривере, через собрание министров, управлявшееся генералом. Но в испанском обществе не было влиятельных сил, поддерживавших трон. Многие из армейских офицеров считали, что король обесчестил себя, приняв отставку генерала. Церковь придерживалась неопределенных позиций; многие из ее самых влиятельных фигур (учитывая и взгляды, близкие вильсоновским, папы Пия XI) считали, что стоило бы восстановить демократическую систему, если это вообще возможно. Ни буржуазия, ни низшие классы не связывали никаких надежд с дальнейшим существованием монархии. Осенью 1930 года был подписан пакт между некоторыми республиканскими политиками и интеллектуалами, социалистами (которые раньше сотрудничали с диктатурой генерала Примо де Риверы), а также защитниками региональных прав Каталонии. Три известных интеллектуала, доктор Мараньон, дон Хосе Ортега-и-Гассет и романист Перес де Айала, организовали «Лигу в защиту республики». Ортега произнес знаменитую лекцию, начав ее словами: «Испанцы! Вашего государства больше не существует! Нет монархии!» В декабре по старым рецептам XIX столетия был подготовлен переворот.

Заговорщики выпустили следующее воззвание: «Страстное требование Справедливости идет из самых низов нации. Возлагая все свои надежды на республику, люди уже вышли на улицы. Мы хотели бы претворить в жизнь народные чаяния в соответствии с требованиями Закона. Но нам преградили этот путь. Когда мы требовали Справедливости, нас лишали Свободы. Когда мы требовали Свободы, нам предлагали куций парламент, основанный на жульнических выборах и созданный диктатурой инструмент в руках короля, который уже нарушил Конституцию. Мы не жаждем кульминации революционной драмы. Но нас глубоко трогает униженное состояние народа Испании. Когда существуют Закон и Справедливость, революция всегда будет преступлением или актом сумасшествия. Но она всегда возникает при господстве Тирании».

Последствия не заставили себя ждать. Во-первых, гарнизон в Хаке, возглавляемый двумя горячими молодыми офицерами, Фермином Таланом и Гарсиа Эрнандесом, восстал против короля еще до того, как конспираторы в остальной Испании дали о себе знать. Они вели своих людей на Сарагосу, но были захвачены и расстреляны за мятеж. Говорили, что сам король вмешался, чтобы предотвратить отсрочку приговора. Но возмущение было велико. И когда судили остальных гражданских заговорщиков, они защищались, заявляя, что король сам нарушил конституцию, признав диктатуру Примо де Риверы. После краткого срока тюремного заключения их освободили. Учитывая настроения в обществе, король счел невозможным отменять муниципальные выборы, они были назначены на 12 апреля 1931 года.

Карта 2. Регионы и провинции Испании

Когда начали поступать их результаты, стало ясно, что во всех крупных городах Испании кандидаты, поддерживавшие монархию, потерпели сокрушительное поражение. В таких городах, как Мадрид и Барселона, за республиканцев было отдано подавляющее большинство голосов. Но всем было хорошо известно, что в сельских местностях касики еще обладают достаточным влиянием, чтобы не допустить честного голосования⁶. Вечером следующего за выборами дня на улицах Мадрида стали собираться огромные толпы. Самые близкие друзья короля посоветовали ему незамедлительно покинуть столицу, чтобы предотвратить кровопролитие. Помедлив, Альфонс с достоинством оповестил: «Воскресные выборы доказали, что я больше не пользуюсь любовью своего народа. Я мог бы очень легко найти средства для всемерного поддержания королевской власти, но я решил не делать ничего, чтобы мои соотечественники не выступили друг против друга в братоубийственной гражданской войне. И, повинувшись голосу народа, я добровольно слагаю с себя свои королевские прерогативы». И с этими высокопарными и в чем-то даже загадочными словами король уехал из Мадрида к побережью, откуда отправился в изгнание.

Примечания

¹ Нет никаких оснований сомневаться, что восстание против войск Мюрата и Жозефа Бонапарта было в полной мере народным и национальным. Фихте в своем «Обращении к немецкому народу» назвал это событие успехом «вооруженного народа» и призвал разделенную Германию последовать примеру Испании.

² В самом начале этого мрачного полустолетия восстали почти все испанские колонии в Центральной и Южной Америке и, вдохновляемые либеральными идеями, стали независимыми государствами, которыми остались и поныне.

³ Церковь получила компенсацию наличными и другими благами. Так, например, сельские священники стали получать зарплату от государства.

⁴ Из документа, который граф Романонес огласил в кортесах в декабре 1931 года, во время «суда над Альфонсом XIII».

⁵ Марокканская война оказывала разлагающее влияние на испанскую армию. В 1895 году во время кампании против рифов был убит главнокомандующий испанского экспедиционного корпуса. Его застрелил лично Примо де Ривера за то, что тот торговал оружием с врагами.

⁶ Конечные результаты этих выборов никогда не были опубликованы, и, наверное, их даже никогда не подсчитывали до конца. К двум часам дня 13 апреля было известно, что выбрано 22 150 монархистов и 5875 членов республиканских партий.

Глава 3

Рождение Второй республики. – Состав ее первого правительства. – Алькала Самора. – Радикалы. – Чистые республиканцы. – Асанья. – Institución Libre de Enseñanza. – Ларго Кабальеро, Индалесио Прието и испанские социалисты. – «Эскерра» и каталонские националисты. – Кардинал Сегура.

«Юная и серьезная Испания наконец явилась во всем своем величии!» – восторженно восклицали в 1931 году счастливые республиканцы. И кроме того, монархия была свергнута без кровопролития. Новое правительство с удивительной легкостью заняло мадридские министерства. Первым премьер-министром республики стал Нисето Алькала Самора, юрист из Андалузии, обладавший типичным для этого региона цветистым красноречием в стиле XIX века. Когда-то, перед диктатурой Примо де Риверы, он был королевским министром, но сейчас, пока он и другие члены кабинета медленно ехали по Мадриду к министерству внутренних дел, их окружали восторженные толпы горожан. И дон Нисето, и Мигель Маура¹, который стал министром внутренних дел, оба несли непосредственную ответственность за немедленное восстановление порядка в стране. Они были католиками, тем не менее считалось, что в последние дни монархии они выражали согласие лишь с самым скромным присутствием испанской церкви. Но разве не ходили слухи, что «сельские священники голосовали за республику» на тех самых знаменитых муниципальных выборах?

Все же остальные члены республиканского кабинета были антиклерикалами, если не атеистами. Среди них оказалось и два члена радикальной партии, которые обрели дурную славу в Барселоне еще в начале столетия. Алехандро Лерру, бывший ризничий и крупье, сын андалузского ветеринара, основатель радикальной партии, который в юности называли «императором Паралело» (квартала борделей в Барселоне), стал министром иностранных дел. Возраст все же охладил страсти этого прожженного демагога. Он уже больше не был тем человеком, который в 1905 году призывал своих сторонников из трущоб Барселоны восстать против хозяев и церкви: «Молодые варвары сегодняшнего дня! Уничтожьте и вышвырните декадентскую цивилизацию этой несчастной страны. Разружьте ее храмы, покончите с ее богами, сорвите покровы с ее послушниц и обрюхатьте их, чтобы они стали матерями! Деритесь, убивайте и умирайте!» Церковь не знала, что Лерру, придя к власти, едва ли не обрел респектабельность. Его включение в состав кабинета вместе со своим скромным помощником Диего Мартинесом Баррио, масоном высокой ступени из Севильи, вызвало сильнейшее беспокойство в церковной иерархии.

Среди первых министров молодой республики существовала более известная группа антиклерикальных политиков, чем эти два радикала. Представители среднего класса или профессионалы, представлявшие тысячи таких, как они, были прямыми наследниками либеральных реформаторов XIX века. Они следовали кадисской Конституции 1812 года и хотели положить конец всем монашеским орденам, всем большим поместьям, всем бюрократическим преградам торговле или свободе производства. Кроме того, особо надо подчеркнуть, что их интеллектуальный кругозор сформировался в рамках Institución Libre de Enseñanza (Свободного института образования), основанного во время Реставрации группой университетских преподавателей, которые отказались присягнуть в верности «Церкви, Короне и Династии» и соответственно отстранены от преподавания. В институте господствовали взгляды идеалистического пантеизма Германа Краузе, чьи лекции первый лидер мятежных преподавателей Сане дель Рио посещал в Берлине. Сначала институт держался вне политики. Но в истории Испании не существовало периода, когда бы защитники свободного

образа мыслей были политически нейтральны. Пусть и неохотно, но сторонники института, любители интеллектуальных истин, возглавляемые профессором Франсиско Хинером де лос Риосом, все же втянулись в политику. Именно они обеспечили расцвет испанской культуры, последовавший после потери последних колоний в испано-американской войне 1898 года². Позже дух института вдохновлял самых известных интеллектуальных оппонентов диктатуре генерала Примо де Риверы.

В новом кабинете 1931 года республиканцев представляло несколько человек. Среди них был Фернандо де лос Риос, племянник основателя института, сам бывший профессор университета Гранады. Вообще-то он был социалистом, но, обладая ярким кастильским слогом речи, все же оставался гуманистом и отнюдь не примерным членом любой марксистской партии³. Входили в кабинет также и Касарес Кирога, юрист из Галисии, которому в самом начале Гражданской войны довелось занимать пост премьер-министра (в 1930 году он был отправлен в гарнизон Хаки с указанием отложить подготовленное восстание, но прибыл слишком поздно), Хакобин Альваро де Алборнос, школьный учитель, и Марселино Доминго, теоретик педагогики.

В 1931 году военным министром стал Мануэль Асанья, который, хотя и не считал себя учеником института, как ни странно, полностью выражал его взгляды. Живи он в более благоустроенной стране, мог бы посвятить свою жизнь литературе. Опубликовал массу своих речей и, кроме того, блистательные переводы Джорджа Борроу, Бертрана Рассела и Стендаля, а также автобиографический роман о своих школьных годах и немалое количество критических и полемических трудов. Но ему пришлось втянуться в политику – опять-таки в традициях института – в силу условий жизни страны. Он родился в 1880 году в Алькала-де-Энарес, в доме, стоявшем между двумя монастырями, в разорившемся городке, где некогда был университет и кафедральный собор, в двадцати милях от Мадрида. Тут, кстати, родился Сервантес и был погребен великий кардинал Хименес де Сиснерос⁴. Асанья расстался со своими религиозными верованиями в колледже августинцев, расположенном в мрачном монастыре Эскориале, затем получил диплом юриста и продолжил образование в Париже. Поступив на гражданскую службу, он стал старшим чиновником в Регистрационном отделе (испанский эквивалент Сомерсет-Хаус⁵).

Живя холостяком то в Алькале, то в Мадриде, занимаясь литературной работой, выпуская то переводы, то статьи и обзоры, Асанья вроде бы ничем не отличался от многих других интеллектуальных представителей среднего класса того периода – и не только в Испании. Типичным было и его участие в создании республиканской партии, которую не особенно настойчиво подавлял генерал Примо де Ривера. Тем не менее Асанья выделялся среди своих сторонников. Во-первых, он был некрасив, даже уродлив. Лицо с тяжелой отвисшей челюстью покрывали какие-то пятна. В силу застенчивости Асанья многое держал при себе, в своем творчестве и даже речах он то и дело сбивался на самоанализ и до такой степени избегал общества (особенно женского), что подвергался насмешкам со стороны друзей-интеллектуалов. И все же Асанья сумел стать военным министром, сохраняя при этом одинокую надменность, не изменявшую ему ни при победах, ни при поражениях. Его, в высшей степени уточненного и застенчивого человека, даже обвинили в гомосексуализме⁶. В Испании подобное извращение довольно редко, и основанием для такого обвинения могла послужить только сбившая с толку секретность поведения Асаньи⁷. Но отличало его и красноречие. Он неоднократно демонстрировал свои способности в многочисленных выступлениях в «Атенео», мадридском клубе, который еще с начала XIX века считался центром либералов. В результате Асанья обрел знакомства и уважение со стороны других республиканских лидеров. Он стал секретарем «Атенео», а затем возглавил новую республиканскую партию. Военным министром он стал главным образом потому, что никто из либералов, чуравшихся

образа мышления военных, не прикладывал усилий, чтобы хоть что-то знать об армии. Асанья же в своих речах сразу же стал провозглашать необходимость для новой республики обретения своего достоинства. «Главное сейчас, – говорил он, – это выжить и выстоять». Поклонник Кромвеля и Вашингтона, Асанья культивировал сверхчеловеческую отрешенность от всего лишнего и интеллектуальную чистоту мышления, которые позволили ему увидеть интереснейшие детали жизни Испании. Поскольку он был совершенно бескорыстен, врагам оставалось лишь осыпать его личными оскорблениями. Правые газеты именовали его не иначе как «Чудовище» из-за некрасивой внешности. В то же время тысячи и тысячи людей считали Асанью «сильным человеком республики». На удивление красноречивый, прекрасный знаток любой темы, о которой шла речь, нерешительный в критические минуты и ироничный перед лицом неприятностей, он мог проявлять и диктаторскую бескомпромиссность, и оптимизм, когда приходилось бороться с трудностями. Подобно Леону Блюму⁸, Асанья встречал их достойно, будучи интеллектуалом в политике.

Кроме Фернандо де лос Риоса в первом республиканском кабинете министров были еще два социалиста – Индалесио Прието и Франсиско Ларго Кабальеро. На деле они представляли и социалистическую партию и Объединенный социалистический профсоюз UGT, в котором Ларго Кабальеро был генеральным секретарем. Основанные теми испанцами, которые поддерживали Маркса в его спорах с анархистами, до Первой мировой войны и партия и профсоюз численно росли очень медленно. Им не удавалось утвердиться в таком крупном промышленном центре, как Барселона, где были сильны позиции анархистов. Но с тех пор социалисты обрели мощную поддержку у печатников и металлистов Мадрида, у шахтеров Астурии и в промышленных районах, которые стали расти в Басконии вокруг Бильбао.

В 1908 году UGT, маленькая аскетическая организация, построенная по английскому образцу, с платными чиновниками и забастовочными фондами, все еще насчитывала не больше 3000 членов. Два фактора поспособствовали росту членства в партии. Первым было открытие по всей Испании социалистических народных клубов (*casas del pueblo*), объединявших в себе и помещения комитетов местных профсоюзных отделений, и библиотеку, и кафе. Кроме казарм гражданской гвардии, церквей и муниципалитетов в большинстве городов и селений стали появляться чистенькие беленые *pueblos*, в большинстве своем состоящие из четырех зданий. Они стали форпостами идей централизации, как революционными, так и образовательными. Вторым благоприятным для UGT фактором стала Первая мировая война 1914–1918 годов, которая вызвала заметное процветание Испании, усилила политическую сознательность и проявила интерес к событиям в остальной Европе. К 1920 году в UGT состояло уже 200 000 членов. К этому времени у социалистов уже было несколько депутатов монархических кортесов, поскольку они отказались от бойкота режима. В следующем году испанская социалистическая партия прервала все формальные контакты с русскими большевиками⁹. Небольшое количество левых социалистов вместе с недовольными анархистами основали Испанскую коммунистическую партию, которая тем не менее долгое время не играла большого значения в силу своей изолированности.

В 1925 году скончался уважаемый и неподкупный лидер испанских социалистов Пабло Иглесиас. Еще в 1871 году, совсем молодым человеком, он способствовал разрыву с Бакуниным и с тех пор умно и достойно вел партию сквозь многочисленные превратности судьбы. Его преемником на посту лидера партии и генерального секретаря UGT стал его старший помощник Ларго Кабальеро, бывший штукатур, который всю жизнь оставался профсоюзным функционером, а также сознательным и трудолюбивым членом мадридского муниципалитета¹⁰. Он не был публичным оратором и не обладал особыми талантом к рутинной парламентской работе. И все же он удивил всех, когда взялся сотрудничать (правда, короткое время) с диктатурой Примо де Риверы как «советник по трудовым вопросам». Объясне-

ние может быть найдено в его страхе уступить своим соперникам из среды рабочего класса, анархистам, которых все еще было вчетверо больше, чем социалистов. Этот ход принес ему успех. UGT долгое время пользовалась уважением буржуазии за свою дисциплинированность, за рассудительное поведение во время забастовок (по контрасту с анархистами), за свою централистскую (и в то же время антикаталонскую) окраску¹¹. Благодаря сотрудничеству с Примо де Риверой появилась серьезная возможность для UGT стать чем-то вроде официального профсоюза, какие существовали в Скандинавии. И конечно, не было ничего удивительного, что при республике Кабальеро стал первым министром труда.

Индалесио Прието, его коллега в республиканском кабинете министров, был совсем другим типом социалиста. Родом из Овьедо, он вместе с овдовевшей матерью переехал в Бильбао, где работал газетчиком. Его сообразительность привлекла внимание баскского миллионера Хорасио Эччевериа, и тот сделал Прието сначала своим личным секретарем, а потом редактором принадлежавшей ему газеты «Либеральный Бильбао». В 1919 году Прието как социалист был избран в кортесы, где его красноречие сразу же вызвало всеобщее внимание и ревность Ларго Кабальеро. Антагонизм между этими двумя политиками стал едва ли не главной чертой Испанской социалистической партии. Прието стал богатым человеком. Толстый, лысый, с двойным подбородком и маленькими глазками, он походил, да и вел себя скорее как преуспевающий представитель высшего класса, чем рабочий лидер. Прието был членом клуба либералов «Атенео». Как известный парламентарий, он возражал против сотрудничества социалистов с правительством Примо де Риверы и был популярен в среде среднего класса. Но рабочих больше привлекала строгая и аскетичная личность Ларго Кабальеро.

Единственным не похожим на других членом республиканского кабинета министров 1931 года был ученый из Каталонии, преподаватель классической истории Николау д'Олвер. Он меньше всех остальных членов кабинета напоминал профессионального политика, и его включение в состав правительства имело целью удовлетворить каталонских националистов и дать им понять, что и остальные их интересы будут учтены.

Пять членов этого правительства имели нечто общее: все они были франкмасонами и подозревались в нелояльности к Испании¹².

В XIX столетии все испанские либералы были членами той или иной масонской ложи. Хотя ложи обосновались в Испании еще в XVIII веке, они получили широкое распространение лишь во время войны с Наполеоном. В последовавшем столетии все прогрессивные люди в Испании, да и повсюду на континенте, считали необходимым вступить в ту или иную ложу из чувства протеста. Хотя они провозглашали верность принципам Французской революции, Свободе, Равенству и Братству, тем не менее масоны представляли собой нечто вроде клуба без определенных политических взглядов, члены которого должны были помогать друг другу, когда это представлялось возможным. Пусть и не преследуя заметных политических целей, испанское масонство отличалось активной антирелигиозностью и просто антиклерикальностью¹³. Поскольку в Испании отказ от веры в Бога был действием, влекущим за собой политические последствия, церковники и особенно правые считали масонов участниками международного дьявольского заговора с центром в Лондоне, которые хотят ввести безбожный коммунизм. Иезуиты же полагали, что масоны – это вообще исчадия ада, поскольку тайные знаки и ритуалы масонства представляли собой пародию на их собственный орден. Естественно, такая враждебность вела к повышению уровня секретности в среде масонов. Тем не менее испанские франкмасоны оказались не в состоянии организовать политический фронт с ясными целями. Ложи были местом встреч для организации заговоров против Примо де Риверы. Но позже между членами лож образовался глубокий водораздел. Некоторые генералы, такие, как Санхурхо, Годед, Кейпо де Льяно, Фанхуль и

Кабанельяс, которые впоследствии играли важные роли в борьбе против республики, были членами военных лож, хотя в них входили и ярые республиканцы. Во время республики в ложах шли горячие дебаты по поводу взаимоотношений масонства и марксизма. Впрочем, переоценивать политическую роль франкмасонов в испанской истории не следует, хотя влияние некоторых политиков, таких, как Мартинес Баррио, во многом объяснялось их высоким положением в масонском ордене.

Проблема Каталонии была первой, с которой пришлось иметь дело молодой республике. Триумфальная победа антимонархистов на муниципальных выборах в Барселоне была убедительнее, чем где бы то ни было. Точнее, победа была достигнута стараниями «Эскерры», название которой переводится с каталонского как «Левая». Ее лидером был весьма уважаемый старый полковник Франсиско Масиа, который провел годы диктатуры Примо де Риверы во Франции, участвуя в заговорах против генерала. Если не считать лидера партии, «Эскерра» в Барселоне была партией мелких предпринимателей и низших слоев среднего класса. Ее политические воззрения сильно отличались, скажем, от «Лиги», партии крупных бизнесменов, которые в конце XIX столетия оживили каталонский национализм. Тем не менее в 1930 году крупные каталонские промышленники, испуганные распространением анархистских взглядов среди большинства рабочих на их предприятиях, заключили молчаливый союз с правыми и даже с центральным правительством в Мадриде. Не отказываясь от введения местных законов для Каталонии, они постепенно стали рассматривать остальную Испанию не как тормоз в их деятельности, а как отличный рынок сбыта товаров и источник сырья. Кое-какие экономические мотивы стали учитываться и сторонниками «Эскерры» и полковника Масиа. Они хотели получить максимальную выгоду от своих предприятий. Однако, когда муниципальные советники от «Эскерры», избранные 13 апреля, появились на балконе перед огромной площадью Пласа-де-Сан-Хорхе, они услышали не только «Марсельезу» и «Эльс Сегадорс», национальный гимн Каталонии, но и требования независимости Каталонской республики. И тогда Луис Компаньс, заместитель Масиа, умный и энергичный молодой юрист (он завоевал себе неплохую репутацию в начале 20-х годов XX века, когда защищал анархистов от надуманных обвинений), провозгласил в Барселоне республику, назвав ее Каталонской. День или два казалось, что Каталония и в самом деле может стать независимым государством. Так что Николау д'Олвер, де лос Риос и Марселино Доминго спешно нанесли визит в Барселону, чтобы убедить полковника Масиа и «Эскерру» дожидаться прохождения указа о законах Каталонии в новых кортесах, которым вскоре предстояло быть избранными. Полковник Масиа неохотно согласился, хотя вся Барселона была у него в руках.

Медовый период новой республики длился примерно месяц. В это время карикатуры в прессе изображали Барселону в виде хорошенькой девушки. Правительство составляло планы июньских выборов кортесов в провинциях. Они должны были одобрить Конституцию и принять законы, необходимые для претворения ее в жизнь. Красно-золотой королевский флаг был сменен триколором, национальным гимном вместо Королевского марша стал Гимн Риего. Переименовали много улиц, присвоив им республиканские названия.

Тем не менее враги республики тоже собирали силы. Первым выстрелом в этом противостоянии, которое длилось вплоть до начала Гражданской войны, стало серьезное пасторское послание кардинала Сегуры, архиепископа Толедо и примата испанской церкви. Общество ознакомились с ним в начале мая.

Этот гордый и бескомпромиссный прелат сочетал в себе ум с предельным фанатизмом. Ставший епископом в тридцать пять лет, он по специальному приглашению короля был переведен в Толедо из далекого епископата в Эстремадуре. Сегура был ученым, который мог гордиться тремя докторскими степенями, и раз в год исправно исполнял обязанности

приходского священника. В 1931 году ему было около пятидесяти лет, и Сегура находился в зените своей власти.

Его пасторское послание начиналось с панегирика Альфонсу XIII и кончалось такими угрожающими словами: «Если мы останемся «тихими и покорными», если мы позволим себе поддаться «апатии и унынию»; если мы уступим тем, кто хочет уничтожить религию, тем нашим врагам, которые надеются восторжествовать над нашими идеалами, мы потеряем право стенать и сетовать. Печальная реальность докажет, что победа была у нас в руках, но мы отказались драться, подобно бесстрашным воинам, готовым умереть со славой»¹⁴.

Примечания

¹ Мигель Маура – сын дона Антонио Мауры. Он возглавлял консервативных государственных деятелей при правлении короля Альфонса и был братом герцога Мауры, который до 14 апреля входил в состав последнего королевского кабинета министров. Мигель стал считаться паршивой овцой в своей distinguished еврейской семье, когда одна из его племянниц Констанция де ла Мора-и-Маура вышла замуж за главу республиканской авиации Гидальго де Сиснероса и стала членом коммунистической партии.

² Это было знаменитое «Поколение 1898», в которое входили такие люди, как Мигель де Унамуно, Ортега-и-Гассет, экономист Хоакин Коста, Сальвадор де Мадариага, Антонио Мачадо, публицист Рамиро де Маэсту, романист Пио Бароха, эссеист Асорин, драматург Бенавенте. В конце XIX столетия они были ведущими интеллектуалами в испанских университетах. Синьор Гароччи в своем знаменитом эссе проводит аналогию между этой группой интеллигентных испанцев и русскими либералами поколения Белинского, которых описал сэр Исайя Берлин.

³ В 1934 году он вышел из социалистической партии и основал свою небольшую партию.

⁴ Во время Гражданской войны тут находилась штаб-квартира русской тайной полиции.

⁵ Сомерсет-Хаус – большое здание на берегу Темзы в Лондоне, где размещаются Управление налоговых сборов, Кингз-колледж и некоторые другие государственные учреждения. (*Примеч. пер.*)

⁶ На этот счет существует, скорее всего, апокрифическая история, которая хорошо объясняет его характер. Говорят, что как-то журналист задал дону Мануэлю вопрос, как он дошел до такой сексуальной эксцентричности. «Так же, как и вы, – ответил Асанья. – Задавая вопросы».

⁷ Тем не менее в возрасте сорока шести лет он наконец женился на сестре Сиприано Ривас Черифа, который одно время был сотрудником его литературного журнала.

⁸ Леон Блюм (1872–1950) – основатель и теоретик Французской социалистической партии. (*Примеч. пер.*)

⁹ Тем не менее на первых порах социалисты благожелательно отнеслись к приглашению вступить в Коминтерн. Но прежде чем принять окончательное решение, они отправили наблюдателем в Россию Фернандо де лос Риоса. «Но где тут у вас свобода?» – спросил у Ленина бородатый индивидуалист из Андалузии. «Свобода для чего?» – ответил Ленин. И (хотя всего лишь 8809 голосами против 6025) социалистическая партия объявила, что она против связей с Россией.

¹⁰ В 1905 году Иглесиас и Ларго Кабальеро в первый раз были избраны в мадридский муниципалитет после того, как разоблачили фальсификации, устроенные их противниками. Иглесиас стал членом кортесов в 1911 году, а Кабальеро и несколько других социалистов в 1917-м.

¹¹ До 1936 года 1ГСТ насчитывала в Барселоне чуть больше 10 000 членов.

¹² Эта пятерка состояла из Прието, Мартинеса Баррио, Альваро де Алборносы, Касареса Кироги и Марселино Доминго. Асанья, скорее всего, стал масоном в начале 1932 года.

¹³ Разрыв между английскими и континентальными масонами наметился в 80-х годах XIX века, когда континентальные братья решили, что не потерпят больше в уставе ордена никакого упоминания о Боге, даже под именем «Верховного Архитектора».

¹⁴ Выражения «тихие и покорные», «апатия и уныние» употреблялись в папской энциклике Льва XIII.

Глава 4

Церковь в Испании 1931 года. – Ее роль в истории Испании. – Церковь и образование. – Отношения с Ватиканом. – «Дебаты».

В 1930 году церковь в Испании насчитывала 20 000 монахов, 60 000 монахинь и 31 000 священников. Существовало примерно пять тысяч религиозных общин, из которых около тысячи были мужскими, остальные – женскими. Умеренные католики подсчитали, что в 30-х годах XX века две трети испанцев не придерживались требований католицизма – то есть хотя и обращались в церковь в случаях крестин, свадеб и похорон, но никогда не исповедовались и не посещали мессы. По подсчетам доминиканца брата Франсиско Пейро, только пять процентов сельского населения Новой Кастилии в 1931 году соблюдали Пасху. В некоторых андалузских деревнях церковь посещал только один процент мужчин¹. Порой случалось, что священники служили мессу в полном одиночестве. В богатом приходе Сан-Рамон в мадридском пригороде Валлекас 90 процентов тех, кто получил образование в религиозных школах, после их окончания не ходили к причастию и не посещали служб. Хотя эти данные трудно отнести ко всей Испании, они статистически вроде бы подтверждают вырванное из текста замечание Мануэля Асаньи, что Испания «перестает быть католической».

На деле же (в чем можно убедиться, прочитав всю его речь) Асанья имел в виду, что Испания более не является полностью католической страной, какой она была, например, в золотом XVI веке². В те времена лишь церковь связывала между собой различные провинции, где в противном случае появились бы свои парламенты, суды и гражданские службы. Испанская инквизиция, учрежденная как трибунал религиозной ортодоксии, была единственной организацией, которую уважали во всей стране. Это время ознаменовалось заметной вспышкой религиозного энтузиазма. Утверждая все это, Асанья считал, что подобный энтузиазм объяснялся частично конечным триумфом Реконкисты, завершившейся взятием Гранады в 1492 году, частично – результатом начатого в том же знаменательном году во имя церкви завоевания Америки. В какой-то мере его можно объяснить также поддержкой церковных реформ, которые успел провести кардинал Хименес де Сиснерос, что позволило Испании избежать протестантской Реформации. Сам по себе он поддержал планы новой габсбургской королевской династии, которая унаследовала испанский трон в силу брачных связей. Имея обильную финансовую поддержку, поступавшую из американских колоний, Габсбурги решили воплотить в жизнь идею о единой культурной и политической католической Европе, чего не удавалось достичь нигде и никогда, даже в зените Средневековья. Мощная испанская армия была использована для попытки новой Реконкисты по всей Европе – от протестантов Европы до Турции. Испанский король гордо вооружился мечом контрреформации, а Общество Иисуса, основанное баскским монахом Игнатием Лойолой и всегда сохранявшее чисто испанские особенности, стало его идеологическим лидером.

Золотой век Испании, когда она, пусть и на краткое время, вошла в ряд величайших государств мира, стал апогеем и испанской церкви, которая спланировала нацию. Сказались здесь и успехи испанского оружия, достигнутые за счет доверительных отношений между офицерами и солдатами, которые часто обедали за одним и тем же столом. В те времена дворяне часто служили в армии простыми солдатами. Как и установление хороших отношений между испанскими колонистами и туземцами Америки, этот демократический дух должен быть отнесен на счет церкви, чье учение о равенстве всех перед Богом строго соблюдалось в Испании. Испанские теологи, избежав Реформации, были свободны от бесконечных споров о форме церковных служб, которые утомляли север Европы. Они свободно обсуждали отношения между гражданами и обществом и даже доказывали желательность более спра-

ведливого распределения земель. Ощущение национальной цели и социального единства, которые поддерживала церковь, в конечном итоге нашло подтверждение в бурном расцвете испанской литературы и живописи, продолжавшемся до середины XVII века.

Все нации оставляют болезненные следы воспоминаний о тех эпохах, когда они считались великими. Но те предпосылки, которые возносили нацию над всеми другими, обычно не задерживаются надолго. Средневековые претензии Габсбургов опустошили королевскую сокровищницу. Учитывая ту простоту, с которой из Америки поступали золото и серебро, церковь неодобрительно относилась к коммерции, но до 50-х годов XVI века экономическое благосостояние испанского дворянства росло. Сервантес писал уже в те времена, когда сказывались экономические последствия отчаянного стремления Испании к величию. Он создал Дон Кихота, величайший образ испанской литературы, архетип рыцаря, который тщетно ищет былой славы, совершая одну ошибку за другой. Странное стремление придерживаться донкихотских средневековых взглядов и суждений в новом мире постренессансной Европы постепенно стало отличительной особенностью страны, которая первая открыла Новый Свет³.

Идеи о социальной справедливости, которые проповедовали богословы, больше напоминали упражнения в схоластике, чем предвестие социализма. Интеллектуальный упадок церкви продолжался, и ученые мужи в крупнейшем университете Испании в Саламанке серьезно обсуждали в конце XVIII века, на каком языке говорили ангелы и создано ли небо из виноподобной жидкости или металла, из которого льют колокола. В эти годы вряд ли можно было встретить в Испании хоть одного протестанта, хоть одного критика власти церкви над умами нации.

В середине XVIII века при дворе испанских Бурбонов начали приобретать популярность идеи французских философов. Либеральные реформаторы, как и церковь, противостояли феодальным пережиткам. Но после падения Бурбонов в результате Наполеоновских войн церковь, которая обрела популярность, ибо руководила сопротивлением Наполеону, стала центром противостояния либеральным идеям. Ее самые яростные противники основали Общество изгнанных ангелов. Продолжались карлистские войны. Отмечался низкий уровень клерикального интеллекта: в первые тридцать лет XIX столетия в Испании не было опубликовано практически ни одной богословской работы.

Крупнейшим успехом либералов стало изъятие в 1837 году церковных земель. Хотя позже церковь получила компенсацию, она носила лишь характер денежных выплат и прочих льгот. Спекулянты из среднего класса, которые скупили эти земли, не имели права перепродавать их.

Церковь продолжала негибимо противостоять идеям либерализма, ее влияние в среде рабочего класса заметно уменьшилось.

Развитие идей Свободного института образования в конце XIX столетия совпало с новой экспансией римско-католической церкви. Рим, проигравший битвы во Франции, Германии и Италии, принялся разрабатывать политику, чтобы сохранить хоть одну страну – Испанию – «свободной от атеизма либералов». Последовал бурный взрыв религиозного строительства, вместе с концентрацией в столице Испании церковных капиталов. Иезуиты старались прибрать к рукам обширные области развивающегося хозяйства страны. Их интересовало все, что угодно, – от производства старинной мебели до (это уже позже) дансингов и кинематографа. Испанская церковь истолковала последние энциклики пап Льва XIII и Пия XI в том смысле, что они разрешают накопление церковных капиталов. Выражение «деньги – это очень по-католически» стало едва ли не поговоркой. В церковном катехизисе, выпущенном в 1927 году, на вопрос: «Какого рода грех совершает тот, кто голосует за кандидата либералов?» следовал ответ: «Безоговорочно смертный грех». В то

же время ответ на вопрос: «Является ли грехом для католика читать либеральные издания?» был: «Он может читать новости фондовой биржи».

Либералы XIX столетия высвобождали университеты из-под контроля церкви, в то время как некоторые церковные ордена, особенно иезуиты и августинцы, организовывали публичные средние школы (типа той, что в Эскориале, где учился Асанья). Гуманитарные науки в них преподавались слабо, но стандарты технического образования были очень высоки. С 1901 года государство провозгласило среднее образование доступным и бесплатным (теоретически) для всех. Но школьными учителями были главным образом католики, и немалую часть времени дети проводили за чтением молитв. Школ явно не хватало – в 1930 году только в Мадриде их не посещали 80 000 детей. Но в школах, которые все же работали, церковь могла влиять на юных испанцев.

Тем не менее кардинал Сегура, выступая в мае 1931 года с посланием против республики, говорил от имени не всей своей паствы. Политические чувства испанской церкви были слишком тонкими и противоречивыми, чтобы их можно было выразить лишь в одном страстном послании. Многие члены церковной иерархии и монашеских орденов могли быть столь же активными монархистами, как и их владыка, – хотя скорее из страха перед будущим, а не из верности прошлому. Но группа католиков-интеллектуалов, которая сотрудничала с мадридской газетой «Дебаты» («El Debate»), принадлежащей Обществу Иисуса, откровенно симпатизировала либеральному католицизму, считая, что он сможет привлечь городской пролетариат в лоно церкви или по крайней мере заключить какое-то соглашение с демократией. Кардинал Сегура назвал «Дебаты» «либеральным листком». Но ясного заявления о политическом отношении церкви к газете так и не последовало. После отчуждения в 1837 году церковных земель иерархи и ордена стали капиталистами или друзьями капиталистов, но много монахов и большинство священников (кроме тех, что служили в шикарных кварталах больших городов) жили столь же скудно, как и их прихожане⁴. Иерархи же регулярно выступали в роли союзников богачей или верхнего слоя буржуазии. Сельские же священники и даже священники в бедных городских кварталах чаще всего придерживались другой позиции и порой не без успеха воздействовали на власти, помогая угнетенным⁵. А вот испанский рабочий класс относился к священникам с откровенной неприязнью, открыто называя их лицемерами, поскольку налицо было ужасающее различие между учением Христа о бедности и открытым преклонением перед преуспевающим капиталом. Священника могла постичь печальная участь, а его церковь – быть предана огню.

У сельских же жителей редко возникало желание убить своего священника или сжечь его церковь, разве что он пользовался репутацией отменного лицемера или друга буржуа. Для испанцев вообще не было принято сжигать места поклонения Деве Марии или местные церкви. В ходе знаменитой процессии в Севилье во время Страстной недели эскорт Девы Марии из бедного прихода мог с яростью и ненавистью смотреть на Деву Марию из богатой церкви в шикарном квартале. Сам архиепископ Севильи отмечал, что «эти люди могут умереть за свою местную Деву Марию, но при малейшем поводе сожгут ее у своих соседей».

Эти парадоксы отражали тот факт, что, несмотря на упадок, на невежество и откровенную коррупцию, испанская церковь, провозглашая Испанию великой страной, и в XX веке продолжала играть существенную роль в жизни испанцев. Когда церковь стала клониться к упадку, главный объединяющий фактор в стране тоже потерял свою жизненную силу. Испания распадалась и географически и социально. Из-за глубокого проникновения в народ влияния римско-католической религии диспуты велись с бескомпромиссным напором. И все участвовавшие в них партии претендовали на то единственное и неповторимое место, которое в Испании принадлежало только церкви⁶.

Нет никаких сомнений, что в XX веке испанская церковь причиняла Ватикану немало хлопот. В 1931 году папа Пий XI продолжал с энтузиазмом придерживаться взглядов Вудро Вильсона. Вполне возможно, что его могли поддерживать реалистически мыслящие мадридские либералы из «Дебатов». Государственный секретарь папы Эудженио Пачелли уже обдумывал идеи о создании христианско-демократических партий, которые он успешно воплотил в жизнь после Второй мировой войны, став папой Пием XII. Когда новое республиканское правительство Испании, возглавляемое прогрессивными католиками Алькалой Саморой и Мигелем Маурой, потребовало убрать из Толедо кардинала Сегуру, Ватикан и не подумал помочь своему примасу, которого затем попросили покинуть страну. Что он и сделал, и его репутация не пострадала, когда спустя несколько месяцев, минуя пограничные посты, Сегура вернулся в Испанию. Он успел добраться до Гвадалахары прежде, чем его обнаружили. Правительство еще раз выпроводило его из страны – на этот раз в сопровождении охраны. Но Сегура вновь вернулся после начала Гражданской войны. Во время же его отсутствия пост архиепископа Толедо занял монсеньор Гома, ученый, бывший архиепископ Таррагоны⁷.

Примечания

¹ Как правило, испанские женщины отличались большей религиозностью, чем их мужья.

² До 1500 года положение церкви в Испании заметно отличалось от ситуации в Европе. Хотя средневековую историю Испании часто представляют в виде череды крестовых походов, до XV века религиозная нетерпимость была в ней скорее исключением. Мавры, христиане и евреи соседствовали, относясь друг к другу со взаимным уважением. Великого героя Средневековья Сиды можно было считать оппортунистом, который вступил в союз с исламом против христианского короля Кастилии.

³ До XVIII века Испания считалась крупнейшей империей мира. Но испанская культура, как и дворцовые обычаи, стала носить чрезмерно формальный характер и после смерти Веласкеса в 1660 году практически сошла на нет. Свободное развитие провинций, одну из самых живых испанских особенностей, ликвидировала бюрократия Габсбургов и их бургонских потомков.

⁴ Что, конечно, способствовало и их низкому интеллектуальному уровню.

⁵ Особенно часто это случалось в Басконии на севере Испании.

⁶ Даже испанские фашисты из фаланги, вспоминая Испанию времен католических королей, чьим символом было изображение ярма и стрел, взяли себе этот герб.

⁷ Тем не менее Ватикан вскоре поссорился с республикой, отказавшись принять посла, которого правительство послало к Святому Престолу. Кардиналы Гома и Сегура встретились во Франции 23 июля 1934 года, где между ними состоялся интересный разговор. В его ходе они сошлись во мнении, что папа Пий XI – человек и действует «без горячности, взвешенно и спокойно» и испытывает чрезмерные симпатии к Каталонии. Его явно вводят в заблуждение Анхель Эррера и кардинал Видаль-и-Балагер, архиепископ Таррагоны.

Глава 5

Мятеж мая 1931 года. – Поджоги церквей. – Заговоры монархистов. – Характер испанского анархизма.

10 мая 1931 года, через несколько дней после взрыва страстей, вызванных письмом кардинала Сегуры, группа армейских офицеров и аристократов, решивших хранить неизменную верность королю Альфонсу, собралась в доме на Калье-Алькала, одной из главных улиц Мадрида¹. Формально встреча была посвящена созданию Независимого монархического клуба. Но из граммофона раздавались звуки Королевского марша. Начала собираться толпа. Два припоздавших монархиста обрадовались при виде такого количества народа и закричали: «Да здравствует монархия!» Водитель их такси решительно отказался присоединиться к ним, провозгласив: «Да здравствует республика!» Монархисты нанесли ему удар, и тут же разнеслись слухи, что таксиста убили. Разъярившись, толпа подожгла несколько машин, на которых приехали монархисты, и мгновенно разрослась. Возбужденные демонстранты ворвались в редакцию монархической газеты «АВС» и предали ее огню. Гражданская гвардия рассеяла бунтовщиков, стреляя вверх голов. Тем не менее на следующий день снова начались волнения. Утром иезуитскую церковь на Калье-де-ла-Флор в самом центре Мадрида буквально сровняли с землей. На ее обугленных сгоревших стенах большими буквами написали: «Поделом воровскому племени!» В течение дня в Мадриде было сожжено еще несколько церквей и костелов². Несколько дней пожары полыхали в Андалузии, особенно в Малаге. Всю Испанию охватила тревога. По сути, никто не погиб, хотя несколько монахов едва успели унести ноги. Тем не менее республика осознала, что ее репутация подпорчена. Правительство публично осудило монархистов за то, что они спровоцировали волнения, и закрыло не только «АВС», но и «Дебаты». Новый военный министр Мануэль Асанья, которому пришлось впервые необдуманно высказать *obiter dicta*³, заявил, что он скорее предпочел бы спалить все церкви в Испании, чем причинить вред хоть одному стороннику республики.

Часть из тех, кто собрался в доме на Калье-Алькала, в самом деле планировали заговор с целью мятежа против республики. Они не получили на это одобрения короля Альфонса (тот был в Париже), который потребовал от своих сторонников (в том числе и армейских офицеров) преданности республике⁴.

За несколько дней до этих событий король дал весьма достойное интервью «АВС», в котором сказал: «Монархисты, которые хотят прислушаться к моему совету, должны не только не ставить препятствий на пути республики, но поддерживать все ее патриотические начинания. Выше всех формальных идей республики или монархии стоит Испания». Хотя, без сомнения, он считал, что такому подходу лучше всего поспособствует его возвращение в страну, нет никаких оснований считать, что дон Альфонс хотел осложнить положение нового правительства. В результате многие офицеры армии, военно-воздушных сил и флота в начале мая принесли присягу на верность новому режиму. Но не все изъявили желание сотрудничать с республикой. Заговорщиков вдохновляли генералы Оргас и Понте. Среди них был и Рамиро де Маэсту, в свое время представитель «Поколения 1898 года», бывший анархист, который успел побывать и послом, и журналистом, прежде чем стать ведущим теоретиком зарождающегося испанского фашизма. Примыкали к заговорщикам и поэт правого толка Хосе Мария Пеман, и наваррский интеллектуал Виктор Прадера, и юные монархисты, такие, как Сайнс Родригес, молодой, очень толстый («обилие плоти», называл он себя) эрудит и любитель богемы. Пока за стенами дома собирались гневные толпы, конспираторы

приняли программу из трех пунктов. Они создадут новую и легальную монархическую партию, суть которой замаскируют под названием «Ревонасион Эспаньола»; будут выпускать периодическое издание «Аксьон Эспаньола» под редакцией Рамиро де Маэсту, которое обоснует правомерность мятежа против республики. При партии будет создан научный центр «для сбора текстов по вопросу о законности мятежа». Их организация станет обосновывать в армии «предпосылки к революции». Называться она будет «Унион милитар Эспаньола»⁵.

Толпа, протестовавшая на Калье-Алькала против встречи монархистов, на первых порах состояла из простых прохожих, празднично гулявших в воскресный день, но их возбудило кажущееся покушение на республику. Но продуманные поджоги церковей (и наверное, редакции «АВС»), состоявшиеся на другой день, – это уже дело рук анархистов.

В те времена испанские анархисты насчитывали в своих рядах не менее полутора миллионов мужчин и женщин. Подавляющее большинство их точнее было бы считать синдикалистами, входящими в большой всеобщий профсоюз CNT. Он был основан в 1911 году, чтобы координировать деятельность многочисленных профсоюзных организаций Испании. Они были сторонниками уничтожения формального правительства и замены его системой договоров и соглашений между профессиональными группами. В CNT неизменно господствовали активные и воинственные анархисты, склонные к насилию. Когда в начале двадцатых у CNT появилась возможность договорного сотрудничества с режимом, реформистов выставили из профсоюза. Активные анархисты создали тайное общество, число членов которого никогда не публиковалось. Его цель заключалась в стремлении утвердить в CNT анархистские идеалы во всей их чистоте. Это общество, наводившее страх на всех, называлось FAI – Федерация анархистов Иберии⁶.

Основные цели испанских анархистов практически не изменились со времени появления в Испании в 1868 году первых эмиссаров Бакунина. До этого революционные социалистические идеи, которые так активно обсуждались в Северной Европе, почти не имели приверженцев в Испании, хотя в Севилье и Барселоне возникали ростки кооперативного движения. Несколько интеллектуалов из церковных и творческих кругов привлекли идеи федерализма и перехода власти к трудовым коммунам, Прудона и Фурье. Но в 1868 году в Мадрид прибыл депутат итальянского парламента Фанелли⁷, некогда соратник Гарибальди, а теперь страстный поклонник Бакунина, ведущая фигура в Интернационале. Хотя Фанелли говорил только по-итальянски и по-французски, а среди его слушателей (в основном печатников) немного понимал французскую речь лишь один из десяти, его идеи произвели исключительное воздействие. К 1873 году в Испании уже было 50 000 последователей Бакунина, на первых порах известных как последователи Интернационала, а потом принявших имя анархистов. Они считали себя носителями великой новой истины. Государство, основанное на идее покорности власти, по их мнению, моральное зло. Оно должно уступить место самоуправляющимся структурам – муниципальным, профессиональным и другим, которые будут добровольно заключать друг с другом соглашения. Преступников должна карать общественность. Бакунин, излагавший эту точку зрения, без сомнения, как и Толстой, испытывал ностальгию по русской деревенской жизни, которую знал с детства. Хотя испанцам, среди которых эти идеи дали столь пышные всходы, не было свойственно подсознательное стремление к предельной простоте, противостоящей жесткому диктату государства средневековых деревенских общин и независимых провинциальных коммун, которые процветали в Испании, как и во всей Европе⁸.

В 1871 году спор между Марксом и Бакуниным привел к расколу испанского отделения Интернационала. Основная масса анархистов в Испании последовала за Бакуниным. Меньшинство – социалисты – сформировало свою марксистскую партию. Первые анархисты – главным образом печатники, школьные учителя и студенты, – направившись напрямиком к

труженикам Андалузии, начали проводить продуманную политику просветительства. Революционные возмутители спокойствия шли от одной деревни к другой, подобно бродячим монахам. Они организовывали вечерние школы, в которых крестьяне учились писать; проповедовали трезвость, вегетарианство и верность мужьям, осуждали моральное зло, которое несут с собой кофе и табак. После того как в 1881 году профсоюзы получили легальный статус, анархисты стали утверждаться в Барселоне, куда в поисках работы перебирались многие андалузские крестьяне⁹. Забастовки, которые, как правило, носили воинственный характер, стали оружием, с помощью которого анархисты добивались создания своего общества. Тем не менее даже после создания в 1911 году CNT не существовало забастовочных фондов, так как анархисты предпочитали тратить средства на жесткие и решительные действия, а не на продолжительные переговоры, требовавшие финансовых затрат. Андалузские рабочие были слишком бедны, чтобы платить регулярные взносы. В 1936 году в руководстве профсоюза был всего лишь один платный работник.

CNT делилась на две группы, хотя даже сами члены профсоюза вряд ли обращали на это внимание. Первая, городские рабочие Барселоны, были подлинными синдикалистами, которые утверждали «вертикальный» характер организации общества, впервые предложенного во Франции в конце XIX столетия. Предполагалось, что все рабочие одной фабрики делегируют своих членов в «синдикат», который и обсуждает с другими синдикатами все бытовые и производственные вопросы. Вторая группа состояла из сельских анархистов, главным образом из Андалузии, чья теория представляла собой идеализацию собственного городка, пуэбло, все обитатели которого в сотрудничестве избирают устраивающее их местное правительство. Значимость этого идеала подчеркивалась вторым значением слова «пуэбло», что означало «народ», то есть народ, противостоящий высшим и средним классам. Тонкость была в том, что сторонники этой теории считались чужаками в своем городе.

В Андалузии анархистские забастовки с требованием повышения заработной платы или сокращения рабочего дня (если не золотого века, к которому стремились их лидеры) часто приводили к успеху, ибо крупные землевладельцы и их управляющие боялись тактики насилия, к которому прибегали забастовщики. В Барселоне же борьба между рабочими и владельцами фабрик была долгой и кровавой, поскольку у последних был неисчерпаемый резерв рабочей силы. В результате в 90-х годах XIX века анархисты перешли к террору. Одновременно им широко стали пользоваться их единомышленники в России, с которыми некоторые испанские анархисты поддерживали личную дружбу.

В начале XX века анархисты стали предметом ненависти. Они вербовали в свои ряды всех, кто хоть каким-либо образом протестовал против буржуазного общества, включая обыкновенных преступников. В 1927 году FAI представляла собой целую армию штурмовых отрядов, которые вели более или менее постоянную войну с остальной Испанией. FAI исходила из своих фантастически высоких идеалов. Но ее члены считали, что свободы можно достичь пистолетом вкупе с энциклопедией. Они были склонны верить каждому прочитанному слову. Читая слова Бакунина о том, что новый мир будет построен, когда последнего короля повесят на кишках последнего попа, они испытывали желание немедленно проверить, так ли это. Их страстная убежденность вела к «пропаганде действием», что вызывало панику среднего класса. Анархисты претворяли ее в жизнь поджогами церквей – как в мае 1931 года¹⁰. Их вера в насилие находила отражение во внезапных жестоких политических, а порой и всеобщих забастовках, которые вспыхивали то в одном городе, то в другом. Анархисты не брезговали и убийствами. Они не имели отношения к другим движениям, и им была отвратительна сама мысль стать политической партией в нормальном смысле слова.

В 30-х годах XX века лидером движения стал Хосе Гарсиа Оливер, который проводил умную тактику. Мистер Сирил Конноли, английский критик, описывал его цель как «уничтожение зверя в человеке». Но сам Оливер отсидел в тюрьме за насильственное преступле-

ние. Во время Гражданской войны, когда он стал министром юстиции, один из его помощников, принимая дрожащего архивариуса, предложил тому пожать руку, которая убила 253 человека¹¹. Среди других ведущих лидеров анархистов были Федерика Монтсень, известная представительница интеллектуальных кругов Барселоны; выдающийся организатор стечколыщик Хуан Пейро и два человека, имена которых неразрывно связаны с насилием, – Дуррути и Аскасо. Дуррути, уроженец Леона, еще ребенком работал металлистом в Барселоне. Здесь он встретил Аскасо, пекаря и официанта. На пару они совершили много преступлений, после чего покинули Испанию. Дуррути и Аскасо бродяжничали по Южной Америке и держали в Париже книжную лавку анархистской литературы. Среди их самых громких преступлений – убийство архиепископа Сарагосы¹², покушение на короля Альфонса в 1921 году, убийство в Мадриде женщины-кружевницы и знаменитый налет на Банк Испании. Тем не менее они были не обыкновенными преступниками, а мечтателями, склонными к насилию. Достоевский был бы горд создать такие характеры. Можно ли осуждать испанскую буржуазию, если она трепетала от страха, зная, что двухмиллионную армию рабочих возглавляют два таких неуправляемых человека?¹³

Примечания

¹ Она тянется от Пуэрта-дель-Соль до Гран-Виа. В 30-х годах XX века Калье-Алькала считалась основной улицей кафе в Мадриде. Тут размещались кафе тореадоров, писателей, художников, артистов и так далее. В 1960 году все эти заведения уступили место зданию большого банка.

² В Испании все здания религиозных общин, в которых жили монахи и монахини, именовались «конвентами».

³ *Obiter dicta* (лат.) – неофициальное мнение судьи. (Примеч. пер.)

⁴ Это подтверждается генералом Эррерой, который как постельничий последовал за королем в Париж. Но король уговорил его вернуться в Испанию.

⁵ Свидетелем всего вышесказанного был Бертран Гаэлл, чей рассказ в целом подтверждается официальным изданием «История крестового похода». История заговоров против республики теперь имеет обширную литературу. Так, в частности, утверждается, что вышеупомянутый союз состоял исключительно из младших офицеров, хотя их главой был полковник Бартоломео Барба, которому помогали офицеры связи по всей Испании.

⁶ Пейрат считает, что в 1936 году в него входило 30 000 членов.

⁷ Анархизм Фанелли обрел активную форму после того, как его заставили заплатить за проезд по железной дороге, хотя как депутат он имел право на бесплатный проезд.

⁸ Как ни парадоксально, но проникновению революционных идей в среду испанского рабочего класса способствовала сама церковь, впоследствии немало пострадавшая из-за них. Приверженность церкви к общинным взглядам, ее пуританская враждебность инстинктам конкурентной борьбы – все это сделало идеи Фанелли естественным продолжением старых верований.

⁹ В течение столетия население города выросло со ста тысяч почти до миллиона.

¹⁰ Поджоги церквей – феномен не столько анархистский, сколько чисто испанский. Первый такой факт зафиксирован в 1834 году, когда испанский рабочий класс решил, что церковные иерархи предали их интересы ради торжества аристократии и «новой буржуазии».

¹¹ Хотя это свидетельство привел конкретный человек, его нельзя считать достоверным.

¹² Биография Дуррути, вышедшая во время Гражданской войны, приводит следующую версию этого преступления: «Дуррути и Аскасо услышали, что в Сарагосе творится несправедливость. Поэтому они явились в город из Барселоны и убили кардинала Солдевиллю, который был главным сторонником реакции».

¹³ В течение 30-х годов XX века CNT делилась между самыми крайними противниками существующего общества, возглавляемого FAI и синдикалистами во главе с Анхело Пестаньей, который допускал определенное сотрудничество с обществом. Противоречия длились до 1936 года, когда на конгрессе CNT в Сарагосе синдикалисты снова вошли в CNT, хотя Пестанья остался вне его.

Глава 6

Анархистские забастовки. — Республиканская Конституция. — Кастильбланко. — Закон о земле. — Условия сельского хозяйства в Испании.

Заговоры и пожары мая 1931 года предупредили правительство об опасностях, которые, по всей видимости, подстерегают его и справа и слева. Естественно, министры не знали подробностей планов монархистов. И к анархистам они не относились с той серьезностью, которую те заслуживали. Поджоги церквей были сочтены их чистой провокацией. Состоявшиеся в июне выборы доказали, что большинство народа поддерживает режим. Выборы исходили из приблизительных подсчетов: один член кортесов представлял примерно 50 000 мужчин-избирателей. Без сомнения, это были самые честные выборы, когда-либо происходившие в Испании. В результате избрали 116 социалистов, 60 радикальных социалистов и 30 членов Республиканской партии действия Асаньи (и те и другие, поддавшись уговорам Асаньи, сочли себя либералами); 90 радикальных последователей Лерру и 22 прогрессиста, сторонника Алькалы Саморы. Кроме того, были избраны 43 члена каталонской «Эскерры» и 16 – галисийских националистов из партии Касареса Кироги. Предполагалось, что все они в целом будут голосовать совместно с правительством. Против них правые могли выставить только 60 членов. Большинство – представители партий среднего класса, склонных предоставить республике шанс. Было только 19 членов «*Renovación Española*» («Обновленная Испания»), легальной монархистской партии, которые только в прошлом месяце на тайной встрече достигли соглашения между собой. Правительство чувствовало себя в безопасности. Даже ряд бурных забастовок, организованных в июле и августе CNT, не поколебал это чувство уверенности. Тем не менее во время всеобщей забастовки в Сан-Себастьяне погибло три человека. Правительству пришлось также пустить в ход артиллерию, чтобы разогнать всеобщую забастовку в Севилье, где было убито тридцать человек и более двухсот ранено. То была крупная политическая акция. Правительство так и оценило ее и посчитало такие действия оправданными. Тем не менее с тех пор как Ларго Кабальеро стал министром труда и UGT полностью поддержало правительство, насильственных действий со стороны рабочего класса избежать было невозможно.

К осени комитет новоизбранных кортесов подготовил вариант Конституции. И тут правительство допустило грубую оплошность. Было связано слишком много надежд с тем, что новый режим воздержится от подготовки текста Конституции. И это стало серьезной ошибкой – Конституция республики представляла собой в высшей степени противоречивый политический документ, полный эмоциональной и уклончивой фразеологии, содержащий много статей, совершенно неприемлемых для большинства влиятельных, обладавших властью испанцев. Либералы 1931 года повторили ошибку многих своих предшественников XIX века. С их точки зрения, новый режим должен был выражать только их собственные политические взгляды. Так, набросок Конституции начинался словами: «Испания представляет собой демократическую республику тружеников всех классов, организованных в режиме на основе свободы и справедливости». Правительство «исходит из народа», и все граждане признаются равными. Страна отказывается от войны как средства национальной политики. Не признаются никакие аристократические титулы и звания. И мужчины и женщины могут голосовать с 23 лет.

Даже эти положения были достаточно противоречивыми, а последовавшие за ними статьи, относящиеся к религии, вызвали неподдельную бурю негодования. Выплаты государства священникам приостанавливались на два года, хотя их заработная плата была частью компенсации, которая выплачивалась церкви за конфискацию земель в 1837 году.

Все религиозные ордена были обязаны зарегистрироваться в министерстве юстиции. Если принималось решение, что они представляют собой опасность для государства, их распускали¹. Ордена, которые требовали дополнительных обетов, кроме трех канонических, распускались в любом случае. Это был просто способ отделаться от иезуитов, которые обычно требовали клятвы на верность папе. Ни один орден не имел права на собственность большую, чем это нужно для существования, а также заниматься коммерцией. Все они должны были ежегодно представлять государству декларации о доходах. Образование предполагалось строить на основе «идеалов человеческой солидарности». То есть религиозному образованию был положен конец. Полагалось получать официальное разрешение «на все публичные манифестации религиозного характера», такие, как пасхальные и рождественские шествия. Допускались разводы.

Включение таких подчеркнуто антиклерикальных статей в текст Конституции Испанской республики оказалось политической глупостью. Осуществление таких условий было бы под силу лишь более счастливой и справедливой Испании. Можно понять, что Асанья, который добился смягчения самых жестких требований, вволю настрадался от братьев-августинцев в школе мрачного Эскориала. Тем не менее было бы куда умнее отложить этот полный разгон церкви до лучших времен. Стоило бы дожидаться, пока место августинских и иезуитских учебных заведений займут светские школы такого же уровня. Ибо при всех своих недостатках монашеские ордена содержали в стране лучшие, и практически единственные, средние школы. Даже либеральная пресса осудила эти меры. Но Асанья гремел в кортесах: «Не говорите мне, что это противоречит свободе. Речь идет об общественном здоровье». Впоследствии все испанские католики, если они хотели критиковать образовательную или религиозную политику, оказывались в положении, требующем вообще отвергать Конституцию республики.

Дебаты в кортесах по поводу этих клерикальных статей вызвали первый из многочисленных правительственных кризисов Второй республики. Премьер-министр Алькала Самора и министр внутренних дел Мигель Маура, оба католики, подали в отставку. Спикер кортесов социал-реформист Бестейро, временно занимавший пост президента Испании, обратился к Асанье с призывом сформировать другое правительство. Поскольку в ходе дебатов о религиозных проблемах Асанья возглавлял правительственные партии, выбор пал, естественно, на него. Его выдвижение несказанно разгневало радикала Лерру, который вместе со своими девятью десятками сторонников перешел в оппозицию. Но и после этого правительство осталось резко антиклерикальным, ибо в него вошли новые либералы, единомышленники Асаньи и социалисты. Тем не менее Алькала Самора согласился стать первым президентом республики. Без сомнения, его соблазнили и солидный должностной оклад и высокое звание. Так что нельзя утверждать, что католики были полностью отстранены от управления государством.

Конституция наконец была принята кортесами в конце 1931 года. Правительству осталось лишь выпустить немалое количество законодательных актов, которые введут в действие статьи Конституции. Первым делом министры занялись «Законом о защите республики». Конституция провозглашала, что в случае чрезвычайного положения на тридцать дней отменяются все свободы. Новый закон давал право министру внутренних дел запрещать все публичные собрания. Это положение подверглось атаке со стороны правых, которые посчитали, что оно прокладывает путь к диктатуре. Но в последний день 1931 года произошел кровавый инцидент, который привлек внимание всей страны.

В далеком пустынном районе Эстремадуры располагалось небольшое пуэбло Кабель-бланко, где жили 900 человек. Условия жизни ничем не отличались от всего этого региона. Тут особо не голодали. О насилии не знали. Тем не менее местное отделение CNT обрати-

лось за разрешением провести митинг. В нем было отказано. Анархисты решили настоять на своем. На защиту власти явилась гражданская гвардия.

В то время в ее рядах по всей Испании числилось порядка 30 000 человек. Она была организована в 1844 году, чтобы защищать порядок и спокойствие в сельской местности, в которой долгое время господствовали бандиты. Они использовали методы партизанской войны, доказавшие свою действенность в войне против Наполеона. Гражданская гвардия была организована наподобие армии, ею командовали офицеры в военных чинах, и возглавлял ее генерал. В ее составе были солдаты и офицеры регулярной армии. Облаченные в зеленую униформу, в треуголках, эти полицейские силы, обитавшие в мрачных казармах, вели себя как армия захватчиков. Гражданские гвардейцы никогда не служили в той части страны, откуда были родом. Им не позволялось общаться ни с кем из жителей той деревни, где они были расквартированы. Гражданская гвардия пользовалась репутацией жестокой и безжалостной силы. «Если кто-то вступает в ряды гражданской гвардии, – заметил Рамон Сендер, – то тем самым он объявляет гражданскую войну всем остальным»².

В Кастильбланко в 1931 году гражданская гвардия была столь же непопулярна, как и по всей Испании. Гвардейцев постигла ужасная судьба. Когда они попытались воспрепятствовать митингу CNT, на них напало все население деревни. Четверым разmozжили головы, выкололи глаза, а трупы изуродовали. На одном из трупов впоследствии насчитали 37 ножевых ран. И так же, как в Фуэнте-Овехуне, поселке, чьим именем была названа пьеса Лопе де Веги, привлечь убийц к суду оказалось невозможным. Ответственность пала на всю деревню, а не на кого-либо из ее жителей. За этой трагедией последовали примерно такие же, хотя не столь драматические, события в других пуэбло. В Аренальдо успех оказался на стороне гражданской гвардии, которая дала выход бессмысленному чувству жестокой мести; но в Сальенте, в долине Люобрегат недалеко от Барселоны, CNT захватила и удерживала его несколько часов, подняв над ним красный флаг и объявив себя независимой общиной³.

Повторяемость таких взрывов насилия со стороны рабочего класса против режима, похоже, наконец заставила правительство задуматься над решением фундаментальных социальных проблем, которые вызывали волнения испанских рабочих. Особое внимание следовало уделить сельскому хозяйству Испании.

В 1936 году работоспособное население Испании насчитывало 11 миллионов человек. Два миллиона можно было отнести к среднему классу, два – к его нижнему слою (торговцы, мелкие художники). Четыре с половиной миллиона были заняты в сельском хозяйстве, два или три работали в промышленности или на шахтах. Последней группе, благодаря хорошей организации и потребности в угле, первой удалось добиться сравнительно неплохих условий жизни. Сельскохозяйственные районы на севере, северо-востоке и на Средиземноморском побережье вплоть до Валенсии состояли из приусадебных участков, достаточно больших и плодородных, чтобы прокормить семью. Среди них кое-где встречались крупные поместья. Кроме того, эти районы, в которых была проложена лучшая в стране ирригационная система, были сравнительно близки от промышленных центров Каталонии и Басконии. Остальная же часть сельской Испании пребывала в бедности. В обеих Кастилиях, в Андалузии и Эстремадуре из 1 026 412 «землевладельцев», плативших налоги, 847 548 довольствовались доходом менее одной песеты⁴ в день в ценах 1936 года. На северо-западе, в Галисии, где многие мелкие собственники обрабатывали скромные клочки бесплодных земель, положение было примерно таким же. В Ламанче и Новой Кастилии на земле работали главным образом фермеры-арендаторы и мелкие собственники. В провинциях Андалузия и Эстремадура преобладали большие запущенные поместья, в которых кормилось множество безземельных батраков. В 1936 году условия жизни во всех этих районах были примерно такими же, как во времена Реконкисты или даже при римлянах. Летом работники могли зарабатывать до

шести песет в день, но это в виде исключения. От весны до осени, четыре или пять месяцев, средний заработок этой прослойки колебался между 3 и 3,5 песеты в день. Остальное время года они оставались без работы. Эти сельскохозяйственные рабочие жили в больших запущенных деревнях, которыми славится юг Испании, и никогда не отдалялись от них, ибо тут была жива средневековая потребность собираться всем вместе, чтобы легче держать оборону. В этих пуэбло агенты землевладельцев набирали рабочую силу, когда в ней возникала потребность. С рассветом жители, «одетые в поношенные холщовые куртки и сандалии из пеньки», собирались на деревенской площади, которая становилась своеобразным рынком рабов. Тех, к кому не было никаких политических или производственных претензий, набирали на работу. Но и всем остальным находилось дело, ибо их могли взять на работу в соседней деревне – или даже в Португалии.

Фермеры-арендаторы в этих районах в основном находились на том же положении, что и прочие два класса. Они зависели от милости своих лендлордов, у которых на короткие сроки арендовали землю. Обычно платили арендную плату: натурой или деньгами в зависимости от урожая и полученных доходов. Зависели они также и от ростовщиков, которые ссужали им деньги на приобретение рабочего инвентаря.

Большинство землевладельцев в Андалузии и Эстремадуре почти не занимались своими поместьями и работниками. Правда, если им это было выгодно, они все же возделывали землю. Но многие относились к ним как к далеким колониям и лишь изредка навещали. Они доверяли управление своей собственностью местной власти, касикам, которые обеспечивали и политическую стабильность на местах. Те же, что относились к своим батракам как к рабам, тем не менее были почти столь же бедны и безденежны, как и их арендаторы. Они жили в большом доме в окружении слуг и домочадцев, но не могли позволить себе на поезде поехать в Мадрид, не говоря уж о проживании там в гостинице.

Проблемы испанского сельского хозяйства были незаживающей язвой, влияние которой сказывалась на всей стране, и источником силы анархистов. Ибо самыми активными сторонниками CNT всегда были безземельные батраки Андалузии и те жители провинции или их дети, которые перебрались на заводы Барселоны. Если бы республика, прежде чем напасть на церковь, занялась аграрной реформой, то почти все, кроме нескольких крупных землевладельцев, поддержали бы реформаторов. И действительно, аграрный закон 1932 года, представленный в кортесы, почти не встретил сопротивления. Он относился только к Андалузии, Эстремадуре, трем провинциям Кастилии (Сьюдад-Реаль, Толедо, Саламанка) и Альбасете в Мурсии. Все необрабатываемые поместья размерами больше 56 акров должны были перейти в распоряжение Института аграрных реформ, который платил за них компенсацию. Он оценивал суммарную стоимость участка исходя из налоговых поступлений⁵. Государство обеспечивало сохранность земель и затем передавало их или отдельным крестьянам, или их кооперативам⁶. В обоих случаях новым собственником земли становилось государство.

По словам Ларго Кабальеро, который продолжал оставаться министром труда, этот закон стал попыткой «лечить аппендицит аспирином». Он не затрагивал Галисию или большую часть Кастилии, где условия были почти такими же плохими, как и на юге, и лишь осторожно касался такого вопроса, как сельскохозяйственные кредиты. В нем не было никаких новых планов по немедленному орошению засушливых земель. В то время орошались лишь полтора миллиона гектаров, три процента от всей страны. Ирригация могла бы ввести в оборот культурного землепользования еще 6 миллионов акров. Но даже в таком виде закон мог бы стать началом решения аграрной проблемы в Испании, улучшив бедственное положение крестьян. Ведь из-за удивительного разнообразия климата и качества земель самые большие в мире урожаи (кроме кофе) созревали в Испании. Несмотря на небольшое количество осадков, бедные почвы и обилие каменистых поверхностей, Испания могла бы стать

страной с процветающим сельским хозяйством. Ведь еще Гиббон при римлянах назвал ее «изобильной страной».

Надо признать, что сельскохозяйственная революция зависела от дополнительной промышленной и финансовой поддержки. В начале 30-х годов XX века рассчитывать на это было нереально из-за острого кризиса, который и стал основной причиной краха монархии и, усугубившись в промышленном секторе испанской экономики, способствовал падению республики. Подоплека диспутов в кортесе о религиозном образовании базировалась на проблеме закрывающихся шахт и предприятий и падении песеты. Тем не менее по всей республике продукция сельского хозяйства (но не промышленности) продолжала расти⁷.

Примечания

¹ Первоначальный вариант Конституции предполагал поголовный роспуск всех религиозных орденов.

² Нет никаких оснований считать, что этот взрыв насилия был заранее подготовлен CNT или FAI. В то же время легко можно было предположить нечто подобное. Состоялся убедительный пример «пропаганды действием».

³ Правительству потребовалось пять дней, чтобы вернуть город. В результате из страны были депортированы многие анархисты и среди них Дуррути и Аскасо. Последний писал из трюма тюремного судна: «Бедная буржуазия, которой приходится прибегать к таким средствам, чтобы выжить. Они, конечно, находятся в состоянии войны с нами и, естественно, защищаются, убивая и изгоняя нас и делая из нас мучеников».

⁴ Одна песета равнялась шести пенсам.

⁵ Это был бы правильный подход, если бы не стремление уклониться от налогов.

⁶ Этот вопрос стал предметом споров в правительстве между социалистами и либеральными республиканцами. Первые придерживались принципов коллективизации, а вторые – индивидуального хозяйствования.

⁷ Падение промышленного производства и, соответственно, рост безработицы среди промышленных (но не сельскохозяйственных) рабочих стал причиной серьезных обострений в республике. И пусть даже сельское хозяйство оставляло желать лучшего, если бы Испания в полной мере стала разрабатывать залежи своих руд и минералов, (меди, железа, ртути, пиритов и т. д.), то она могла бы войти в число ведущих мировых поставщиков сырья. Испанские шахты работали только на 10 процентов от своих возможностей, хотя могли бы разрабатываться богатые залежи соли, поташа и серы, а также бурого угля и антрацита. Стремительное течение испанских рек могло бы стать неиссякаемым источником электрической энергии. Конечно, было много и естественных причин, затрудняющих хозяйствование, – особенно засухи и бесплодные земли. Но в течение последних четырех столетий испанцы направляли всю свою энергию на борьбу не с ними, а друг с другом. Варварство христианских завоевателей, заваливших оросительные каналы мавров в Гранаде, должно служить постоянным укором для тех, кто все принес в жертву идеалам.

Глава 7

Каталонский статут. – Баски. – Армия. – Новые заговоры. – Мятеж генерала Санхурхо 1932 года.

Итак, аграрный закон прошел через кортесы, не вызвав больших споров. Неизменно горластая правая оппозиция специально копила силы для рассмотрения статута Каталонской автономии. В 1931 году в Каталонии состоялся плебисцит. За самоуправление был подан 592 961 голос и только 3276 против. Трудно припомнить какие-либо свободные выборы, в которых было бы столь подавляющее преимущество. Кстати, в Конституции республики содержалось положение, что в случае необходимости Испания может обрести «федеративное» устройство; если определенное количество регионов этого пожелают, то получают право выбирать себе форму государственного устройства. К лету статут Каталонии стал законом. Муниципальное правительство Барселоны было реорганизовано в правительство Каталонии и получило название Женералитат – совет средневекового города. Его права были несколько ограничены в области образования, полиции и сбора налогов. Официальными языками признавались испанский и каталанский. Система чем-то напоминала сегодняшнее положение в Северной Ирландии, поскольку Каталония продолжала посылать депутатов в центральный парламент, а также в новый местный, в Барселоне. Каталонцы предполагали, что получают больше власти, особенно в плане контроля над гражданской гвардией. Но в любом случае это было великим событием. Под радостные крики толпы, которая так долго ждала удовлетворения своих чаяний, полковник Масиа появился вместе с Асаньей на балконе Дворца Каталонии.

«Я получил полные заверения, – сказал Масиа, – что Божьим соизволением вы получите этот статут. Но он будет не тем, за который мы голосовали».

Так началась короткая, бурная и трагическая история Каталонской республики.

А тем временем примерно такое же требование самоуправления поступило и со стороны басков.

Народ басков насчитывал примерно 600 000 человек, которые с незапамятных времен обитали на западных склонах Пиренеев. Из них примерно 470 000 жили в Испании, остальные во Франции. Происхождение этого народа остается тайной. О небольшой разнице между басками и испанцами говорит сравнение национальных баскского и иберийского танцев, что отметил еще Страбон. И те и другие жарко, но очень убедительно спорили, что баски – это те же жители Иберии, которые, обитая в своих затерянных долинах, смогли сохранить свою обособленность. Тем не менее баскский язык невозможно сравнить с каким-то другим¹. Единственным достоверным фактом их особого происхождения были сведения источников об обитании еще до начала письменной истории в горных провинциях Испании – Гипускоа, Бискайя, Алава и Наварра² – и частично во Франции некоего сообщества басков.

Основными чертами этого сообщества еще с незапамятных времен можно считать преданность религии, политическую независимость и сельскохозяйственную самодостаточность. Поскольку церковь в этих местах была, так сказать, ближе к земле, то в баскских селениях храмы стали центрами общественной жизни. Муниципальные советники обычно собирались на боковых верандах этих, как правило, приземистых квадратных строений. В самой церкви пуританский подход басков к религии выражался в том, что мужчины и женщины сидели порознь, разделенные или проходом, или этажом: мужчины располагались на галерее, а женщины внизу на скамьях храма. Баскские священники утверждают, что в 1936 году 99 процентов сельского населения Гипускоа, Алавы и Бискайи и 52 процента жителей

индустриальных районов (те, кто были басками по крови) исправно придерживались всех требований христианства.

Начиная с раннего Средневековья каждые два года представители всего мужского населения старше 21 года собирались под дубом в Гернике, в провинции Бискайя. Здесь монарх или, чаще, его представитель приносил клятву, заявляя, что будет уважать права басков. Затем избирался исполнительный совет, которому предстояло править очередные два года. И древний дуб, и город Герника были святынями басков, они привнесли в политическую жизнь древнее почитание дубов. Эти обычаи укоренились еще до вторжения мавров, с которыми баски никогда не воевали. Несмотря на такие отличия, баски всегда оставались неотъемлемой частью Кастилии³. Когда Кастилию отвоевали у мавров, большая часть ее была заселена баскскими поселенцами. Первые реальные попытки национального самоопределения басков датируются началом XIX столетия, когда в силу своего ярого католицизма, а также местного патриотизма баски вступили в армию карлистов, поддержав их в войне против антицерковников-либералов из центра. В результате в 1939 году местные права басков были аннулированы.

Гнев, который это решение вызвало у кастильцев, усилился во второй половине XIX века, подогретый индустриализацией Испании. Баски с давних времен были известны как хорошие кораблестроители, ибо в Бискайе не было недостатка в дереве – там росли густые дубовые леса. К концу XIX века Бильбао стал крупным промышленным городом, поскольку в его окрестностях были обильные и легкодоступные залежи железных руд. В XX веке 45 процентов торгового флота Испании построили в Басконии; почти все производство металла также переместилось туда. В Бильбао образовалось общество, многими чертами напоминающее то, что сложилось у главного торгового партнера басков – Британии. Крупные баскские банки обеспечивали надежную сохранность вкладов среднего класса, их отделения были открыты по всей Испании. Сами финансисты обитали в ухоженных поместьях и проводили время в своих клубах. (Тем не менее рабочий класс Бильбао оставался далеко не столь англоязычным, сохраняя свои бытовые привычки.) А баскские и каталонские бизнесмены недвусмысленно поддерживали своим весом и немалым влиянием романтиков, возглавляемых Сабино Арана-Гойри, которые начали требовать восстановления местных прав, отмененных сравнительно недавно. Требования басков о введении самоуправления всегда были выдержаны в достойной манере. Их приверженность римско-католической церкви стала причиной неудачи попыток быстро достичь соглашения с республиканцами или левыми партиями, которых они уговаривали поддержать требования об автономии со стороны любого региона. Так, баскские депутаты покинули кортесы, когда шла дискуссия о клерикальных статьях Конституции. Тем не менее в конечном итоге все же был разработан статут Басконии, который должен был обеспечить ей почти такой же уровень автономии, которого добилась Каталония. В июне 1932 года делегаты четырех провинций встретились в Памплоне. Представители Наварры незначительным большинством (123 голоса против 109) отвергли статут. Но их отношение отличалось от точки зрения большинства басков, и представители трех остальных провинций подавляющим большинством голосов приняли статут. Их точка зрения была одобрена плебисцитом, прошедшим в трех провинциях⁴. К тому времени все классы и группы провинций Басконии, включая социалистов⁵, многие из которых были иммигрантами из Астурии, Андалузии или Галисии, поддерживали требование частичной независимости. По сути дела, они одобрили древний баскский лозунг: «За Бога и наши древние права». Тем не менее никакого союза между баскскими националистами и организациями рабочего класса не получилось.

Баскские сепаратисты были еще большими националистами, чем каталонцы. Их движение держалось на противостоянии антиклерикализму республики. Не в пример Барсе-

лоне, рынки сбыта и источники сырья басков находились за пределами Испании. Они были убеждены, что смогут прожить на своей древесине и металле. Этот мирный народ не любил споры и терпеть не мог войны. Легко понять, почему они считали, что Испании с них более чем достаточно. Трагическая же ирония заключалась в том, что именно неприязнь к самой Испании вовлекла их в гражданскую войну и в конечном счете уничтожила.

Лидером баскских националистов стал молодой юрист Хосе Антонио Агирре, выходец из среднего класса, из семьи с карлистскими взглядами. Они многим был обязан своей приятной внешности, молодости и спортивными успехами в Атлетическом клубе Бильбао⁶.

Сравнительные успехи двух сепаратистских партий в Каталонии и в провинциях басков вызвали отзвуки по всей Испании. Сепаратистское движение в Галисии началось еще во времена диктатуры Примо де Риверы. Статут галисийской автономии составлял тот же Касарес Кирога, министр внутренних дел в правительстве Асаньи. Такие же непростые проблемы обсуждались и в Валенсии, и даже в Кастилии. Казалось, что Испания снова расколет, вернувшись ко временам городов-государств. Это была еще одна причина скрытых опасений правительства и желания прибегнуть к силе.

Церковь и многие уважаемые представители среднего класса отстранились от республики из-за антиклерикальных статей Конституции. Землевладельцы были разгневаны аграрным законом. Более всего статутом Каталонии и явным развитием событий в сторону федеративного Испанского государства возмутилась армия.

Остались в прошлом те дни, когда француз Брантом мог испытывать гордость за человечество, видя, как испанцы направляются на войну во Фландрии «подобно принцам с их надменной неподражаемой грацией». В настоящее время возможности испанской армии вызвали серьезные сомнения даже по своей подготовленности. Веллингтон, на чьей стороне дрались испанцы, оценил их как отважных, но совершенно недисциплинированных солдат. Английские наблюдатели во время карлистских войн отмечали то же самое. Первая из этих войн завершилась не победой на поле боя, а компромиссным соглашением, по которому все офицеры карлистов получали право служить в регулярной армии с сохранением полной зарплаты. Так началась долгая эра преобладания офицеров в численном составе испанской армии. Например, в последние годы монархии на 207 000 солдат приходилось 19 906 офицеров (включая 219 генералов) – то есть один офицер на каждые десять рядовых⁷.

Утверждали, что эти силы созданы не для обороны от зарубежных врагов Испании, а для того, чтобы блюсти порядок в самой стране. Еще со времен Наполеоновских войн офицеры испанской армии привыкли использовать военную силу для руководства политической жизнью страны. Кроме карлистских войн с 1914-го по 1923 год состоялось не меньше сорока трех «пронунсиаментов», успешных и провальных. С 1968-го по 1875 год армия сместила монарха, призвала другого принца из Италии, установила республику, восстановила порядок, а вслед за ним и монархию. Хотя поражение в испано-американской войне 1898 года стоило ей немалой доли престижа, когда в 1905 году какая-то каталонская газета нанесла «оскорбление чести армии», это привело к совершенно удивительному соглашению: все нападки на армию будут караться теперь по законам военного времени. В 1917 году армия сокрушила всеобщую забастовку, хотя в то время она переживала медовый месяц увлечения синдикалистскими идеями. С 1923-го по 1930 год в Испании существовала военная диктатура генерала Примо де Риверы, и он оставил свой пост, лишь получив сообщение, что гарнизоны его не поддерживают. А тем временем совершенно провальные с военной точки зрения марокканские войны, которые длились с 1909-го по 1927 год, дали армии массу возможностей для самовозвеличивания и самовосхваления. Сомнительно, чтобы с такой политической биографией она надолго удержала бы свой престиж в истории республики.

В силу этого Асанья, став военным министром, решил уменьшить власть и влияние армии. Со своей фатальной способностью выдавать фразы, которые надолго оставались в

памяти, он заявил, что собирается «растереть в порошок» военную касту. Асанья решил это сделать, отменив особые юридические права армии, обусловленные Законом о юрисдикции 1905 года. Он ликвидировал Высший совет армии (и флота) и поставил военные силы под контроль обыкновенных судов. Асанья снял также с постов восемь капитан-генералов, которые пользовались едва ли не вице-королевской властью в восьми старых провинциях или регионах Испании. Он поставил всех офицеров перед выбором: принести присягу на верность республике или выйти в отставку с полным пенсионом. Многие воспользовались этим великодушным предложением и, подобно генералам Понте и Оргасу, стали проводить время, плетя заговоры против нового режима. Кроме того, Асанья стал сокращать армию, без сомнения имея целью сделать ее более компактной и эффективной. Но другие его меры – например, аннулирование повышения по службе, полученного за отвагу на поле боя, – привели к тому, что Асанья и его правительство стали крайне непопулярными в ортодоксальных офицерских кругах. Хотя он сам постоянно утверждал, что, по его мнению, нет человека более верного республике, чем обыкновенный офицер. И когда генеральный инспектор армии генерал Годед (кстати, весьма политизированный) помог «пронунсиаменту» генерала Примо де Риверы, а потом неудачно выступил против него – арестовал полковника-республиканца Хулио Мангаду за то, что тот выкрикнул: «Да здравствует республика!» в ответ на генеральский клич во славу Испании на общем обеде, – Асанья поддержал его и арестовал Мангаду за несоблюдение субординации. Тем не менее многие из строевых офицеров продолжали выражать свое недовольство.

Во времена республики в испанской армии было 15 000 офицеров, а под их командованием находилось 115 000 солдат, которые, кроме Иностранного легиона и туземных марокканских частей (их называли Африканской армией), состояли из призывников, исполнявших свой долг перед страной. Формально служить полагалось два года, но на практике этот срок редко превышал восемнадцать месяцев. Эта армия (опять-таки кроме Африканской) состояла из восьми пехотных дивизий, одной кавалерийской, двух горно-стрелковых и двух артиллерийских бригад. Она была размещена по всей Испании в гарнизонах, которые обычно стояли в столицах провинций. Подлинная численность армии была, без сомнения, меньше, ибо многие части оказались небоеспособны. Часть старших офицеров сражались в марокканских войнах⁸ и с ностальгией вспоминали атмосферу боевого товарищества. Там, хотя многие из них погибли, была возможность быстрого продвижения по службе и свобода от жестких требований военного устава. Политическая некомпетентность Мадрида заставляла их вести войну со связанными руками и ногами, не имея в достаточном количестве оружия и боеприпасов. После того как Примо де Ривера с помощью Франции наконец разбил рифов, офицеры, которые сделали себе имя в этих тяжелых кампаниях, продолжали восторженно вспоминать две силы, которые и помогли им одержать победу. Это был Иностраннный легион, состоящий, несмотря на свое название, в основном из испанцев с примесью португальцев, немцев и французов; создан он был в 1920 году как ударная сила. А также мавританские туземные части, полусолдаты-полуполицейские, в чьи задачи входило удержание завоеванных территорий. Иностраннный легион пользовался репутацией части, склонной к неконтролируемому насилию. Любимым девизом там было выражение: «Долой умников! Да здравствует смерть!» Обои частями командовали испанские офицеры, и в 1936 году их численный состав насчитывал 34 000 человек.

Многие из них по традиции видели национальную идею в великой вечной кастильской Испании, где они должны, не занимаясь политикой, блюсти порядок, отторгая все испанское (под которым они понимали сепаратизм, социализм, масонство, коммунизм и анархизм). Военные были убеждены, что присяга, которую они давали как офицеры («хранить независимость страны и защищать ее от всех врагов, внешних и внутренних»⁹), выше клятвы на верность республике. Средний испанский офицер был не очень доволен жизнью, часто

испытывал раздражение и придерживался правых взглядов. В этом плане он не отличался от всех прочих офицеров в других странах в мирное время. В Испании, как и повсюду, молодой офицер, пока еще получавший финансовую помощь от семьи, в целом был счастлив, особенно в то время, когда его стройная фигура, облаченная в блестящий мундир, кружила головы девушкам на выданье из соседских семей. Затем следовал краткий период обручения, производство в капитаны, брак. Росли расходы, поскольку реноме требовалось поддерживать, а жалование оставалось низким. Военное рвение молодости испарялось. Светский лев бальных залов превращался в обыкновенного помятого жизнью служаку государства. Его жена мучилась и старела из-за постоянного безденежья и завистливо указывала мужу на некогда презираемых им штатских современников. Такой образ жизни характерен для массы офицеров во всех странах. В Испании хоть был какой-то выход. Офицер мог принять участие в перевороте, который в случае успеха вознес бы его куда выше друзей из числа либералов и коммерсантов.

В силу всех этих причин заговор, во главе которого стоял монархист генерал Оргас, имел серьезные шансы на успех. Секретная организация, целью которой было создание «революционной ситуации в армии», UME (Военный союз Испании), решительно взялась за дело. Летом 1932 года Каталонский статут вызвал бурю эмоций среди офицеров. Дело было не только в том, что фактическое создание Каталонского государства угрожало целостности Испании, которую офицеры поклялись защищать. Каталонское самоуправление, похоже, открыто уязвляло армию, стараниями которой в Барселоне с 1917-го по 1923 год действовали законы военного времени.

Разве не к каталонским националистам генерал Примо де Ривера отнесся куда жестче, чем к многим другим своим критикам?

В то же самое время составлялись и иные планы, направленные против республики. То и дело спорадически проводились встречи, начало которым было положено на Калье-Алькала в мае 1931 года. Число их участников ширилось. В конце 1931 года король Альфонс, находящийся в изгнании, отказался от бывшего осуждения своих мятежных сторонников. За сим последовал судебный процесс над ним и приговор к пожизненному заключению *in absentia*¹⁰. Наконец был подписан пакт между его партией ортодоксальных монархистов «Обновление Испании» и сторонниками дальнего родственника короля дон Хайме, карлистского претендента на престол. Ортодоксальные монархисты испытывали предубеждение, обоснованное с точки зрения Конституции, к переговорам с карлистами, которые ныне взяли себе более респектабельное имя традиционалистов. Так или иначе, эти две группы формально согласились сотрудничать. Их альянс получил название TYRE («Традиционалисты обновленной Испании»). Тем не менее, когда вскоре после этого дон Хайме скончался, его наследник, пожилой дядя дон Альфонсо Карлос (во Второй карлистской войне он командовал дивизией), денонсировал это соглашение, и к тому же сами карлисты разделились. Неукротимые сторонники дон Альфонсо Карлоса попытались возродить память об их прежнем сильном «сообществе» – они не хотели считать себя обыкновенной политической партией. Можно было предполагать, что, как и в XIX столетии, самую весомую поддержку они получают в Наварре. Хотя в этой провинции и во многих деревнях пользовались баскским языком, политические события прошлого и сегодняшнее экономическое развитие побуждали Наварру следовать не столько за баскскими националистами, сколько за карлистами. Ибо наваррцы представляли собой сплоченную группу сельских хозяев, обитавших у подножия Пиренеев. Причина, по которой они в массе своей выступали против Баскского статута, была проста – в Наварре не было ни бизнесменов, ни буржуазии, которым хотелось бы вести западный образ жизни и свободно заниматься коммерцией. Наваррцы были ревностными католиками, и их священники не собирались модернизировать или гуманизировать христианские доктрины. Путешествие в Наварру в полной мере возвращало в Средне-

вековье. Нет необходимости говорить, что антиклерикальные реформы республики вызвали в Наварре резкое неприятие и сами по себе пробудили к жизни старый дух этих пиренейских долин – к середине 1932 года практически не было ни одного крупного города, где не существовало бы отделений карлистского движения. Обычно ими руководили аристократы, не гнушающиеся насилием.

Политические идеи карлистов были достаточно примитивны. Несколько лет назад группа политиков обсуждала идею возвращения монарха. При этом присутствовал граф Родесно, высокий циничный аристократ, возглавлявший в кортесах партию традиционалистов. Один из политиков повернулся к нему и спросил, кто мог бы быть премьер-министром в случае возвращения короля. «Вы или один из этих джентльменов, это же чисто секретарские дела». – «Но чем бы вы стали заниматься?» – «Я? – воскликнул граф. – Я бы пребывал при короле, и мы говорили бы об охоте». Политика, построенная на разговорах об охоте, – такова была сущность карлистских взглядов на развитие общества. Ортодоксальные монархисты – это, как правило, весьма богатые люди, крупные землевладельцы, финансисты. Среди карлистов же нередко можно было встретить полностью обедневших аристократов с безукоризненной генеалогией, которые тем не менее были не в состоянии расплатиться с долгами.

Так что не было ничего странного в том, что глубокая, полумистическая религиозность карлистов заставляла их с откровенной враждебностью относиться к современному миру (особенно к либерализму и к Французской революции). Они были страстно преданы своему девизу: «За Бога, Отечество и короля». Но если анархисты верили, что создадут новый мир с помощью пистолета и энциклопедии, то карлисты испытывали такую же веру в пулемет и католический молитвенник.

Все эти заговоры постиг преждевременный конец в ходе неудавшейся попытки «пронунсиаменто» генерала Санхурхо в августе 1932 года. Генерал относился к числу самых известных вояк в Испании. Ветеран испано-американской войны, он командовал войсками до самого конца марокканской кампании. Именно он, «Рифский Лев», в 1927 году вернул Испании победу. Ранее Санхурхо принимал участие в «пронунсиаменто» Примо де Риверы в 1923 году. Он был смелым и крепко пьющим, пользовался репутацией ловеласа, и его выразительная физиономия представляла собой странное сочетание вялости и силы. В 1931 году он командовал гражданской гвардией и сообщил королю, что тот не может рассчитывать на его корпус в деле спасения монархии. В 1932 году, получив пост командующего карабинерами (пограничной стражей), генерал легко позволил себя убедить друзьям из числа монархистов и соратников по армии, что его обязанность – поднять мятеж против республики. «Вы единственный, мой генерал, можете спасти Испанию», – говорили они ему¹¹. Сам же Санхурхо, похоже, сомневался в исходе дела и не уделял большого внимания организации заговора. Тем не менее его откровенно потрясла трагедия в Кастельбланко. Он лично посетил деревню и слышал рассказы свидетелей, как деревенские женщины водили свои жуткие хороводы вокруг трупов солдат гражданской гвардии. В заговоре активно участвовали несколько лидеров карлистов и фанатичный молодой юрист из Андалузии Фаль Конде. Становой его хребет составляли офицеры-аристократы, включая многих из тех, кто с мая 1931 года участвовал в конспиративных встречах¹². Но цели мятежа просматривались весьма слабо. Это был не столько призыв к восстановлению монархии, сколько попытка просто свергнуть «антиклерикальную диктатуру Асаньи». Тем не менее в своем манифесте Санхурхо использовал точно те же слова, которые два года назад взяли на вооружение приверженцы республики: «Из самых глубин народа идет страстное требование справедливости, и мы решили удовлетворить его... Когда существуют Закон и Справедливость, революция всегда будет преступлением или сумасшествием. Но когда господствует Тирания, революция неизбежна».

До начала мятежа молодой летчик, майор, монархист Ансальдо отправился в Италию, чтобы попытаться получить поддержку со стороны итальянского фашистского режима. Он встретился с маршалом Бадольо, который пообещал ему в случае победы оказать дипломатическое содействие. В самой Испании группа новоиспеченных фашистов, так называемая Националистическая партия Бургоса, возглавляемая доктором Альбиньяном, также оказала мятежникам поддержку.

Мятеж окончился полным фиаско. Некая проститутка оказалась предательницей. Асанья и правительство были полностью в курсе грядущих событий. К тому же о мятежниках вот уже несколько недель болтали во всех кафе¹³. Генерал Санхурхо краткое время торжествовал в Севилье, но в Мадриде все пошло наперекосяк. Большинство так и не состоявшихся бунтовщиков было взято в плен, хотя на Пласа-де-ла-Сибелес состоялось нечто вроде короткого боя. Асанья с сигаретой в зубах невозмутимо наблюдал за стычкой с балкона военного министерства. Санхурхо поддался уговорам своих советников и направился в Португалию. Задержанный на границе, он был доставлен обратно и пошел под суд вместе с 150 другими мятежниками. Сначала генерал был приговорен к смертной казни, но потом приговор ему заменили на пожизненное заключение. Он был отправлен отбывать наказание в тюрьме в Сантонье. 144 других заговорщика рангом поменьше, большей частью офицеры, среди которых были два принца дома Бурбонов, были высланы в гнилую африканскую колонию Вилья-Сиснерос¹⁴. Первое восстание против республики кончилось полным поражением мятежников.

Примечания

¹ Может, только с небольшой национальной группой в Венгрии – не исключено, когда-то они были басками, в далекие времена эмигрировавшими со своей родины.

² Наварра населена преимущественно басками, и баскский язык тут по-прежнему в ходу. Но в силу определенных причин, о которых еще пойдет речь, их политическая история пошла другим путем.

³ Кроме тех, кто жил в Наварре. Это маленькое королевство до XVI столетия управлялось полунезависимым монархом.

⁴ Из 489 887 человек, имеющих право голоса, за статут проголосовали 411 756, против – 14 196 и 63 935 воздержались.

⁵ Рабочий класс Бильбао не был так уж привержен католицизму и не обладал таким свободомыслием, как буржуазия. Их позднейшая приверженность идее централизации, которую высказывал CNT, стала причиной напряженности в классовых отношениях.

⁶ Тем не менее баски были далеко не столь близки к правым, как в 1932 году. Заговорщик генерал Оргас и экс-король Альфонс пообещали в обмен на помощь компромисс в вопросе о самоуправлении.

⁷ Данные XIX столетия еще абсурднее. В 1898 году на каждые сто человек приходилось по генералу.

⁸ Испанское Марокко состояло, во-первых, из четырех так называемых *presidios* в Сеуте, Мелилье, Альхусемасе и Пеньон-де-Велес-де-ла-Гомера, которые долгое время считались составной частью Испании, а во-вторых, из испанского протектората в северо-западном Марокко.

⁹ Статья 2 Закона об армии.

¹⁰ *In absentia* (лат.) – в отсутствие подсудимого. (Примеч. пер.)

¹¹ У Санхурхо были давние связи в среде карлистов, поскольку его отец был бригадиром в армии дон Карлоса, а брат матери – его секретарем. Санхурхо родился в Памплоне в 1876 году, в самый разгар карлистских войн.

¹² Подавляющее число заговорщиков составляли или молодые офицеры, которые едва успели дать присягу на верность королю перед его отречением, или старые генералы, много лет служившие монархии.

¹³ Во время процесса над заговорщиками судья спросил одного из них, Хосе Феликса де Легуэрика (будущего министра иностранных дел при генерале Франко), откуда он узнал дату начала мятежа. «От моего консьержа, – последовал ответ. – Несколько недель он сообщал, что дата откладывается. И наконец вчера торжественно объявил: «Сегодня вечером, дон Хосе Феликс!»

¹⁴ Четверо из этих заключенных – герцог Севильский, Мартин Алонсо, Серрадор и Телья – впоследствии стали командирами сил националистов в Гражданской войне.

Глава 8

Касас-Вьехас. – Падение правительства Асаньи. – Выборы в ноябре 1933 года. – Хиль Роблес и CEDA. – Хосе Антонио Примо де Ривера и рождение фаланги. – Начало испанского коммунизма.

Конец 1932 года Мануэль Асанья и его правительство миновали без особых усилий. Почти все время правые газеты «АВС», «Дебаты» и «Информация» были под запретом и не выходили. Анархисты вели себя сравнительно спокойно. Чистка гражданских служб началась с увольнения лиц, «несовместимых с режимом». Осенняя сессия кортесов была занята прохождением Закона о конгрегациях, который развивал и уточнял статьи Конституции, имеющие отношение к религии. Иезуиты уже в феврале оставили Испанию. Были подготовлены законы, определяющие сроки окончания религиозного обучения и начала других ограничений в деятельности религиозных орденов: духовные начальные школы закрывались к 31 декабря 1933 года, а средние школы и университеты на три месяца раньше. Это означало, что в стране, где и без того было мало школ, предстояло дать образование еще более чем трети миллиона учеников. Тем не менее Марселино Доминго, министр образования, приложил поистине геркулесовы усилия, чтобы претворить в жизнь эту часть идеалов республики. За год после инаугурации было построено 7000 школ и еще 2500 за год от апреля 1932-го до апреля 1933 года. Зарплаты учителям начальных школ были повышены, хотя и продолжали составлять скромную сумму в 3000 песет (примерно 70 долларов) в месяц. В отдаленные провинции были отправлены передвижные школы. Если три года назад в средних школах обучалось 20 000 учеников, то к концу 1932 года получали образование 70 000.

Страна следила за процессом Хуана Марча, миллионера с Мальорки, который получил еще от Примо де Риверы монопольное право доставки в Испанию табачных изделий. Марч был обвинен в мошенничестве, но, подкупив охрану, совершил сенсационный побег из тюрьмы в Гвадалахаре и впоследствии использовал свое немалое состояние в 20 миллионов фунтов стерлингов, чтобы обвалить валюту республики, которая тем не менее все эти годы стояла на одном и том же уровне: 55–56 песет за фунт.

И все же мир в стране был еще раз нарушен в январе 1933 года – на этот раз едва ли не смертельным ударом со стороны левых. 11 января 1933 года анархисты подняли мятеж в деревне Касас-Вьехас в провинции Кадис. По крайней мере большая их часть, взбудораживших пуэбло, были чужаками в деревне. Хотя мэр сдался, гражданская гвардия не последовала его примеру и по телефону запросила помощи из соседней Медины-Сидонии. Вскоре прибыло подкрепление в составе взвода штурмовой гвардии. Ее корпус сформировался после майского мятежа 1931 года из специальных полицейских сил для защиты республики и состоял из офицеров и рядовых, особо верных новому режиму. «Асальто», как впоследствии стали называть эти части, выкинули из деревни анархистов, которые укрепились на соседнем холме. А тем временем патрули гражданской и штурмовой гвардии стали прочесывать дом за домом в поисках оружия. Пожилой ветеран анархистского движения Сейседос отказался впускать их. Началась осада его дома. Сейседос вместе со своей дочерью Либертарией, набивавшей пулеметные ленты, и с пятью другими соратниками решительно сопротивлялся. Разъяренные «Асальто» уже потеряли несколько человек. Из министерства внутренних дел пришла телеграмма, разрешающая применять самые жесткие меры. Были расстреляны около десятка ранее арестованных пленников. Вызванный самолет разбомбил осажденных анархистов. Сейседос, Либертария и остальные защитники дома погибли в огне. На следующее утро анархисты, оборонявшиеся за пределами деревни, сдались. Часть

из них была тут же без церемоний расстреляна на месте. Менендес, генеральный директор службы безопасности, подтвердил право «Асальто» на расстрел при попытке к бегству¹.

Асанья и Касарес Кирога, в то время министр внутренних дел, так полностью и не оправились от последствий этого инцидента. Не без доли лицемерия правые тут же обвинили их в «убийствах людей». Мартинес Баррио заявил, что правительство установило режим «крови, грязи и слез». Ортега-и-Гассет открыто оповестил, что республика разочаровала его. Большинство, поддерживавшее Асанью в кортесах, резко сократилось в своей численности.

В апреле 1933 года состоялись муниципальные выборы в тех местах, куда в 1931 году вернулись монархисты. Они не имели своего представительства в кортесах. Правительственные партии вернули 5000 советников, правые – 4900, а центристская оппозиция, возглавляемая теперь Лерру и его радикалами, – 4200. Не подлежало сомнению, что популярность министров катастрофически упала.

И как следствие, летом 1933 года Асанья подал в отставку. К тому времени прошли все законы в поддержку Конституции. Ясно было, что в ближайшее время на грядущих ноябрьских выборах народ выскажется о работе правительства. Мартинес Баррио сформировал временное правительство. Асанья и его соратники в свою защиту привели большое количество принятых законов в дополнение к основополагающему – об образовании. К законам о церковных орденах, сельском хозяйстве, об армии и самоуправлении Каталонии был предложен новый и весьма прогрессивный закон о разводах, по которому законодательно признавался гражданский брак. Приняли также законы о сверхурочном труде, коллективной аренде, арбитражных судах, о минимуме заработной платы, о рабочих контрактах, правах женщин и о наборе на гражданскую службу. Был одобрен и новый исправительный кодекс. Создавалось впечатление, что за два года обсудили чуть ли не все реформы сэра Роберта Пиля, Гладстона и Асквита.

Однако выборы не могли принести Асанье ничего хорошего. Неожиданным был уровень испытанного им поражения. Даже его партия получила всего восемь мест. А всего партиям, которые поддерживали последнее правительство, досталось лишь 99 мест, из которых 58 пришлось на долю социалистов. Центр во главе с радикалами Лерру получил 167 мест (радикалы вернули 104 места, а «Лига», партия каталонских бизнесменов, – 25). Правые завоевали 204 места. Из них 43 были членами альянса монархистов и традиционалистов. Получили мандаты 86 аграриев, партия которых создана главным образом в интересах кастильских производителей пшеницы и оливок. Но самая большая группа правых, появившаяся в совершенно обновленных кортесах, представляла собой новую католическую партию – CEDA, созданную как политическое продолжение крупного общественного католического движения, взявшего старт в начале 20-х годов. Тем не менее сердцевину CEDA составляло движение, возникшее после падения монархии и выражающее интересы католиков в политике республики. Основной движущей силой за спиной CEDA был Анхель Эррера, издатель «Дебатов», чьей целью (которая, без сомнения, совпадала с целями папы Пия XI и его государственного секретаря Эудженио Пачелли) было подспудное намерение создать в Испании христианско-демократическую партию по модели, которая после 1945 года успешно выдержала испытание в Германии, Италии и Франции. Тем не менее в Испании 30-х годов XX века добиться этого было трудно. Антиклерикальный характер Конституции означал, что CEDA при своем создании не могла принести присягу на верность режиму. Даже более мелкие антицерковные меры (такие, как передача кладбищ в ведение светских властей и отмена церковных обрядов в армии), скорее всего, вызывали такую же ярость, как и куда более суровые законы. Поэтому CEDA должна была искать себе союзников. Ее лидеры не хотели отталкивать богачей из правых партий, на средства которых они могли рассчитывать. Они искренне хотели отмежеваться от буржуазии, которая могла бы подтолкнуть

их к монархистам, и тех сил, которые решительно противостояли новой республике. Наконец Хиль Роблес, молодой барристер из состава редакции «Дебатов», который стал лидером CEDA, воплотил в жизнь мысль, которая пришла ему в голову. Он отправился в Германию и встретился с Гитлером. Скорее всего, Роблес обдумывал идею о создании в Испании корпоративного государства по образцу Австрии Дольфуса. Он позволил своим сторонникам приветствовать его на выборах возгласами «Хефе!» («Вождь!»), теми же самыми, что «Дуче» или «Фюрер». Его подчеркнутое умалчивание о своих намерениях – без сомнения, он хотел сплотить воедино всех своих последователей – вызвало со стороны левых подозрения в фашистских взглядах Роблеса. Кстати, это был год, когда Гитлер пришел к власти.

Есть несколько серьезных причин, почему после выборов 1933 года CEDA во главе с Хилем Роблесом стала самой влиятельной партией в Испании. Во-первых, республика в первый раз наделила женщин правом голоса, и не подлежало сомнению, что большинство из них будут голосовать по подсказке своих исповедников. Да и церковь в целом не скрывала, что поддерживает CEDA. Во-вторых, после двух лет правления республики наметился ожидаемый поворот в сторону правых. В-третьих, пока правые и центристские партии составляли различные предвыборные союзы, в среде левых царил разброд. Ибо даже крупная Испанская социалистическая партия, при всем весе ее престижа, с ее дисциплинированными профсоюзами склонялась к левым.

Изменения в социалистической партии следует отнести первым делом на счет давних страхов Ларго Кабальеро потерять поддержку анархистов. Хотя за годы, когда ее лидеры сотрудничали с правительством, CNT численно выросла, CNT не осталась в долгу. Эффективные и согласованные акты насилия, которые в последние месяцы совершали анархисты, заставили Ларго Кабальеро принять решение – он должен повести испанский рабочий класс к социализму. Кабальеро считал, что это можно сделать, только публично порвав с республиканскими партиями среднего класса, с которыми социалисты сотрудничали в правительстве, и установив контакт с самой решительной из пролетарских партий. И более того – Ларго позволил своим новым советникам Луису Аракистайну и Хулио Альваресу дель Вайо убедить себя, что сотрудничество с Асаньей и буржуазией никогда не принесет успеха². На выборах 1933 года за социалистов было отдано 1 722 000 голосов. Но в силу их изолированности они получили только 58 мест, в то время как радикалы с их 700 000 голосами – 104 места.

Среди многих депутатов кортесов, избранных в 1934 году от мелких партий, были два человека, в единственном числе представлявших свои партии: молодой юрист Хосе Антонио Примо де Ривера, сын прежнего диктатора, который открыто называл себя фашистом, и сеньор Боливар, представлявший себя коммунистическим депутатом от Малаги.

Начало испанского фашизма было положено во время правления диктатора Примо де Риверы, и сделал это Хименес Кабальеро. Начав политическую карьеру, как многие фашисты, в рядах социалистов, это восторженный выходец из среднего класса, полупоэт, полужурналист, под влиянием Курцио Малапарте, с которым познакомился в Италии еще в 1928 году, стал приверженцем Муссолини. Вернувшись в Испанию, он начал пропагандировать любопытную теорию вооруженной «латинскости». Она противостояла любому развитию событий, которое могло привести к расколу стран Средиземного моря. В то время Хименес Кабальеро с особой ненавистью относился к Германии, а спустя какое-то время стал считать Россию союзницей Средиземноморья. Рим был для него центром мира, как столица религии и, соответственно, фашизма. Тем не менее эти взгляды были пересмотрены, когда в 1933 году Гитлер пришел к власти в Германии.

Нацисты всегда имели в Испании горячих поклонников. В марте 1931 года бывший студент Мадридского университета Рамиро Ледесма Рамос основал экстремистский журнал «Завоевание государства». В нем он пропагандировал политику, сходную с немецким нациз-

мом в период его зарождения. Ледесма довел свое восхищение фюрером до такой степени, что даже обзавелся такой же челкой. Он отличался чисто пуританской нетерпимостью. В своем журнале заявлял, что не ищет голоса избирателей, а поддерживает «политику боевых чувств, ответственности и борьбы». Центром движения должны быть «военизированные отряды, которые без лицемерия возьмут в руки винтовки». К нему примкнул некто Онесимо Редондо. Как Хименес Кабальеро и Ледесма, он был выходцем из среднего класса, изучал право в Саламанке и работал чиновником в казначействе. Онесимо преподавал испанский в университете Маннхейма, где восхищался «несгибаемыми рядами нацистов». Вернувшись в 1930 году в свой родной Вальядолид, он вместе с Ледесмой взял на себя ответственность за создание движения, претенциозно названного «Хунт национал-синдикалистского наступления» (известного как JONS). В 1931 году в Вальядолиде была составлена программа движения из «шестнадцати пунктов». Они включали отрицание сепаратизма и классовой борьбы, поддержку испанской экспансии в Гибралтаре, в Танжере, Французском Марокко и Алжире, а также «пристрастное исследование иностранного влияния в Испании». Как и соответствующие немецкие документы, программа включала наказания для тех, «кто спекулирует на нищете и невежестве народа», и требовала контроля («упорядочения») доходов. Не в пример Гитлеру, Ледесма и Онесимо Редондо отводили место католической религии, которая, как они считали, воплощает «расовые традиции испанцев». Католицизм означал для них то же, что арийская кровь для Гитлера. Например, они считали CEDA сознательным союзником «реакции» и в этом противостояли Хименесу Кабальеро. В 1933 году Онесимо Редондо успешно организовал в Вальядолиде профсоюз из 3000 рабочих. И это было свидетельством того, что в Испании массы, полные пролетарского воодушевления, увлечены фашизмом, кроме некоторого количества анархистов, которые скорее по личным, чем интеллектуальным мотивам продолжали ссориться с CNT. Часть из них с самого начала были обыкновенными бандитами. С этим небольшим образованием JONS стал проводить совместные воскресные тренировки, а его представители в университете начали открытую войну с FUE (Союзом испанских университетов), студенческим союзом левой ориентации. Тем временем стали появляться на свет другие фашистские и национал-социалистические группы; многие газеты и книги, периодические издания и памфлеты, вскормленные соответствующими политическими подпитками, предлагали фашистское «решение» проблем Испании. Шумная группа юнцов собиралась вокруг Хосе Антонио Примо де Риверы, который постепенно становился лидером молодых фашистов Испании. На пост этот никто больше не претендовал³.

Хосе Антонио был высоким симпатичным юристом, которому минуло тридцать с небольшим. Ему нравилось, когда люди испытывали к нему симпатию, и он умел вызывать ее. Даже его «марксистские» враги признавали обаяние Хосе Антонио. Его речи и статьи создавали о нем представление как о способном студенте, который прочел, но не усвоил утомительный курс политической теории. Карьеру свою он начал как монархист и продолжал оставаться католиком. В своей газете «Эль Фасцио» (вышел только один номер) он писал: «Страна представляет собой историческое единство... для нас и наших объединений она выше всего. Государство основано на двух принципах – служение всему народу и классовое сотрудничество». Год спустя Хосе Антонио провозгласил: «Фашизм взбурлил Европу. С его помощью можно понять все – историю, государство, пролетаризацию общественной жизни; это новый способ понять феномен нашей эпохи. Фашизм уже торжествует в некоторых странах, а в таких, как Германия, пришел к власти неоспоримым демократическим путем». Хосе Антонио всегда был готов сражаться с любым, кто осмеливался критиковать его отца, да и вся его карьера откровенно напоминала попытку повторить путь старого диктатора. Строго говоря, этот молодой человек искренне старался найти национальный путь в попытках обуздать раздробленность либерализма. Его любимым стихотворением было киплингское «Если». Перед воскресными шествиями или возможными уличными стычками

он любил читать своим сторонникам строфы из него. В 1933 году Хосе Антонио основал свою собственную партию – «Испанская фаланга». Название он позаимствовал у боевого построения македонцев, которые в IV веке до н. э. положили конец греческой демократии. После убийства одного из фалангистов членом FUE Хосе Антонио и Ледесма Рамос обсудили вопрос о слиянии фаланги и JONS. Новая объединенная партия поставила перед собой примерно такие же цели, как и «Шестнадцать пунктов» 1931 года. Она приняла символ JONS (ярмо и стрелы) и его черно-красный флаг (такой же, как у анархистов). Главой партии стал Хосе Антонио⁴.

В 1933 году Испанская коммунистическая партия насчитывала едва ли не больше трех тысяч членов⁵. Ее лидеры ничего собой не представляли. Эта партия была основана в 1921 году теми отколовшимися социалистами, которые были готовы влиться в Коминтерн; им помогали некоторые анархисты-диссиденты. В 20-х годах XX века коммунисты были настолько незаметны, что Примо де Ривера даже не взял на себя труд формально запретить эту партию. С появлением республики из-за границы вернулась часть коммунистов-эмигрантов. Но к тому времени их лидеры, в основном каталонцы, поссорились со Сталиным и присоединились к Троцкому, поддерживая его в противостоянии, возникшем в России после смерти Ленина. Далее эти еретики быстро порвали связи с официальной Испанской коммунистической партией и образовали несколько своих небольших групп из среды рабочего класса. Ведущей среди них стал Революционный союз рабочих и крестьян⁶. Их трудно было назвать твердокаменными троцкистами, поскольку они не во всем придерживались его взглядов (так, они не входили в Четвертый Интернационал), но тем не менее они противостояли Сталину с позиций марксизма и разделяли основные воззрения Троцкого: за границей – перманентная революция, а дома – коллективизация рабочего класса. Ссоры между этими двумя группами были бурными и долгими. Имея отношение к политике советского правительства и Коминтерна, обе эти партии держались в стороне от всех прочих в Испании, особенно от социалистов, которых на партийном жаргоне тех лет называли социал-фашистами. Из-за этого бойкота марксистские группы порой вступали в тактические (но не идеологические) союзы с анархистами.

В то время скудные коммунистические силы базировались преимущественно в Севилье, Малаге, Барселоне и Мадриде. Основную часть членов партии составляли малоквалифицированные рабочие, такие, как, например, официанты. Но они доставляли правительству куда больше хлопот, чем можно было бы предполагать судя по их численности. Объяснялось это частично качеством коммунистической пропаганды, а частично – известными отношениями партии с Советским Союзом. И в какой-то мере тем, что большинство испанской буржуазии толком не разбиралось в отличиях одной пролетарской партии от другой. Кроме того, и анархисты постоянно заявляли, что их цель – установление «либертарианского коммунизма».

Как и в других коммунистических партиях, при испанских коммунистах был «инструктор», присланный из Коминтерна. В Испании эту роль играл Витторио Кодовилья, по происхождению аргентинец или итальянец (известный в Испании как «товарищ Медина»). Большую часть жизни он организовывал коммунистические партии в Южной Америке и в конце 1933 года прибыл в Испанию. Кодовилья отличался ненасытным аппетитом. Жак Дорио, который в начале 20-х годов XX века был самой яркой надеждой Французской коммунистической партии, заметил по этому поводу: «Людовик XIII любил видеть рядом с собой людей, которые умели насыщаться. Кодовилья будет отлично смотреться рядом со Сталиным»⁷. Впоследствии в помощь Кодовилье прибыл болгарин Степанов. В те времена в Испании то и дело появлялись агенты Коминтерна, и нет никаких сомнений, что некоторых социалистов, таких, как Альварес дель Вайо, коммунисты считали «попутчиками». Трудно сказать, какое

воздействие они оказывали на ход событий. И они сами и их враги переоценивали их значимость.

Испанские коммунисты всегда отличались неуправляемостью. В течение 1934-го, 1935-го и особенно 1936 годов Советский Союз отчаянно старался заключить союз с Англией и Францией, направленный против Гитлера⁸. С начала 1934 года политика Коминтерна заключалась в создании Народного фронта или альянса всех левых партий, включая рабочий класс и буржуазию, для противостояния фашизму, то есть всем правым партиям, чья деятельность помогала Гитлеру и (в меньшей степени) Муссолини. Тем не менее с начала того же 1934 года всем коммунистическим партиям было предложено использовать «буржуазную парламентскую демократию», пока она не будет заменена «пролетарской демократией». Именно в это время Испанская социалистическая партия Ларго Кабальеро решила возглавить неукротимых левых. В свою очередь, испанские коммунисты получили указание распространить свое влияние в среде податливых социалистов, чтобы укрепиться на левом фланге политики, получившей одобрение Коминтерна и советского правительства.

Не только испанские коммунисты, но и Испанская социалистическая партия в 1934 году искренне восхищались Советским Союзом и его достижениями после 1917 года. Кроме того, в это время тысячи даже весьма искушенных жителей западного мира были готовы поверить американцу Линкольну Стефенсу, который в 1929 году, вернувшись из Москвы, в аэропорту Нью-Йорка сказал встречавшим его: «Я видел будущее! И оно работает!»⁹ Тогда в самом деле казалось, что Советский Союз еще не предал свои первоначальные идеалы. Были неизвестны подробности коллективизации на селе, да и причины преследования Троцкого для многих оставались непонятными. Еще не начинались сталинские чистки старых большевиков¹⁰. Испанская коммунистическая партия утверждала, что на ней лежит заслуга в создании широкого Народного фронта на всеобщих выборах в феврале 1936 года. Потребовалось не так уж много усилий, чтобы и социалисты приняли на вооружение салют в виде вскинутого сжатого кулака (позаимствованный у немецких коммунистов), красное знамя, революционную фразеологию и призыв к единству перед лицом международного фашизма. Коммунистические партии распространяли его по всему миру.

Примечания

¹ Лучшим источником событий в Касас-Вьехас считается отчет комиссии кортесов, хотя его стоит сравнить с работой Хобсбаума, который внимательно изучил кадисские газеты того периода.

² Мадариага считал, что эти два шурина и толкнули солидного уравновешенного Ларго Кабальеро к революции. Скорее всего, именно их приход на место Фабра Риваса в качестве главных советчиков и помог смещению его партии влево.

³ На самом деле в 1932 году Хименес Кабальеро предложил Прието взять на себя верховное командование фалангой.

⁴ Полное слияние фаланги и JONS произошло лишь 13 февраля 1934 года.

⁵ Михаил Кольцов в «Испанском дневнике» сообщает, что в 1931 году в ней было всего 800 членов. Сами коммунисты утверждали, что в феврале 1936 года партия насчитывала 35 000 человек, но, скорее всего, это преувеличение. Генерал Кривицкий приводит цифру 3000 человек в начале 1936 года, но не исключено, что в своих подсчетах он просто потерял один ноль.

⁶ Он стал ведущей группой в партии, которая позднее обрела известность как POUM (Рабочая партия марксистского единства).

⁷ В 30-х годах XX века «латинской» секцией Коминтерна руководил лидер Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти, сбежавший из Италии от Муссолини в 1924 году; среди его многочисленных псевдонимов самым известным был Эрколе Эрколи. До появления Кодовильи основным представителем Тольятти в Испании был немец Хейнц Нойман, ветеран немецкой и китайской революций.

⁸ Автор считает, что лучшая характеристика советской политики во времена Народного фронта дана Леонардом Шапиро в его работе «Коммунистическая партия Советского Союза». В силу определенных причин свидетельства генерала Кривицкого «Я был агентом Сталина» заслуживают меньшего внимания.

⁹ В своей книге «Свидетель» Уиттекер Чамберс описывает эти годы как «неудержимый дрейф» к коммунизму американских интеллектуалов из средних классов. Может, куда больше для распространения идей коммунизма в Испании сделали не секретные агенты, а рассказы испанских рабочих, которые после революции в Астурии отправились работать на строительство московского метро. Они восприняли его как настоящее инженерное чудо и вернулись в Испанию, полные неподдельного энтузиазма перед тем, что им довелось увидеть.

¹⁰ Киров был убит в декабре 1934 года. Каменев, Зиновьев и другие были осуждены за государственную измену в январе 1935 года. Они были приговорены к тюремному заключению. Вскоре они снова предстали перед судом, который вынес куда более жестокий приговор.

Глава 9

Лерру у власти. – Всеобщая забастовка в Сарагосе. – Монархисты в Риме. – Правительство Сампера. – Ley de Cultivos. – Баскские мэры. – CEDA входит в правительство. – Октябрьская революция в Мадриде, Барселоне и Астурии. – Личность Франко.

История Испании двух с половиной лет после всеобщих выборов ноября 1933 года характеризуется неуклонным сползанием к хаосу, насилию, убийствам и, наконец, к войне. Время от времени в течение этих тревожных лет некоторые личности тщетно пытались остановить жуткий и, как позднее выяснилось, неизбежный процесс. Им не хватало энергии, удачливости и уверенности, необходимых для успеха. Мало кто заслуживает извинения за те роли, которые им приходилось играть. Ибо ни у кого, ни у одной группы не было той силы и великодушия, которые могли бы предотвратить катастрофу. Но если никто не заслуживает прощения, то в той же мере никого не следует осуждать. При тех условиях, которые существовали в Испании зимой 1933/34 года, всем и каждому приходилось подчиняться неумолимой логике, которая обреченно заставляла их играть свои роли. Крупная личность, умеющая идти на компромиссы, склонная к сочувствию и пониманию, могла бы смягчить остроту споров, которые сотрясали страну. Но подобный человек так и не появился.

Первое после выборов правительство представляло собой центристскую коалицию, состоящую главным образом из радикалов. Премьер-министром стал Лерру. CEDA и Хиль Роблес поддержали его в кортесах, но сами в администрацию не вошли. Католическая партия держалась в стороне, выжидая критического момента, когда слово будет предоставлено Хильо Роблесу и он придет к власти. Но тем временем трансформация Лерру, который заключил союз с католической партией, показалась предательской его главному помощнику Мартинесу Баррио, и тот перешел в оппозицию, возглавив собственную группу радикалов, принявшую название Республиканская объединенная партия.

Первые трудности нового правительства были связаны с неожиданными вспышками особо воинственных стачек. Всеми ими руководили анархисты, которые нападали на отдельные посты гражданской гвардии и пустили под откос экспресс Барселона – Севилья, убив девятнадцать человек. В Мадриде прошла забастовка телефонистов. Всеобщая забастовка в Валенсии длилась несколько недель, а в Сарагосе 57 дней. CNT никогда не выплачивала забастовочное пособие, но стойкость и несгибаемость рабочих удивили и встревожили страну. Забастовщики решили отправить поездом из Барселоны своих жен и детей, но гражданская гвардия обстреляла и остановила его на полпути. Добиться умиротворения страны было нелегко.

К новому, 1934 году правительство предприняло ряд мер, чтобы остановить реформы своих предшественников. Закрытие религиозных школ было отложено на неопределенный срок. Скоро выяснилось, что иезуиты снова приступили к преподаванию¹. Священники стали получать две трети от своего жалованья 1931 года. И хотя аграрный закон продолжал существовать, его претворение в жизнь спустили на тормозах. Всем политическим заключенным была дарована амнистия, включая генерала Санхурхо и его соратников по мятежу 1932 года. Но этот акт милосердия всего лишь побудил старых заговорщиков, в первую очередь карлистов, строить новые планы. С начала 1933 года в деревнях Наварры (так же как в городах на юге и в центре Испании, где молодые анархисты, фалангисты, социалисты и коммунисты учились владеть оружием) снова раздались звуки очередей. На рыночных площадях еженедельно стали появляться карлистские «красные береты» (boinas rojas). За организацию подготовки этих новых requêtes (так этих новобранцев называли во времена

карлистских войн по названию воинственного марша ударных батальонов) взялся лихой амбициозный полковник Энрике Варела, получивший за мужество в Марокко две высшие награды Испании. Варела, которого лидеры карлистов Фаль Конде и граф Родесно встретили в тюрьме Гвадалахары после мятежа 1932 года, путешествовал по пиренейским деревням в обличье священника под именем Дядюшка Пепе, будучи на самом деле провозвестником войны. Когда его произвели в генералы, место Варелы занял полковник Рада².

31 марта 1934 года Антонио Гойкоэча, пожилой денди, лидер монархистов в кортежах, вместе с двумя карлистами Рафаэлем Ольсабалем и Антонио Лисарсой, а также генералом Баррерой нанес визит Муссолини. Испанцы посетовали на несогласованность действий. Муссолини тем не менее отбросил их опасения, сказав, что для успеха заговора необходимо, чтобы движение обладало тенденциями «монархизма, корпоративности и представительности». И этого достаточно. Он пообещал испанским мятежникам полтора миллиона песет, 200 пулеметов и 20 000 гранат и с началом восстания был готов прислать еще. Деньги были выданы на следующий день³.

Через четыре дня после этой странной встречи в Риме Лерру ушел в отставку в знак протеста против медлительности действий президента Алькалы Саморы, который должен был поставить свою подпись под законом об амнистии. Его преемник Сампер тоже был радикалом. Он приложил все старания, чтобы ничего не менять в политике, опасаясь ухудшить ситуацию. Возникла совершенно статичная ситуация, которая не имела права на существование. В июне серьезно осложнилось положение в Каталонии. Каталонское правительство Женералитат приняло Закон об обработке земли, о процессе арбитражного разбирательства вопросов аренды виноградников. Их владельцы обратились с жалобой в высшую юридическую инстанцию республики, Трибунал конституционных гарантий, который незначительным большинством голосов отменил этот закон на том основании, что государство не должно заниматься такими мелочами. Но Луис Компаньс, который после смерти Масиа стал президентом Женералитата, своим указом ратифицировал закон. Этот шаг представлял собой прямой вызов правительству в Мадриде. Побудил Компаньса к подобным действиям его советник по внутренним делам Денкас, который был склонен использовать каталонский национализм, придав ему полуфашистский характер. Асанья тут же нарушил молчание, которое хранил со времени своего падения, оценив каталонскую «Эскерру» (ее лидером стал Компаньс) как «единственную в Испании подлинно республиканскую партию».

Когда на передний план встал вопрос о сепаратистских устремлениях басков, это привело к серьезным конституционным спорам. Финансовые взаимоотношения Басконии с центральным правительством в Мадриде определялись соглашением 1876 года. Оно предоставляло баскам автономную фискальную систему, при которой почти все налоги шли провинции и лишь некоторая сумма выделялась государству. Муниципальные советы провинции решили, что ряд законов, представленных правительством Сампера, угрожают соглашению. Конечно, после выборов 1933 года не могло быть и речи, что Баскония получит такой же статус, как и Каталония. Посему баскские мэры решили провести новую серию муниципальных выборов в трех провинциях – Бискайе, Гипускоа и Алаве, после чего избранные представители должны будут публично поддержать мадридское соглашение. Правительство запретило выборы, но они все же состоялись. Мэров арестовали. По всем трем провинциям прокатилась волна демонстраций в поддержку самоуправления Басконии.

Пока шли разборки с внезапно обострившимися проблемами сепаратизма, страна неожиданно была шокирована слухами о выгрузке в Астурии семидесяти ящиков с оружием⁴. Государство встревожилось. На большом митинге CEDA в Астурии, в том памятном месте, откуда король Пелайо начал Реконкисту, чтобы отвоевать Испанию у мавров, Хиль Роблес заявил: «Мы не потерпим, чтобы и дальше продолжалось такое положение дел!» CNT

и UGT, которые впервые после 1917 года пошли на сотрудничество, немедленно объявили в Астурии всеобщую забастовку, что весьма затруднило делегатам CEDA возвращение домой в Мадрид. Через неделю Хиль Роблес заявил, что, когда кортесы снова соберутся в октябре, он и его партия больше не будут поддерживать правительство Сампера. Тем самым он ясно дал понять, что хотел бы сам прийти к власти. Услышав это, UGT выпустило заявление, осуждающее Хиля Роблеса как «закоренелого иезуита». Если CEDA войдет в правительство, не заявив о своей поддержке республики, UGT не отвечает за их дальнейшие действия. То есть UGT сочло вхождение CEDA в правительство первым шагом к установлению в Испании фашистского режима. Хиль Роблес, мучимый страхом, что в этом случае потеряет много сторонников из правого крыла, неохотно оповестил о своей приверженности республике. Он вроде бы признавал так и не пересмотренные антиклерикальные статьи Конституции. Испанские социалисты из UGT стали свидетелями, как за последние 18 месяцев немецкие и австрийские социалисты потерпели сокрушительное поражение от Гитлера и Дольфуса. А в чем была разница между Дольфусом и Хилем Роблесом?

Близилось время новой сессии кортесов. 4 октября 1934 года Хиль Роблес отказал в поддержке неэффективному правительству Сампера, которое немедленно подало в отставку. Испания затаила дыхание. Ко всеобщему удивлению, президент Алькала Самора не предложил Роблесу сформировать новое правительство. Эта трудная задача снова была доверена Лерру. Но он включил в свой кабинет трех членов CEDA, хотя самого Роблеса среди них не оказалось.

Незамедлительно последовала бурная реакция. В Мадриде UGT объявил всеобщую забастовку, и некоторые вооруженные социалисты даже открыли огонь по министерству внутренних дел на Пуэрта-дель-Соль. Анархисты из CNT не поддержали забастовку. Союз рабочего класса⁵, который Ларго Кабальеро пытался организовать по всей стране из всех партий рабочего класса, обосновался только в Мадриде. В него входили лишь социалисты и немного коммунистов. Ларго Кабальеро пребывал в растерянности. Но к концу дня правительство овладело ситуацией. Все лидеры социалистов были арестованы.

В Барселоне вхождение CEDA в правительство побудило Компаньса объявить о создании «Каталонского государства» как составной части «Федеративной Испанской республики». И снова Компаньса побудил на это непродуманное решение его советник Денкас, который к тому времени уже создал новую милицию «Эскамотс» по образцу фашистской, хотя номинально она служила целям каталонских националистов. Тем не менее основная мысль, выраженная в публичном обращении Компаньса к Каталонии, заключалась в том, что налицо нападение фашистов из CEDA. «Монархические и фашистские силы, которые уже пытались предать республику, достигли своей цели, — объявил Компаньс. — В этот непростой час правительство, которое я возглавляю, от имени народа и парламента берет на себя все властные функции в Каталонии, провозглашает Каталонское государство в составе Федеративной Испанской республики и, укрепляя отношения со всеми, кто прямо выражает протест против фашизма, приглашает их участвовать в работе временного правительства Республики Каталонии». Эта любопытная речь стала объявлением совершенно новых отношений между Каталонией и всей остальной Испанией, а также приглашением оппозиции объявить о своей поддержке правительства, которое в случае необходимости обоснуется в Барселоне. Для Лерру и его министров в Мадриде не было секретом, что в данный момент Асанья находится в Барселоне⁶.

Тем не менее каталонское восстание сошло на нет почти так же быстро, как и всеобщая забастовка в Мадриде. Прошло несколько вооруженных стычек между милицией Денкаса и специальными силами безопасности, созданными для защиты Женералитата, а также между гражданской гвардией и регулярной армией. Погибло около двадцати человек. Анархисты из FAI и CNT держались в стороне. Компаньс послал за генералом Батетом, командиром диви-

зии, расквартированной в Барселоне, и попросил его заявить о своей преданности новому федеральному режиму. Батет, который сам был каталонцем, помедлив, ответил: «Я за Испанию». И затем арестовал Компаньса и все правительство, за исключением Денкаса, который по канализационным трубам выбрался на свободу⁷. По всей Барселоне сопротивление было быстро подавлено, а Компаньс с достоинством обратился по радио к своим сторонникам с призывом сложить оружие.

«Октябрьская революция» в Мадриде и Барселоне не состоялась.

В остальной части Испании вспыхивали волнения и забастовки, но все они, за одним исключением, были быстро подавлены. Исключением стала Астурия, где революция 1934 года еще ждет своего исследования. Здесь восстанием – именно таковым эти события и были – руководили крепкие и политически высокосоциальные шахтеры, представители передового рабочего класса Испании. Их действия носили не столько экономический, сколько политический характер. И хотя повсюду в Испании, когда речь заходила о подготовке восстания, партии рабочего класса не могли найти общего языка, в Астурии по призыву Союза братьев-пролетариев⁸ установилось сотрудничество анархистов, социалистов, коммунистов и полутроцкистов из Союза рабочих и крестьян.

Восстание в Астурии было тщательно подготовлено по всей провинции; центры его располагались в ее столице Овьедо и в соседних шахтерских городах Мьерес и Сама. Повсюду сигналом к началу восстания стало вхождение CEDA в правительство. К тому времени шахтеры были очень хорошо организованы. Они имели запасы оружия, взрывчатку. В их распоряжении были объединенные рабочие комитеты, которые руководили восставшими. Их реакцией на явный захват власти «фашистами» в Мадриде должна была стать по возможности полномасштабная пролетарская революция. «Около половины восьмого утра, – сообщал Мануэль Гросси, – перед зданием муниципалитета Мьерес, уже занятого восставшими рабочими, собралась толпа примерно из двух тысяч человек. С одного из балконов я объявил о создании социалистической республики. Энтузиазм был просто неопишуем. Вслед за криками «Виват!» в честь революции следовали другие лозунги в честь социалистической республики. Когда меня снова смогли услышать, я дал указание продолжать начатое...»

Предполагались нападения на посты гражданской гвардии, церкви, монастыри, муниципалитеты и другие ключевые здания в городах и деревнях провинции.

Через три дня после начала революции большая часть провинции оказалась в руках шахтеров. Все города и деревни оказались под контролем революционного комитета, который взял на себя ответственность за снабжение и безопасность жителей. Радиостанция в Туроне взволнованно призывала к соблюдению моральных норм. Оружейные заводы в Трубии и Ла-Вега (Овьедо) были заняты рабочими комитетами и теперь работали круглые сутки. Другие заводы и шахты остановились (последние несколько лет многие шахты и так были частично законсервированы). Призывные пункты объявили набор всех рабочих от восемнадцати до сорока лет в Красную армию. За десять дней мобилизовали 30 000 рабочих⁹. Уровень сотрудничества между различными партиями удивлял их самих. Даже анархисты признали «необходимость временной диктатуры», хотя в дальнейшем они предполагали отделиться от коммунистов. В некоторых пуэбло коммунисты были куда больше заняты установлением собственной диктатуры, чем отправкой людей на фронт. Но как правило, призывы UHR не оставались без ответа.

Шахтеры Астурии успешно устанавливали власть революционных Советов по всей провинции, но давалась им эта акция с боями. Начались они в Овьедо и Гижоне. Регулярных войск, расквартированных в Астурии, было слишком мало для решительного противостояния, и пока им удавалось лишь удерживать район Авильи к северо-западу от Овьедо. Тем временем стало известно, что некоторые революционеры позволяют себе неспровоци-

рованное насилие и мародерство. Местные комитеты занялись наведением порядка и дисциплины, взяв контроль над всем районом. В целом этого удалось добиться. Но кое-где случались вспышки насилия. Были сожжены несколько церквей и конвентов. Во время попытки захватить казармы Пелайо, которые удерживала гражданская гвардия, восставшие разрушили дворец епископа и большую часть университета Овьедо. Было расстреляно несколько священников, преимущественно в Туроне. В Саме осажденные тридцать гражданских гвардейцев и сорок солдат отбивались полтора дня. Когда они сдались, всех расстреляли. Были изнасилованы и убиты несколько женщин из среднего класса. Без сомнения, эти зверства стали результатом не продуманных действий, а всеобщей неразберихи и в значительной мере усугубили кризис.

Правительство в Мадриде оказалось перед лицом подлинной гражданской войны, и этого никто не мог отрицать – ни рабочие, ни буржуазия. Комитеты, контролировавшие шахтерские поселки около Мьерес, стали готовить марш на Мадрид. Лерру и его министры приняли ряд важных решений. Во-первых, они послали за генералами Годедом и Франсиско Франко, которые должны были, возглавив генеральный штаб, руководить подавлением восстания. Во-вторых, приняли совет этих двух офицеров, когда те порекомендовали вызвать для умирения шахтеров Иностранный легион.

Франсиско Франко Бахамонте как раз минуло сорок лет, когда при правительстве Лерру он был приглашен на службу в военное министерство¹⁰. Родившийся в 1892 году в Эль-Ферроле в Галисии, Франко был сыном военно-морского казначея, и предки со стороны как отца, так и матери имели отношение к флоту. Но мест в школе морских кадет не оказалось. Вместо этого Франко в 1907 году поступил в пехотную академию в Толедо. Оттуда он получил назначение в Марокко, где в быстрой последовательности становился самым молодым капитаном, майором, полковником и генералом. Последний чин Франко получил после победоносного завершения войны. Он командовал Иностранным легионом с 1923-го по 1927 год, разработал, а потом и возглавил в 1925 году высадку десанта в заливе Алхусемас, за линиями Абд эль-Керима, что и привело к победе. Все эти годы Франко всецело отдавался своей профессии. Он никогда не пил, не проводил время с женщинами, но в то же время (как торопятся упомянуть его набожные биографы) не посещал мессы¹¹. Его знали как жестокого сторонника дисциплины. Храбрость Франко не подвергалась сомнению: он более чем достойно вел себя под огнем. Генерал оказался блистательным организатором, и эффективность действий Иностранного легиона в основном объяснялась его стараниями. Первый опыт подавления революционных выступлений он обрел в 1917 году, во время всеобщей забастовки, когда получил временное назначение в Овьедо. После долгих отсрочек, связанных с военными кампаниями, Франко наконец женился на глубоко верующей девушке из хорошей кастильской семьи по имени Кармен Поло. Франко был невысок ростом и толстоват уже в молодые годы. Высоким пискливым голосом он отдавал военные команды так, словно читал молитву. Генералу были свойственны терпеливость и осторожная предусмотрительность, качества типичные для уроженца Галисии, которых так не хватало Касаресу Кироге и Кальво Сотело. Правда, в годы республики осторожность Франко граничила с нерешительностью. Он пользовался великолепной репутацией «блистательного молодого генерала», но постоянно отказывался принять чью-либо сторону в политике. Когда в апреле 1931 года в мадридских кафе пронесся слух, что правительство собирается назначить его верховным комиссаром в Марокко, Франко публично заявил, что откажется от этого поста, ибо в противном случае ему придется проявить «незаслуженно хорошее отношение к только что установившемуся режиму, который без должного уважения относится к людям, еще вчера прославлявшим нацию». Когда монархистов-заговорщиков спросили: «С вами ли Франко?», они не смогли дать однозначного ответа. Его никогда не видели в компании офицеров, кото-

рые поддерживали генерала Санхурхо при попытке переворота в 1932 году¹². В то же время, судя по заявлениям, которые Франко произносил, будучи комендантом Сарагосы, республиканцы считали, что он сторонник авторитарного правления. Они знали, что Франко долгое время интересовался политикой. В начале 1926 года он потребовал, чтобы в его штаб-квартиру прислали книги по политической теории. Но брата генерала, Рамона, знаменитого летчика, который первым пересек по воздуху Южную Атлантику, считали республиканцем. И он действительно был таковым в 1930 году, когда сбрасывал листовки (его с трудом удалось удержать от попыток сбросить бомбы) на королевский дворец во время неудачного восстания республиканцев. В то же время свояком Франко – они были женаты на сестрах – был молодой лидер CEDA Рамон Серрано Суньер.

Правительство доверило Франко не только подавление восстания шахтеров, но и командование его старым корпусом, Иностранным легионом, главным образом потому, что сомневалось, удастся ли какой-либо другой части достичь успеха в Астурии. Военный министр, радикал Диего Идальго потом объяснял, что его потрясла представшая перед ним альтернатива послать неопытных юных новобранцев со всего полуострова погибать в Астурии. А ведь им пришлось бы вести бои против опытных мастеров взрывного дела и устройства засад. «Я решил, – писал он, – что необходимо ввести в дело части, которые могут защитить Испанию, драться и умирать, выполняя свой долг». Через несколько часов после появления Франко в военном министерстве Иностранный легион под руководством полковника Ягуэ был послан сменить гарнизоны в Астурии.

Легионеры сразу же добились успеха. При помощи марокканских регулярных войск и авиации они быстро «освободили» Овьедо и Хихон. В этих городах завоеватели дали себе волю и их зверства превзошли и по количеству, и по ужасу все деяния шахтеров. После пятнадцати дней революции и войны, которые, как казалось их участникам, длились всю жизнь, мятежники наконец сдались. Белармино Томас, лидер социалистов, который все эти дни был среди сражающихся, в последний раз обратился к огромной толпе шахтеров, собравшихся на главной площади Самы: «Товарищи мои, красные солдаты! Здесь, перед вами, с уверенностью могу сказать, что мы оправдали тот мандат доверия, что вы вручили нам. Мы с грустью должны признать, что наше мужественное сопротивление потерпело неудачу. Нам пришлось вступить в мирные переговоры с генералами вражеской армии. Но мы потерпели только временное поражение. Мы можем сказать лишь, что рабочие остальных провинций Испании не выполнили свой долг и не поддержали нас. Наша неудача позволила правительству взять под свой контроль всю Астурию. Хотя у нас были ружья, пулеметы и пушки, у нас не было боеприпасов. Нам осталось лишь заключить мир. Но это не значит, что мы отказываемся от классовой борьбы. Наша сегодняшняя капитуляция – всего лишь остановка в пути, когда мы осмыслим наши ошибки и подготовимся к следующей битве, которая завершится победой эксплуатируемых...»

Далее последовали жестокие расправы. Одним из условий сдачи восставших шахтеров был вывод легиона и «Асальто» из Астурии. Условие это не только не было выполнено, но даже не военный министр, а генерал Лопес Очоа дал приказ оставить их на территории Астурии. Эти части вели себя как армия победителей, которая живет за счет страданий покоренных. Примерно 1300 человек было убито в ходе военных действий (и не менее того стали жертвами репрессий) и около 3000 ранено. Но среди погибших было всего 100 гражданских гвардейцев, 98 солдат, 86 асальто и карабинеров. Официально было признано, что погибло более тысячи гражданских лиц – преимущественно шахтеров. Эти цифры значительно преуменьшены, хотя сомнительно, чтобы число жертв репрессий, как считали, превысило 5000 человек. Большинство восставших погибло в конце боев, когда легион установил жестокий террор¹³. В октябре и ноябре в Испании насчитывалось 30 000 политических заключенных. Подавляющее большинство их было из Астурии. Казармы пуэбло в этом регионе были пре-

вращены во временные тюрьмы, и мучительное пребывание в них унижало человеческое достоинство. Журналист Луис Сирваль, который осмелился указать на эти ужасные условия, сам был арестован и убит в тюрьме тремя молодыми офицерами легиона. А тем временем в Мадриде генералов Франко и Годада чествовали как спасителей нации.

Примечания

¹ Хотя декрет, формально изгнавший их, продолжал оставаться законом.

² На самом деле ни Варела, ни Рада не были карлистами; у них не имелось никаких связей с Наваррой. Оба были родом из Андалузии. Варела – сын офицера, с самого детства отличавшийся непомерными амбициями. Его храбрость в марокканской войне стала притчей во языцех.

³ Подробности этой встречи стали известны в ходе Гражданской войны после того, как во время обыска в доме Гойкоэчеа были найдены некоторые документы. Сам Гойкоэчеа рассказал о ней только в 1937 году.

⁴ Это оружие было закуплено в Португалии, в Кадисе, у каких-то революционеров ведущими членами UGT. Теплоход с грузом на борту оставил Кадис, направляясь якобы в Джибути, но потом пошел в Астурию.

⁵ Alianza Obrera.

⁶ Свидетельств, позволяющих утверждать, что Асанья знал о замыслах каталонцев и социалистов, не существует. В то же время, думаю, профессор Пирс был прав в своем предположении, что Асанья был полностью готов принять президентство в новой федеральной Испании, если бы ему предложили эту корону.

⁷ Дальнейшая его история довольно туманна, но не подлежит сомнению, что потом он подвизался как агент Муссолини.

⁸ UHR (Union de Hermanos Proletarios).

⁹ Гросси утверждает, что к концу революции под ружьем было 50 000 шахтеров, но, скорее всего, их было порядка 30 000. Предполагается, что 20 000 были членами UGT, 4000 входили в CNT, а еще 6000 относились к разным другим группам.

¹⁰ До сих пор еще не написана полная и точная биография этого умного, жесткого, терпеливого и бесстрастного генерала. Существуют его хвалебные жизнеописания, но они имеют мало общего с истиной.

¹¹ Его пуританство может быть объяснено разгульным образом жизни отца, который он продолжал вести до самой смерти. Умер он на девяностом году, через десять лет после того, как его сын стал главой государства.

¹² Бертран Гуэль называет его среди тех заговорщиков, которые готовили переворот еще раньше, в 1932 году. В то время Франко был разгневан решением Асаньи распустить академию в Сарагосе.

¹³ По заявлению министерства внутренних дел от 3 января 1935 года, в октябре по всей Испании было убито 1335 человек и 2951 ранен; разрушено или серьезно повреждено было 730 зданий. Овьедо превратился в руины, хотя примерная стоимость ущерба от восстания не превышала миллиона фунтов стерлингов. Было захвачено 90 000 ружей, 33 000 пистолетов, 10 000 динамитных шашек, 30 000 гранат и 330 000 обойм.

Глава 10

Последствия восстания в Астурии. – Попытка Лерру найти средний путь. – Республика в тупике. – Выборы 16 февраля 1936 года.

После революции октября 1934 года и ее подавления пришлось предпринимать сверхчеловеческие усилия, чтобы избежать катастрофы гражданской войны. Они не приносили успеха. Все лидеры социалистов сидели по тюрьмам¹. Вместе с ними в камерах оказались и члены каталонского правительства, Асанья и несколько левых политиков. В этих условиях события в Астурии обретали для испанского рабочего класса эпическое значение. Кое-кто, откликаясь на последние слова Белармино Томаса, сказанные на обреченном митинге в Саме, мрачно пророчествовал, что октябрь 1934 года станет для Испании тем же, что 1905 год для России. Во время заключения Ларго Кабальеро стал читать, может быть, в первый раз, труды Маркса и Ленина. Ему было около семидесяти, за плечами осталась жизнь осторожного реформиста, и вот теперь этот сдержанный лидер социалистов стал стремительно склоняться к революционным методам борьбы. А тем временем в Париже Ромен Роллан высказал мнение, с которым были согласны все борцы астурийского восстания: «Со времен Парижской коммуны мир не видел ничего более прекрасного»².

Естественно, события в Астурии вызвали ужас в среде испанского среднего класса. Теперь им казалось, что почти все, даже военная диктатура, предпочтительнее существующего политического разброда. Может, власть возьмет генерал Франко, пока он стоит во главе генерального штаба и военного министерства? Почему бы Хилиу Роблесу и CEDA не использовать лучшим образом свою оппозицию правительству? В тот период на удивление мало упоминалась фаланга, главным образом потому, что Хосе Антонио погряз в спорах со старым лидером JONS Ледесмой Рамосом. Последний всегда считал Хосе Антонио таким «сеньорито» и остро критиковал его за контакты с церковью и высшими классами³. В конечном итоге, после того как Ледесма опубликовал серию статей, в которых осуждал Хосе Антонио как «орудие реакции», он был изгнан из фаланги. Все эти события и непрерывные финансовые трудности молодого испанского фашизма привели к тому, что численно его ряды почти не росли, хотя в этот период после астурийской революции можно было предполагать, что его призывы получают отклик. По воскресеньям они в своих синих рубашках продолжали устраивать шествия. Их враги из среды рабочего класса были разогнаны или сидели по тюрьмам, и они не знали, чем еще заняться. Другие полуфашистские группы, группировавшиеся вокруг Рамиро де Маэсту, продолжали вести страстные и громогласные полемические кампании. И хотя в военном министерстве продолжал оставаться генерал Франко и многие офицеры-монархисты, известные своими правыми взглядами, получили командные посты, в то время военные заговорщики проявляли бурную активность. Так, карлисты по-прежнему давали о себе знать в Наварре. Еще не зная, какая судьба постигнет подготовленных ими офицеров, они все же открыли в Памплоне военную академию. И в развитие соглашения с Муссолини в марте 1934 года четыреста молодых карлистов отправились в Италию изучать искусство ведения современной войны⁴.

В то время премьер-министром Испании продолжал оставаться Лерру. Все последующие месяцы он прилагал незаурядные усилия, чтобы найти устраивающий всех средний путь в водоворотах испанской политики. Когда после революции Компаньса монархисты потребовали полной отмены каталонского статута, Лерру (и в этом его поддержала CEDA) заверил, что приостановит его только в том случае, если Каталония будет управляться генерал-губернатором. Тем не менее самой сложной проблемой для режима стал вопрос нака-

зания мятежников 1934 года. Ибо в конце марта 1935 года военный трибунал, специально созданный для этой цели, вынес двадцать смертных приговоров. Из них уже два были приведены в исполнение⁵. К тому времени был убит Луис Сирваль, журналист, который привлек всеобщее внимание к ужасу репрессий легиона. Лерру и радикалы, предвидя печальные последствия, которые повлечет за собой казнь, скажем, Белармино Томаса и Гонсалеса Пеньи (два социалистических депутата от Астурии) или Компаньса, одобрили замену смертных приговоров не столь суровыми наказаниями. Тем не менее CEDA и, соответственно, ее министры поддержали решения о смертной казни. Лерру получил поддержку президента Алькала Саморы, который вспомнил, как в 1932 году были наказаны генерал Санхурхо и его соратники. Приговоры были пересмотрены. Министры от CEDA подали в отставку. После продолжительного правительственного кризиса Лерру сформировал новый кабинет, в который вошли пять представителей от CEDA, включая Хиль Роблеса на посту военного министра. Но казней больше не было. Компаньс, Ларго Кабальеро и другие лидеры, обвиненные в руководстве восстанием, были приговорены к тридцати годам тюрьмы, но никто ни на мгновение не поверил, что они отсидят этот срок. Асанья был освобожден, и обвинение против него отвергнуто подавляющим большинством кортесов⁶.

Новое правое, католическое правительство Испании приступило к делу. Было внесено предложение о пересмотре некоторых статей Конституции. Предстояло видоизменить характер региональной автономии, организовать сенат, пересмотреть законы о разводе и браке. Независимый финансист Чапаприета приготовился внести на рассмотрение бюджет, которого не видели в республике с 1932 года. Он хотел положить конец коррупции гражданских служб и засилью бюрократии. Но эти меры, прекрасные сами по себе, могли воспрепятствовать желанию правительства заниматься вопросами образования, хотя жалование учителей по-прежнему оставалось нищенским. Не удалось добиться соглашения ни по вопросам пересмотра Конституции, ни по бюджету. Во-первых, достаточно сдержанный министр сельского хозяйства от CEDA Хименес Фернандес, ознакомившись с предполагаемыми изменениями аграрного закона, подал в отставку. Чапаприета сам сформировал правительство, в котором Лерру стал министром иностранных дел. Но тут всю радикальную партию потряс внезапный финансовый скандал, последствия которого были непоправимы. Авантюрист из Голландии Даниэль Штраус уговорил кое-кого из министров-радикалов поддержать замысел нового типа рулетки «страперло». Штраус гарантировал солидные доходы в обмен на разрешение ввести «страперло». Когда разразился скандал, выяснилось, что племянник Лерру и его приемный сын поддерживали самые тесные связи со Штраусом. Ясно было, что с ним был связан и сам Лерру, финансовые дела которого всегда оставались запутанными. И ему, и другим радикалам, на которых обрушилось шумное возмущение общества, пришлось уйти в отставку. Для многих испанцев «страперло» – это слово вошло в язык как символ финансового скандала в высших сферах – стало символом неспособности демократов из среднего класса соблюдать достойные стандарты поведения. И наконец через несколько недель премьер-министр Чапаприета поссорился с CEDA из-за предлагаемого бюджета. Хиль Роблес и его друзья подали в отставку.

Это был, как поторопились указать противники демократии, двадцать шестой правительственный кризис республики. За последние четыре с половиной года должности министров в том или ином кабинете занимали семьдесят два человека.

Каждому из них полагалась приличная пенсия, чтобы содержать себя на уровне, достойном бывшего министра. Отношение страны к демократическим процедурам сильно напоминало Францию в мае 1958 года после пятнадцати лет Четвертой республики. Алькала Самора пробовал самые разные сочетания партий, чтобы создать работоспособную администрацию. Раз за разом он терпел поражения. В конце концов Самора решил распустить кортесы и назначить новые выборы. Исходя из того, что хоть какое-то правительство должно

заниматься делами до и после выборов, Алькала попросил его составить Портелу Вальядареса, бывшего министра при монархии и неумолимого исследователя присциллианской ереси.

4 января кортесы были распущены. Выборы были назначены на 16 февраля. На выборах доминировал Хиль Роблес. Его фотографии в роли «хёфе» с подписями внизу, представлявшими его как «всесильного военного министра», угрожающе смотрели со щитов во всех городах. Тем не менее, по мере того как кампания набирала темпы, лидерам CEDA становилось ясно, что их путь к власти будет далеко не столь прост, как на первых порах казалось. Тем не менее они начали составлять общий список, куда вошли самые разные правые партии. Фалангисты, монархисты и карлисты вместе с аграриями и независимыми во многих местах вступили в альянс, составив вместе с CEDA блок, который они называли Национальным фронтом. Но промедление с решением его создания, без сомнения, стоило Национальному фронту немалого числа голосов.

Слева к нему примкнули несколько независимых партий центра. Они включали Лерру и его радикалов, «Лигу» (партию каталонских бизнесменов), «прогрессивистов» (сторонников Саморы) и партию центра, которую в последнюю минуту успел сформировать премьер-министр Портела Вальядарес. Среди центристских партий числились Баскская националистическая партия, которая, хотя с 1934 года и находилась в очень плохих отношениях с правыми и их католическими коллегами из CEDA, по-прежнему решительно не хотела заключать союз с левыми. Так же она относилась и к альянсу с правыми.

На выборах 1936 года левые партии объединились в блок, названный Народным фронтом. Название было предложено коммунистической партией. Предыдущим августом на 7-м конгрессе Коминтерна в Москве Димитров, болгарский коммунист, ставший генеральным секретарем Коминтерна благодаря своему мужественному поведению на процессе, где его обвинили в поджоге рейхстага, определил политические цели всемирного коммунистического движения перед лицом угрозы, которую представлял приход Гитлера к власти. «Образование единого Народного фронта, – сказал он, – говорит, что совместные действия с социал-демократами стали необходимостью. Разве мы не можем объединить в едином строю коммунистов, социал-демократов, католиков и других рабочих? Товарищи, вы должны помнить древнюю легенду о взятии Трои. Атакующая армия была неспособна добиться победы, пока с помощью троянского коня не проникла во вражеский лагерь. Мы, революционные рабочие, не должны стесняться такой тактики»⁷. Это слова и определили политику Народного фронта. В прошлом коммунистов осуждали за то, что они считали фашистскими все «буржуазные» партии. Теперь они решили хранить верность «буржуазной» парламентской демократии, пока не придет черед заменить ее «пролетарской». Конечно, политика этого Народного фронта пошла значительно дальше, чем действия так называемого Народного фронта 20-х годов XX века. Коммунистические партии (как в Восточной Европе в 1945 году) получили инструкции проводить общие мероприятия с другими рабочими партиями, в том числе и среднего класса. Для Советского Союза и его наиболее преданных сторонников из исполнительного комитета Коминтерна такая политика была в лучшем случае компромиссом, продиктованным необходимостью сохранить долгосрочную цель коммунистов: свергнуть капиталистическое буржуазное общество. Советскому правительству нужны союзники даже из буржуазных стран, прежде всего из Франции и Англии, для противостояния гитлеровской Германии.

В Испании создание Народного фронта имело куда более серьезные последствия. Но с течением времени стало ясно, что коммунисты вряд ли могут дать ему что-то большее, чем имя. Ибо в Испании условия сотрудничества между партиями рабочего класса (в том числе левой республиканской Асаньи и, как ни странно, бывшими радикалами Мартинеса Баррио из Объединенной республиканской партии) существовали и без давления коммуни-

стов. Такие условия сохранялись во время существования республики. Разница была в том, что в 1936 году сторонники Асаньи и Мартинеса Баррио были готовы к сотрудничеству с социалистами, пусть даже те, не в пример своей сдержанности в 1931 году, поддерживали революционную Астурию. Но обе эти крупные партии все еще продолжали считать Испанскую коммунистическую партию слишком маленькой, чтобы она могла представлять для них угрозу. (Хотя во Франции немалая численность коммунистической партии значительно осложнила ее сотрудничество с Леоном Блюмом.) Полутроцкистский Альянс рабочих и крестьян вскоре после кое-каких внутренних перестановок был переименован в POUM (Partido Obrero de Unificación Marxista) и тоже поддержал Народный фронт на выборах в феврале 1936 года. Но анархисты из FAI и CNT продолжали держаться в стороне. Тем не менее в последнюю минуту они разрешили своим членам в некоторых районах заявлять во время избирательной кампании, что они поддерживают тот союз, о котором впервые шла речь во время астурийского восстания. Дело было в том, что одним из основных пунктов в программе Народного фронта называлась амнистия всем политическим заключенным⁸.

Другие пункты в программе Народного фронта снова возвращают нас к событиям в Астурии. Должны быть устранены все препятствия, связанные с потерей работы по политическим мотивам, – откровенное предупреждение тем предпринимателям, которые наняли новых рабочих вместо тех, кто сидел в тюрьме или лишился работы после забастовок в октябре 1934 года. Государство должно выплатить компенсации жертвам 1934 года. Необходимо восстановить Каталонский статут. Обсудить статуты других регионов. Приоритет должен быть отдан аграрному закону и другим реформам, начатым в 1933 году.

Избирательная кампания прошла относительно спокойно.

Алькала Самора снял цензуру прессы и отменил «чрезвычайное положение», которое со времени астурийского восстания продолжало существовать во многих регионах. О насилии говорили лишь листовки и воззвания. «Ватиканский фашизм, – гласила одна листовка, – предлагает вам работу и обрекает на голод; он предлагает вам мир и оставляет по себе пять тысяч могил; он предлагает вам порядок и возводит виселицы. Народный фронт предлагает не больше и не меньше того, что он может дать: Хлеб, Мир и Свободу!»⁹ Лерру и радикалы сосредоточили усилия на подрыве позиций партии центра, которую оставил Портела. Кальво Сотело, экс-министр финансов при диктатуре Примо де Риверы, в первый раз предстал как фигура национального масштаба, в качестве лидера монархической партии, вместо Антонио Гойкоэчеа (после того как Сотела, будучи в изгнании в Париже в 1931–1932 годах, посетил несколько встреч заговорщиков против республики, он уже не стал для них чужаком). 19 января он предупредил всех испанских патриотов, что, если они не проголосуют за Национальный фронт, над всей Испанией будет развеиваться красный флаг – «тот флаг, красный цвет которого станет символом уничтожения прошлого Испании и ее идеалов».

Испания пошла на выборы в воскресенье 16 февраля – в день карнавала перед Пасхой. 34 000 солдат гражданской гвардии и «Асальто» следили за порядком. Карабинеры охраняли банки и посольства в Мадриде, ибо почти все силы полиции были брошены на избирательные участки. В целом все прошло спокойно. Лишь позже поступили сообщения, что в разных деревнях были застрелены три человека. Небольшие волнения вспыхнули в Гранаде. Но такие случаи стали редки. Корреспондент «Таймс» Эрнст де Кокс сообщал, что выборы прошли в «целом образцово». Вот результаты первого круга (в скобках – второго):

НАРОДНЫЙ ФРОНТ			
Социалисты	85		(99)
Левые республиканцы	75	(партий Асаньи)	(87)
Объединенные республиканцы «Эскерра»	32	(Мартинес Баррио)	(39)
	20	(левые каталонские сепаратисты)	(36)
Коммунисты	14		(17)
Другие	30		
Итого:	256		278
ПРАВЫЕ (НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФРОНТ)			
CEDA	94	(Хиль Роблес)	(88)
Аграрии	12	(землевладельцы)	(11)
Монархисты	11	(Кальво Сотело)	(13)
Независимые	12		(10)
Традиционалисты	11	(карлисты)	(9)
Другие	3		(3)
Итого:	143		134
ЦЕНТР			
Партия центра	19	(партия Портелы Вальядареса, экс-премьера)	(16)
Льига	11	(каталонские бизнесмены)	(12)
Радикалы	8	(Лерру)	(4)
Прогрессивисты	6	(Алькала Самора)	(6)
Баски	10		(10)
Другие	5		
Итого:	54		55

Поскольку избиратели голосовали за альянс, а не за отдельные партии, трудно подсчитать количество голосов, отданных за каждую из них. Тем не менее в совокупности каждая группа получила:

Таким образом, Народный фронт утвердился как ведущий союз партий – и по количеству голосов, и по числу мест в кортесах. Но если бы центристы и правые сложили свои голоса, у них было бы небольшое численное преимущество. Конечно, организация выборов не имела ничего общего с Конституцией. Левые в 1934 году получили куда меньше мест, чем им полагалось, если бы их количество было прямо пропорционально отданным за этот блок голосам. Потом были неоднократные попытки манипулировать с цифрами для доказательства того, что Народный фронт пришел к власти незаконно. А тем временем в кортесах оставалось еще двадцать незаполненных мест. Никто из претендовавших на них не набрал необходимых 40 процентов голосов¹².

Примечания

¹ Тем не менее Прието успел укрыться во Франции (как он сделал в 1930 году во время восстания в Хаке). Он не поддерживал замысел восстания против правительства.

² Эти его слова приводит Гросси.

³ Связи Хосе Антонио с армией и прочими силами «старой Испании», которые возмущали Ледесму, объяснялись несколькими причинами. Во-первых, необходимостью в финансовой поддержке. Во-вторых, стремлением обрести связи в обществе, которых он был лишен как сын прежнего диктатора. И кроме того, отсутствием у него уверенности, что его партия сможет достаточно быстро обрести силы, чтобы нанести поражение социализму. По крайней мере, именно эти слова были в любопытном письме генералу Франко, отправленном как раз перед восстанием в Астурии, 24 сентября 1934 года. В нем он давал понять Франко, что был бы готов поддержать военный переворот, чтобы восстановить «забытое историческое достоинство страны». Тем не менее Франко не ответил.

⁴ Стоит отметить, что полковник Рада, который уже натаскивал карлистов в Наварре, имел тесные отношения с фалангой. Какое-то время он командовал фалангистской милицией и утром 7 октября 1934 года, когда в Мадриде социалисты начали всеобщую забастовку, отправился оценивать положение дел в одной машине с Хосе Антонио, Ледесмой Рамосом и пилотом Руисом де Альдой. Последний был в то время ближайшим сподвижником Хосе Антонио (и даже откликался на имя Фаланга). Он был родом из Эстельи (Наварра). Сам Хосе Антонио в 1934–1935 годах несколько раз вел переговоры с полковником Барбой.

⁵ Первым из казненных был бандит из Барселоны, чье участие в революции ничем не отличалось от его обычных занятий, а вторым – сержант регулярной армии Васкес, который дезертировал из своей части в Астурии и примкнул к шахтерам.

⁶ Все же в его поддержку проголосовало 189 депутатов, а против – 68. Его дело рассматривалось в кортесах, ибо не было доказательств, в силу которых он должен был бы предстать перед военным трибуналом.

⁷ Из отчета о 7-м конгрессе Коминтерна, опубликованном Коммунистической партией Великобритании. Образ троянского коня следует понимать как оправдание для иностранных коммунистических партий идеи сотрудничества с буржуазией, которая должна прийти на место зловещих угроз в адрес той же буржуазии.

⁸ Мотивы действий советского правительства и лабиринты его сложнейших интриг обсуждаются ниже. Пока автор указал лишь самые главные из тех факторов, которые помогут понять ход выборов 1936 года.

⁹ 5000 могил. Это число рабочих, которые предположительно были расстреляны в Астурии.

¹⁰ Если бы места, полученные басками, перешли к их будущим союзникам по Народному фронту, то количество мест этой группы возросло бы до 261, а у центра упало бы до 49.

¹¹ После второго тура все еще оставались вакантными три места.

¹² Жонглирование цифрами продолжалось бесконечно. Хотя несколько фигур в центре пользовались безусловным уважением и количество поданных за них голосов не подвергалось сомнению, их политическая ориентация оставалась размытой – левые они или правые. Случались и прямые угрозы, но несколько таких инцидентов были скорее исключением. Но если часть таких инцидентов и может быть отнесена на счет левых, то, без сомнения, жители в сельских районах, хотя и отличались левыми взглядами, все же голосовали за правых. Как и всегда, они поступали так из страха перед местными «касиками» или агентами землевладельца. Так, в августе доктор Франц Бокенау посетил деревню Алиа в долине Тахо и убедился, что в ней царит высокий революционный дух. Такого он в Испании еще не встречал. Тем не менее в феврале деревня целиком проголосовала за правых. Такие факты вызывали бесконечные споры вокруг количества отданных голосов, методики их подсчетов и, соответственно, числа мест.

Глава 11

Франко и Портела Вальядарес. – Тюрьмы открываются. – Асанья возвращается к власти. – Кампания убийств фаланги. – Ларго Кабальеро как «испанский Ленин». – Появление Кальво Сотело. – Генерал Мола в Памплоне. – Ссоры в среде левых. – Смещение Алькалы Саморы. – Апрельский мятеж. – Асанья становится президентом. – Заговоры коммунистов. – Хосе Антонио присоединяется к конспираторам.

Пока результаты первого тура выборов 16 февраля продолжали поступать, генерал Франко, все еще начальник генерального штаба военного министерства, созвонился с премьер-министром Вальядаресом. После того как он вместе с генералом Годедом «умиротворил» Астурию, этот сдержанный, неторопливый, но амбициозный офицер обрел репутацию непримиримого врага левых. Может, в энтузиазме, с которым средний класс приветствовал его склонность к репрессиям, он уже увидел ту награду, которая достанется ему, если он не потеряет головы. События в Астурии убедили его, что раскол в Испании зашел слишком далеко и пришло время поставить на кон силовое наведение «порядка». Тем не менее пока генерал держался в стороне от политики. Не в пример многим своим коллегам в армии, он не имел льстецов, которые подбивали бы его на те или иные действия. В порядке дня был постоянный вопрос: «Какую позицию занимает Франко?» Зимой 1935/36 года Сальвадор де Мадарьяга (представитель республики в Лиге Наций) и доктор Мараньон встречались с Франко. И тот и другой сочли, что начальник генерального штаба был совершенно искренен, говоря им, что не хочет присоединяться ни к какому заговору против республики¹. Тем не менее через три недели Франко предупредил временного премьер-министра страны Портелу Вальядареса, что необходимо объявить военное положение и тем самым предотвратить захват власти Народным фронтом. Портела ответил, что такое решение может спровоцировать революцию. Однако Франко уверял его, что при поддержке правительства хватит сил ее сокрушить. Портела колебался. Этот демократ и франкмасон был богатым человеком. Он обсудил данный вопрос с Диего Мартинесом Баррио, лидером Объединенной республиканской партии и тоже масоном тридцать третьей ступени. Впоследствии ярые враги масонства обвинят Портелу в следовании масонским инструкциям, при посредстве Мартинеса Баррио спешно доставленным из Цюриха, или из Английского банка, или из любого другого места, где в то время заседал совет гроссмейстеров ордена. Затем Портела встретился с Кальво Сотело, который говорил в том же ключе, что и Франко. Тем не менее на следующий день Портела передал власть Асанье, видному политику Народного фронта². Это, конечно, было сделано в полном соответствии с Конституцией. Уходящий с поста премьер-министр не получал никаких тайных масонских инструкций. Генерал Франко вместе с генералами Фанжулом (позднее, при Хиле Роблесе, заместитель секретаря военного министерства), Варелой (экс-наставником карлистов), Эмилио Молой (командующим войсками в Марокко), Оргасом и Понте решили не предпринимать никаких немедленных шагов контрреволюционного характера. Все же в Аликанте излишне торопливый капитан Хильберт вывел своих людей на улицы. Можно предположить, что это было попыткой взять власть в городе. Хильберта застрелил свой же капрал, хотя в печати его смерть была подана как самоубийство. Недалеко от Аликанте, в Фонтильес, возбужденная и восторженная толпа сторонников Народного фронта попыталась освободить из лепрозория больных проказой. Но больные предупредительно отказались покидать лечебницу.

Повсюду бушевал безграничный энтузиазм по поводу победы Народного фронта. Перед зданием министерства внутренних дел в Мадриде с криками «Амнистия!» собирались

огромные толпы. В Овьедо вооруженные сторонники Народного фронта в ожидании результатов выборов открыли ворота тюрьмы, где содержалось большинство пленников, захваченных после революции в Астурии. Вместе с ними оказались на свободе и обыкновенные преступники.

Первым действием Асаньи на посту премьер-министра стала подпись под указом об амнистии всех политических заключенных. Социалисты и лидеры Каталонии 1934 года вышли на свободу. Компаньса и его советников по выходе из тюрьмы радостно приветствовали как вновь обретенных вождей. Зеленые, все в цветах, улицы их любимого города давно не видели такого энтузиазма. Еще один указ Асаньи дал депутатам от Каталонии право выбрать свое собственное правительство. Как и предполагалось, Компаньс и его друзья одержали триумфальную победу и вернулись в Женералитат. Трибунал конституционных гарантий счел незаконным приостановление действия Каталонского статута. Тем временем Асанья формировал свое правительство. Оно было почти полностью составлено из представителей его собственной партии, то есть левых республиканцев, объединенной республиканской (сам Марти-нес Баррио стал спикером кортесов), «Эскерры» Компаньса (каталонские левые) и галисийских автономистов Касареса Кироги, который, как и в 1933 году, стал министром внутренних дел. Конечно, это было правительство меньшинства, зависящее от большинства в кортесах и своих союзников по последним выборам из Народного фронта.

Новая администрация Асаньи и его министров начала свою работу с призыва к спокойствию. Было объявлено чрезвычайное положение и введена жесткая цензура прессы. По всей стране прошло назначение новых гражданских губернаторов – главным образом членов партии Асаньи. Из-за участия в репрессиях в Астурии генералы Франко и Годад были смещены со своих постов в военном министерстве; первого отправили командовать войсками на Канарские острова, второго – на такой же пост на Балеарах. Правительство приступило к работе по выполнению условий пакта о Народном фронте. Снова стал работать Институт аграрной реформы. От 50 до 75 тысяч крестьян (главным образом в Эстремадуре) еще до конца марта под покровительством института обзавелись своими участками земли. Были представлены на рассмотрение и другие меры, связанные с указом об амнистии. Среди них, в частности, предписание хозяевам принять обратно на работу тех, кого они выгнали после стачек 1934 года, а также компенсировать им потерянную зарплату. Вместе с этим хозяевам предоставлялся выбор: взять ли человека на прежнее место или выплатить ему компенсацию. Эта непростая ситуация говорила об отношении нового правительства к испанской индустрии. В результате всех этих мер стоимость песеты упала, ведущие финансисты стали переводить свои средства из страны и уезжать сами³.

Но эти трудности оказались незначительными по сравнению с другими угрозами закону и порядку. С момента выборов по всей стране прокатился вал насилий, убийств и поджогов. Частично он был вызван вспышкой бурной радости со стороны левых, освобожденных из тюрем или, по крайней мере, из-под власти CEDA и радикалов. Чувствовалась тут и продуманная работа фаланги, решившей усугубить хаос в Испании, что позволило бы оправдать установление жестокого режима. Хосе Антонио Примо де Ривера потерял свое место в результате выборов и, соответственно, уже не столь благодушно относился к идее демократических институтов. В конце февраля 1936 года фаланга насчитывала по всей Испании приблизительно 25 тысяч членов, что, впрочем, никак не сказывалось на размахе ее провокаций. Вооруженные ручными пулеметами, сеньоры из фаланги разъезжали на машинах, делая все, чтобы усугубить беспорядок: от покушения на убийство автора Конституции республики, юриста, придерживающегося социалистических взглядов Хименеса де Асуа до поджогов церквей – их можно было списать на анархистов. Вооруженные члены FAI и CNT по-прежнему решительно держались в стороне от режима. Они продолжали верить, что свободу им даст «энциклопедия вместе с пистолетом», то есть свободу от любого политического

бремени. Неудачи республики давали им то же радостное удовлетворение, что и фалангистам. И «пистолерос» с обеих сторон продолжали вести совместную работу, особенно против социалистов, которые, продолжая с отвращением относиться к фалангистам, считали их «пособниками FAI».

Неприязнь и ссоры двух самых больших профсоюзов в Испании, CNT и UGT, достигли апогея в первой половине 1936 года. Разные воззрения на стачечную борьбу повлекли за собой непрекращающиеся перестрелки. Но даже не это было основной темой споров в среде рабочего класса Испании. Ибо старые распри внутри социалистической партии между Прието и Ларго Кабальеро, которые скрывались с 1917 года, сейчас вышли на поверхность. После выборов Ларго Кабальеро вдохновился близкой возможностью революции и реальностью, как ему казалось, прихода к власти. И наконец, он был сплошь окружен льстецами из числа его друзей в Испанской коммунистической партии⁴. Они стали называть его испанским Лениным. Этот опытный муниципальный советник и профсоюзный работник был просто в восторге от явно не подходящего ему прозвища. Поскольку голоса его партии привели к власти правительство Асаньи, Ларго Кабальеро, объезжая Испанию, выступал перед ревущими толпами с театральными пророчествами о близости революции. Реальная политика Ларго Кабальеро, без сомнения, была куда сдержаннее, чем его апокалиптические выступления. Но доподлинно этого никто не знал. Ларго продолжал спорить с Прието, который по-прежнему придерживался реформистских взглядов. Выразилось это, в частности, в том, что стали выходить две социалистические газеты, контролируемые соответственно Ларго и Прието: «Кларидад» и «Эль Сосьялиста».

В то время как противоречия левых (хотя в то же время они были безоговорочно уверены, что будущее принадлежит им) продолжали стремительно нарастать, весной 1936 года правые и остатки центристов начали обретать общий язык. Объединенные общими опасениями о грядущей волне насилия со стороны левых, которая потрясла бы все испанское общество, члены CEDA, армейские офицеры, карлисты, монархисты, мелкая и крупная буржуазия и даже радикалы, сторонники Лерру, – словом, все пришли к единому мнению, что правительство Асаньи напоминает Временное правительство Керенского перед приходом большевиков к власти в России 1917 года. Оппозиция установила контакт с этими группами, чей альянс на выборах затруднил ее победу. Поражение центра (включая почти стопроцентный уход радикалов) было самой заметной приметой последних выборов. Потерял место даже сам Лерру. После победы Народного фронта несколько членов центристских групп помедлили, по крайней мере, с тактической поддержкой правых. По сути, CEDA продолжала оставаться самой большой партией в кортесах⁵. Но ее неудача в попытке завоевать полную победу заставила многих из тех, кто поддерживал CEDA на первых порах, предположить: а не является ли вообще фикцией стремление создать партию христианской демократии? Место Хилия Роблеса как «хефе» среднего класса Испании, светлой надежды правых занял куда более опасный и неразборчивый в средствах Кальво Сотело, который стал главным оратором от оппозиции на заседаниях кортесов. Но в ту бурную весну уже мало кто из испанцев считал, что стоит возлагать на кортесы большие надежды⁶.

А меж тем заговор генералов, наполовину монархистский, наполовину чисто военный, корни которого тянулись с начала республики, снова обрел реальные очертания. «Изгнание» генерала Франко на Канарские острова, а Годеды – на Балеарские преследовало цель представить безобидные должности лицам, подозреваемым в измене республике. А тем временем генерал Мола, прежде командовавший войсками в Марокко, был переведен на пост военного губернатора Памплоны. Прежде чем офицеры в конце февраля покинули Мадрид, у них состоялось несколько встреч с генералом Варелой и другими коллегами. Они согласились, что, если президент наделит властью Ларго Кабальеро или анархия захлестнет страну, они

поддержат военный мятеж. Варела и Оргас предлагали начать мятеж немедленно. Мола был более осторожен. Перед отбытием на Канары Франко позвонил Асанье и недвусмысленно предупредил премьер-министра об опасности прихода к власти коммунистов. Асанья презрительно отверг такое предположение⁷. И похоже, Франко окончательно проникся мыслью о том, что «спасти Испанию» сможет только военный мятеж. И все же он продолжал колебаться.

В последующие несколько месяцев центром организации военного заговора стал генерал Мола. Он был преданным делу генералом с литературным складом ума. Мола отличало лисье лицо, глаза его были прикрыты узкими очками. Во времена падения монархии он был генеральным директором службы безопасности и в этом качестве пользовался особой неприязнью со стороны интеллектуалов-республиканцев. «Расстрелять Мола!» – таков был популярный лозунг мятежников 1930–1931 годах. В результате во время первого правительства Асаньи он остался без работы⁸. До 1936 года Мола не имел никакого отношения к заговорам против республики. Тем не менее его коньком стала конспирация. Из Памплоны по всей Испании спешили курьеры, особенно в Лиссабон, где генерал Санхурхо предоставил в распоряжение заговорщиков (как и следовало ожидать) свой авторитет и связи среди карлистов. В феврале Санхурхо побывал в Германии – формально на зимних Олимпийских играх. Вместе с полковником Бейгбедером, военным атташе испанского посольства в Берлине, худым аскетичным ветераном марокканских войн, он, как говорят, в сопровождении адмирала Канариса, главы германской военной разведки, посетил немецкие оружейные заводы. С Испанией у Канариса были старые связи: еще во время Первой мировой войны он из испанских портов руководил атаками немецких подлодок на суда союзников. Хотя Санхурхо не договаривался о немедленных закупках оружия (поскольку предполагал, что его заговор и так увенчается успехом), его уверили, что немецкая военная помощь, если она потребуется для закрепления успеха, будет предоставлена, по крайней мере Канарисом⁹.

Планы Мола стали ясны в апреле. Готовящийся мятеж не должен был иметь ничего общего с «пронунсиаментом» в старом стиле. Во всех провинциях Испании, на Балеарских и Канарских островах, в Испанском Марокко формировались две ветви заговора, военная и гражданская. Мола объявил, что цель заговора – установить «порядок, мир и справедливость». «Все должны принимать участие в восстании (в каком-то смысле циркуляр генерала читался как проспект какой-то компании), кроме тех, кто руководствуется указаниями из-за рубежа: социалисты, масоны, анархисты, коммунисты и так далее». Отделения в провинции получили указания разработать детальные планы захвата общественных зданий в своих районах, особенно линии связи, а также подготовить оповещения о введении военного положения. В этот момент Санхурхо вылетит из Португалии и станет президентом военной хунты, «которая немедленно установит в стране порядок и законность». В некоторых местах – например, в Севилье – фаланге отводилась важная роль в мятеже, но политические цели этой партии нигде не упоминались. (Франко перед отбытием на Канары побеседовал с Хосе Антонио в доме своего свояка Серрано Суньера и указал, что надежной связью между фалангой и генералами может стать командир Иностранного легиона, полковник Ягуэ, яростный поклонник фаланги. Тем не менее окончательное решение было отложено на несколько недель.) План Мола имел в своей основе установку: все должно быть готово не позже, чем через двадцать дней, то есть к концу апреля. Он включал в себя следующее указание: «Необходимо постоянно помнить, что быстро сокрушить сильного и хорошо организованного врага можно только с чрезвычайной жестокостью. Следовательно, должны быть арестованы все руководители политических партий, движений и союзов, не примкнувших к движению; эти люди будут подвергнуты показательным наказаниям, чтобы попытки противостояния были задушены в зародыше». Документ был подписан «директор» – то есть Мола.

Тем временем Асанья и его правительство изо всех сил старались восстановить порядок. 27 февраля они закрыли штаб-квартиру фаланги в Мадриде. 15 марта, когда фалангисты подложили бомбу в дом Ларго Кабальеро, был арестован Хосе Антонио – формально за то, что при нем нашли незарегистрированное оружие¹⁰.

Последовали и другие аресты фалангистов. Но даже из-за стен Образцовой тюрьмы к «пистолерос» и бомбометателям продолжали поступать инструкции. Через неделю республика получила удар со стороны левых, который заставил вспомнить о событиях в Касас-Вьехас. Несмотря на то что аграрная реформа продолжалась, тысячи безземельных крестьян, голосовавших за Народный фронт, сочли, что осуществляется она слишком медленно. В Эстремадуре жители деревень стали захватывать большие запущенные поместья, отводить себе участки, после чего проводить митинги на деревенских площадях, которые проходили под шумные славословия республики. В деревне Джусте, где в монастыре провел свои последние дни император Карл V, произошло кровавое столкновение между гражданской гвардией и крестьянами. Были убиты восемнадцать жителей деревни и один гвардеец. Несмотря на неоспоримую победу сил «законности и порядка», захваты земель на местах продолжались. И правительство уже не осмеливалось их пресекать.

Ежедневно шли перестрелки между фалангистами и членами FAI, социалистами и анархистами и даже между двумя группировками социалистической партии. FAI и CNT издали серию угрожающих оповещений и провели ряд предупредительных забастовок. Премьер-министр Мануэль Асанья, «сильный человек» республики, смог отреагировать на это лишь словами, заявив что испанский рабочий класс – это «сырой материал для художника». 4 апреля он дал интервью Луису Фишеру, американскому журналисту. «Почему вы не проведете чистку в армии?» – спросил Фишер. «Зачем?» – поинтересовался Асанья. «Потому что несколько недель назад на улицах были танки, и вы до двух часов утра находились в министерстве внутренних дел. Вы должны опасаться волнений». – «Всего лишь сплетни, которые ходят по кафе», – ответил Асанья. «Я слышал об этом в кортесах», – возразил Фишер. «Ах, да кортесы – одно большое кафе», – сказал Асанья и добавил улыбаясь: – Единственный испанец, который всегда оказывается прав, – это Асанья. Если все испанцы станут «асаньястами», все будет хорошо». Но в разговоре с другим журналистом он выразился более точно: «Sol y sombra! Свет и тень! Вот что такое Испания»¹¹.

К 7 апреля даже Прието поддался господствующей панике и стал настаивать на смещении Алькалы Саморы. Конституция оговаривала, что если президент за время своего срока дважды распускает кортесы, то он может быть отставлен со своего поста – получив вотум недоверия. Народный фронт воспользовался этим положением, готовый идти даже на роспуск кортесов. Фронт опасался, что Алькала Самора может использовать свое положение для содействия правому «пронунсиаменту». Правые в кортесах даже не попытались поддержать президента, ибо они тоже не испытывали к нему любви. Алькале Саморе пришлось оставить Национальный дворец, и остаток жизни он провел в изгнании, проклиная тех, кто сместил его со столь хорошо оплачиваемого поста.

Но это ничего не изменило. 13 апреля судья Мануэль Педрегаль, который приговорил фалангиста¹² к тридцати годам тюрьмы за убийство мальчишки-курьера, работавшего у социалистов, сам был убит. 14 апреля, во время парада на Пасео-де-Кастельяна в честь четвертой годовщины республики, в президентскую трибуну была брошена бомба. Лейтенант гражданской гвардии был по ошибке застрелен. Посчитали, что он направляет свой пистолет на Асанью. Похороны этого офицера, прошедшие 16-го числа, превратились в грандиозную демонстрацию силы. Почти на всем пути до Восточного кладбища похоронную процессию сопровождали сплоченные отряды мадридских фалангистов, восклицавших: «Испания! Единая, великая и свободная!» Полные энтузиазма члены «Социалистической молодежи»

пели «Интернационал», салютовали вскинутыми кулаками и осыпали кортеж пулями. На самом кладбище состоялась схватка между фалангистами и жандармами. В течение этого дня было убито около дюжины людей – и среди них Андрее Саэнс де Эредиа, двоюродный брат Хосе Антонио. Его застрелил лейтенант Хосе Кастильо. Через три месяца эта смерть повлекла за собой еще более тревожные последствия.

По столице циркулировали самые разные слухи. Правые считали, что Бела Кун, венгерский коммунист, которого на Западе считали кем-то вроде Робеспьера и Ленина, прибыл в Севилью, чтобы начать революцию¹³. В кортесах ежедневно повторялись обвинения, что Асанья играет роль Керенского. В конце месяца вернулись на родину те испанские коммунисты, которым удалось успешно скрыться после астурийской революции и добраться до Москвы. Вернулся оттуда и Альварес дель Вайо, журналист и советник Ларго Кабальеро. Главным образом при его содействии «Социалистическая молодежь» объединилась с коммунистическим молодежным движением. Коммунисты впоследствии стали доминировать в этом союзе. Это вызвало беспокойство даже в ближайшем окружении Ларго Кабальеро. Аракистайн, издатель газеты Ларго Кабальеро «Свет» («Кларидао») и шурин Альвареса дель Вайо, взорвался: «Мы теряем нашу молодежь! Что происходит с Испанской социалистической партией?»¹⁴ Прието не мог сдерживать гнева. Более того, именно в это время большое количество членов молодежного движения CEDA, которым никогда не везло под руководством Хилия Роблеса, тоже сделали шаг навстречу экстремизму и объединились с фалангой, хотя в то время эта организация была публично запрещена после бунта во время похорон лейтенанта гражданской гвардии. Среди тех, кто присоединился к фаланге, был руководитель молодежи CEDA, свояк генерала Франко, Рамон Серрано Суньер, который стал одной из самых значительных фигур в цепи связей между генералом и фалангой. В начале 20-х годов XX века он учился вместе с Хосе Антонио в Мадридском университете, и эти старые контакты облегчили путь к идеологическому альянсу.

Тем не менее военный мятеж Молы в апреле не состоялся. План целиком зависел от генерала Родригеса дель Баррио, генерального инспектора армии. В последний момент тот испугался и сказался больным. Предполагалось, что генерал Оргас вместе с отрядом гражданской гвардии будет ждать сигнала в дружественном итальянском посольстве. Но и это, и другие шаги были по телефону отменены генералом Варелой. И в самом деле, в апреле ни карлисты, ни фаланга еще не были готовы в полной мере сотрудничать с Молой. Политические лидеры карлистов продолжали в Лиссабоне вести переговоры с генералом Санхурхо о будущем Испании после переворота. На первых порах Фаль Конде предлагал просто распустить все политические партии и организовать правительство всего из трех человек – Санхурхо станет президентом и ответственным за вопросы обороны; будут еще министр образования и министр промышленности¹⁵. И пока все эти политические цели обсуждались при посредстве тайных курьеров, к тактическому плану операций добавлялись все новые детали. В Мадриде Кальво Сотело носился от «Палас-отеля» до «Ритца» и по частным домам, договариваясь с финансистами. Но что происходило с фалангой? Партия, занятая покушениями и уличными драками, получила секретную директиву, предупреждающую против объединения сил с военными заговорщиками: «Мы не будем ни авангардом, ни штурмовым отрядом, ни бесценным союзником никакого смешанного реакционного движения»¹⁶. Смелые слова, и они точно выражали подлинные взгляды тех старых фалангистов, которые участвовали в уличных стычках еще с 1931 года. Но к тому времени их голоса стихли. Вне всяких сомнений, фаланга не могла остаться в стороне от событий, которые последуют вслед за мятежом военных.

1 мая по всей Испании прошли традиционные демонстрации рабочих. Им сопутствовали общие забастовки, к которым во многих городах призвала CNT. По бульварам круп-

ных городов прошли шествия теперь объединившейся социалистической и коммунистической молодежи, которые напоминали зародыш Красной армии. Звуки «Интернационала» или же какой-нибудь из прекрасных песен, рожденных во время боев в Астурии, – например, «Первое мая» или «Молодая гвардия», встречались вскинутыми сжатыми кулаками. Огромные портреты Ларго Кабальеро, Сталина и Ленина, подобно знаменам, плыли по бульвару Кастельяно в Мадриде, с изящных балконов которого, полная восторженного ужаса, смотрела буржуазия, представлявшая Испанию Карла V. Конечно же это не должно продолжаться вечно. Через четыре дня из своей тюрьмы Хосе Антонио (который всегда любил Санхурхо, поскольку тот дружил с его отцом) обратился с открытым письмом к испанским солдатам, призывая их положить конец всем нападкам на «священную сущность Испании». «Последним средством спасения, – добавил он, – как говорил Шпенглер, всегда будет взвод солдат, который и спасет цивилизацию». Ушли в прошлое те дни, когда Хосе Антонио утверждал, что нет ничего бесполезнее солдата, что у них всех цыплячья сердца и самый большой трус – это Франко. Но все же фаланга не стала неотъемлемой частью военного заговора. Май еще не подошел к концу, когда Хосе Антонио заметил, что он во всем согласен с речью Прието.

10 мая 1936 года Мануэль Асанья был избран президентом Испанской республики вместо Алькалы Саморы. В коллегии выборщиков, собравшихся во дворце Ретиро, за него проголосовало 238 человек и лишь пять – против. Избрание прошло тихо и спокойно, если не считать драки в коридоре между Аракистайном, все еще поддерживавшим Ларго Кабальеро, и Хулианом Сугасагойтия, издателем газеты Прието «Эль Сосьялиста». CEDA и другие правые партии не выдвигали своего кандидата и воздержались при голосовании. Через несколько дней премьер-министром стал Касарес Кирога, возглавив почти такой же, как при Асанье, кабинет. Отношение Асаньи к своему избранию удивило многих его сторонников, поскольку было странным, что он согласился оставить пост главы правительства в такой момент, когда рядом не было ни одного государственного деятеля подобного масштаба. Все же стало ясно, что он с удовольствием воспользовался возможностью сменить тревожный хаос кортесов на уединенное величие Национального дворца. Скорее всего, Асанья убедил себя, что, став главой государства, он тем самым успокоит средний класс, опасющийся революции. Но устранить эти страхи было не так легко. Женщина-депутат от социалистов, эмигрировавшая из Германии, Маргарита Нелькен, объявила: «Мы хотим революции, но не такой, как русская, которая может служить нам лишь моделью, ибо мы должны разжечь огромное пламя, отсветы которого будут видны по всему миру, и от потоков крови покраснеют моря». 24 мая Ларго Кабальеро произнес в Кадисе большую речь. «Когда Народный фронт расколется, – заявил он, – что неизбежно последует, станет очевидным триумф пролетариата. Затем мы установим диктатуру пролетариата, что означает репрессии в адрес капиталистов и буржуазных классов!» В то время уже составлялись заговоры и обдумывались планы их претворения в жизнь. Несмотря на тот факт, что установление коммунистического режима в Испании противоречило сдержанной внешней политике Сталина того времени, Коммунистическая партия Испании, возбужденная присоединением «Социалистической молодежи», продолжала кормить Ларго откровенной лестью, заставляя его делать все более и более экстремистские заявления¹⁷. Тем временем в Сарагосе состоялся ежегодный конгресс CNT. Раздоры с FAI успешно разрешились. Конгресс потребовал продолжения предупредительных забастовок, усиления борьбы против UGT и «буржуазного» правительства, 36-часовой рабочей недели, месячного оплачиваемого отпуска, повышения зарплаты¹⁸ и, наконец, «либертарианского коммунизма».

Тем не менее, пока в рабочем классе и особенно среди левых продолжали существовать непримиримые разногласия практически едва ли не по каждому вопросу, шла ли речь о политике или о тактике, правые наконец сомкнули ряды. 1 июня Хосе Антонио в письме к Моле сообщил из тюрьмы, что он полностью поддерживает военный заговор и предостав-

ляет свою партию в его распоряжение. Он также пообещал, что началу мятежа поспособствуют 4000 фалангистов.

Таким образом, к началу июня Мола завершил последние (на этот раз стратегические) приготовления. Генерал Кейпо де Льяно, высокий, красивый и всегда подвыпивший командир корпуса карабинеров, присоединившийся к заговору позднее прочих, ибо сначала Мола отверг его, должен будет взять на себя непростую задачу в Севилье¹⁹; генерал Саликет поднимет Вальядолид; сам Мола станет отвечать за Бургос и Памплону; в Мадриде будет командовать генерал Вильегас, а генерал Кабанельяс (который считался крепким республиканцем) – в Сарагосе. Барселону возьмет на себя генерал Гонсалес Карраско; сам Франко вылетит, чтобы принять командование Африканской армией, а Гоедес возглавит гарнизон в Валенсии. Остальные города были поделены между другими доверенными офицерами. Младшие офицеры, которые помогут в организации мятежа, будут вознаграждены немедленным продвижением по службе, «или, если они пожелают, гражданским постом с такой же заработной платой».

5 июня Мола пустил в обращение политический документ, в котором излагался план восстания, который призван был обеспечить ему успех. Должна быть создана «Директория», включающая президента и четырех других членов. Все в ее составе должны быть офицерами. Они будут наделены правом издавать законы, которые будут ратифицированы законодательной ассамблеей. Последняя станет избранной «в соответствии с избирательным правом, которое будет сочтено наиболее подходящим». Действие кортесов и Конституции 1931 года, без сомнения, будет приостановлено. Законы, не соответствующие «новой органической системе» государства, отменяются, а тех, кто «черпает идеи из-за границы», объявят вне закона. Новая система во многом будет напоминать ту, что хотел ввести прежний диктатор Примо де Ривера, несмотря на некоторые вербальные уступки фаланге и карлистам.

Карлисты (с которыми Мола теперь поддерживал контакты), однако, не согласились на немедленную реализацию этой программы, хотя у Молы состоялась шестичасовая беседа с Фалем Конде в наваррском монастыре Ираче²⁰.

С такими настроениями Испания, страна, о которой историки Средневековья торжественно говорили, что демократия в ней родилась на несколько поколений раньше, чем в Англии, пришла к дебатам в кортесах 16 июня.

Примечания

¹ Доктор Мараньон встретил Франко в Париже, на обеде в испанском посольстве. Франко вернулся из Лондона, с похорон короля Георга V. Он представлял Испанию и в траурной процессии шел за обреченным маршалом Тухачевским, представлявшим Россию. Эрудированный врач и генерал легиона пошли прогуляться по набережной Сены, и Франко сказал, что через несколько недель в Испании все успокоится.

² Мистер Лоренс Фернсуорт, автор книги «Борьба Испании за свободу», сообщает, что Портела сказал ему, будто в данный момент Хиль Роблес замыслил переворот. Все же я склонен верить Генри Бакли, который, посетив на следующий день после выборов штаб-квартиру CEDA, убедился, что Хиль Роблес пришел в ярость, когда ему предложили пойти на антиконституционные действия. Визит Франко к генералу Посасу, командующему гражданской гвардией, в то время занимавшему пост министра внутренних дел, тоже не принес успеха. Тот также отказался выступить против Народного фронта.

³ Так, Хуан Марч покинул страну уже 16 февраля и впоследствии поддерживал тесные связи с заговорщиками из числа военных.

⁴ К тому времени испанских коммунистов насчитывалось всего около 10 000 человек, хотя сама партия утверждала, что она имеет 35 000 членов. Особым влиянием компартия пользовалась в окрестностях Мадрида, а в Каталонии и в Стране Басков сторонников у нее было куда меньше. Если не считать Пассионарии, лидеры партии были сравнительно неизвестными личностями. Секретарь партии Хосе Диас, бывший анархист, бывший чистильщик обуви из Севильи, был человеком скромным, хотя и энергичным. На людях он безоговорочно следовал политике Коминтерна, в частных же беседах он неоднократно осуждал ее. Его ближайшим доверенным другом был Хесус Эрнандес, глава отдела пропаганды и редактор «Мундо обреро». Этот человек, несмотря на свои тридцать с небольшим лет, был ветераном коммунистического движения. Уже в шестнадцать лет, когда его признали виновным в попытке покушения на Прието, он считался профессиональным террористом. После пребывания в Москве в 1936 году Эрнандес был избран в кортесы, где обрел известность призывами к насилию, звучавшими в его речах. Другими ведущими коммунистами были Педро Чека, Михе и Урибе, марксистский теоретик партии.

⁵ Полная численность CEDA никогда не предавалась гласности. Ядро партии составляло примерно 12 000 человек.

⁶ Во втором туре выборов, 3 марта, Народный фронт получил 8 мест, баски и правые – по 5, а центристы – 2. Таким образом, у Народного фронта оказалось всего 278 мест и еще он мог рассчитывать на другие 10 мест басков. У правых оказалось 134 места, а у центра – 55.

⁷ Хотя их разговор был на удивление уклончив. «Вы не правы, – сказал Франко, – отсылая меня. В Мадриде я был бы куда более полезен и армии и миру в Испании». – «Я не боюсь развития событий, – ответил Асанья. – Я знал о мятеже Санхурхо и мог бы предотвратить его. Я предпочел, чтобы он сам рухнул».

⁸ Хотя его мемуары об этом периоде работы в министерстве внутренних дел пользовались большим успехом.

⁹ Как оно и было. Хотя карлисты еще не установили контактов с Молой, в военном комитете председательствовал Сен-Жан де Люс, принц Франсуа Ксавьер из пармских Бурбонов, племянник (и возможный наследник) пожилого дона Альфонса Карлоса, претендента на престол от карлистов. Комитет закупил 6000 ружей, 150 станковых и 300 ручных пулеметов, 5 миллионов патронов и 10 000 пулеметных лент. Тем не менее из этого количества до июля 1936 года в Испанию попали лишь пулеметы, закупленные в Германии. Остальное оружие было конфисковано в Антверпене, и даже личное вмешательство принца Франсуа Ксавьера вкупе с королем Бельгии не принесло результатов.

¹⁰ Существует, возможно, апокрифическая история, как перед арестом Хосе Антонио его пригласил к себе Асанья и попросил покинуть страну. «Не могу, – ответил тот. – У меня больна мать». – «Но ваша мать умерла много лет назад», – ответил Асанья. «Моя мать – Испания, – якобы сказал Хосе Антонио, – и я не могу оставить ее». Эта история появилась в лиссабонской газете 21 ноября 1936 года. Доподлинно известно, что примерно в это время Эдуардо Аунос, один из ближайших сподвижников Хосе Антонио, уговаривал его улететь из Испании. «Ни в коем случае, – сказал Хосе Антонио. – Фаланга – это не старомодная партия заговорщиков, руководители которых сидят за границей».

¹¹ На трибунах арены для боя быков места называются Sol или Sombra, в зависимости от того, затенены они или нет.

¹² Фалангиста звали Ортега, и в начале Гражданской войны он был убит в своей тюрьме в Сантоне.

¹³ Это конечно же было неправдой. В то время Бела Кун был слаб и болен, и к тому же его вскоре расстреляли. Достойный доверия информатор встретил Куна в 1935 году в

Москве, и тот сказал, что болен и не может добраться до Испании. Да и в этом случае он бы не представлял никакой опасности. Тем не менее вполне возможно, что в это время Испанию посетил Эрне Гере, тоже венгерский коммунист, который под псевдонимом Сингер был «инструктором» у французских коммунистов.

¹⁴ Эти слова были сказаны Генри Бакли, в то время корреспондентом «Таймс» в Мадриде. Аракистайн, который был страстным антикоммунистом, рассказывал, что нередко видел, как к Альваресу дель Вайо заходит агент Коминтерна Витторио Кодовилья (он жил в том же доме этажом выше). Но необходимо помнить, что это был период, когда Народный фронт признавали силой огромное количество людей во всем мире. Агент Коминтерна воспринимался как желательный союзник и соратник. И в то время вряд ли требовалось старательно уговаривать «Социалистическую молодежь», чтобы она объединилась с коммунистами.

¹⁵ Раньше карлисты хотели сами поднять восстание, и Санхурхо согласился возглавить временное правительство для реставрации монархии (королем должен был стать претендент от карлистов), если такое изолированное восстание вообще состоится.

¹⁶ Между февралем и июлем 1936 года число фалангистов, как и коммунистов, значительно выросло – скорее всего, теперь их было не менее 75 000. Кроме организации Онесимо Редондо в Вальядолиде (которое обрело себе сторонников и среди рабочих в Севилье) были и молодые представители среднего класса и студенты, еще не окончившие учебу.

¹⁷ Я пришел к выводу, что три документа, как говорят, найденных в четырех различных местах после начала Гражданской войны, содержащих планы переворота социалистов и коммунистов, который должен был выглядеть как мятеж правых, – не поддельные. Их часто перепечатывали, вместе с факсимиле подписей. Эти три документа включают в себя а) план Ларго Кабальеро, его сторонников и коммунистов в период 11 мая – 29 июня установить Советы, б) исчерпывающие инструкции проведения революции, в) подготовленный отчет о митинге коммунистической партии в Валенсии 16 мая. Первое упоминание об этих документах я нашел в «Наваррском дневнике» от 7 августа 1936 года, то есть к этой дате просто не успели бы сделать убедительную политическую фальшивку. Факт подлинности документов еще не означает, что прописанные в них планы были бы обязательно претворены в жизнь. Это были скорее мечты, а не чертежи или наброски предполагаемых планов, которые могли никогда и не возникнуть. Они не могут оправдать мятеж генералов, ибо их планы составлялись задолго до того, как были подготовлены планы их врагов. Необходимо отметить одного лишь историка, Б. Феликса Маэса, который считал, что возможность восстания «коммунистов» или левых сил играла какую-то роль в мотивах, заставивших генералов поднять мятеж.

¹⁸ Эти требования вызвали бессрочную забастовку строителей, которая на все лето приостановила эту отрасль и привела к перестрелкам между UGT (который был согласен на арбитражное разбирательство) и CNT.

¹⁹ Он уже издавна испытывал неприязнь к республике после того, как в 1930 году не удалась его попытка занять пост военного министра, на что он крепко надеялся. Он принял активное участие в заговоре 1930 года и покинул страну вместе с Рамоном Франко.

²⁰ В дополнение к трудностям, которые осложняли отношения Молы с карлистами, у него не было полного взаимопонимания и с Военным союзом. Этот союз хотел предать суду за государственную измену всех министров, работавших после 1932 года.

Глава 12

Революции прошлого и канун катастрофы

Середина лета 1936 года стала кульминацией страстных споров, которые велись в Испании 150 лет. 1808, 1834, 1868, 1898, 1909, 1917, 1931, 1932, 1934 годы и, наконец, февраль 1934-го – все это были критические даты; они возникали все чаще и чаще, пока наконец испанская трагедия не вспыхнула жарким пламенем. Стоит вспомнить, как в 1808 году навсегда рухнула старая монархия и как в 1834-м вокруг вопроса о либеральной конституции началась открытая война, которая шла пять лет. Припомним, как в 1868 году коррумпированная монархия была свергнута армией и как страна разорялась в войне, которая была и религиозной, и региональной. В это время представители Бакунина основали первые организации рабочего класса. А в 1868 году завершение испано-американской войны вернуло домой из последних колоний огромную армию, которая питалась бесчисленными напоминаниями о былом величии Испании и, будучи не в силах найти себе применение, преисполнялась раздражения. Тогда героическая группа молодых выходцев из среднего класса стала готовить интеллектуальное и экономическое возрождение страны, «повесив замок на могилу Сида»¹. Отметим, как в 1909 году классовая ненависть, подогретая каталонским национализмом, привела к кровавой неделе в Барселоне, которая обратилась против церкви. Вспомним, как в 1917 году революционная всеобщая забастовка была подавлена армией, которая сама находилась на грани мятежа, а военная диктатура Примо де Риверы, установившаяся в 1923 году, стала единственной за сто лет, образовавшей испанское правительство, которое дало стране передышку от политических убийств, забастовок и бесплодных политических интриг.

Как либералы, чьи протесты привели к изгнанию и диктатора в 1930 году, и короля в 1931-м, оказались неспособны создать демократические порядки, достаточно крепкие, чтобы удовлетворить чаяния и рабочих, и старых правящих классов, так они оказались неспособны провести в жизнь свои же реформы. Посмотрим, как в 1932 году часть правых попыталась компенсировать свое поражение на выборах «пронунсиаменто» в старом стиле и как в 1934 году часть на этот раз уже левых сил после собственного поражения на выборах, движимая характерным для всей Европы страхом перед фашизмом, устроила революцию, которая привела в Астурии к временной диктатуре рабочего класса. Заметим, как в феврале 1936 года две стороны конфликта, которые к тому времени уже обрели четкие очертания и окрестили себя воинственным словом «фронт», вынесли наконец свои споры к проверке на всенародные выборы и как не самая убедительная победа Народного фронта привела к созданию прогрессивных, но слабых министерств, которые, как считали их коммунистические и социалистические сторонники, смогут поднять занавес перед долгожданными социальными и региональными переменами. Отметим, наконец, что большинство ведущих фигур в Испании 1936 года принадлежало к поколению, которое жило в бурные времена, и Ларго Кабальеро, Кальво Сотело, Санхурхо играли если и двусмысленные, то и достаточно важные роли. Сюда надо причислить и воплощение былой славы страны, хозяев экономической власти, которых поддерживали армия и церковь. Все они считали, что вот-вот потеряют свои позиции. Противостояли им «профессора» – большинство образованных представителей среднего класса – и почти вся рабочая сила страны, взбешенная годами оскорблений, нищеты и унижений, отравленная знанием лучших условий жизни, которыми пользуются их товарищи по классу во Франции и Англии, и тем доподлинным преимуществом, которого добился рабочий класс в России. Трагедия была неизбежна.

Вторая Испанская республика пала потому, что с самого начала ее не приняли мощные и влиятельные политические силы как справа, так и слева. Более того, в попытке решить многие наболевшие проблемы, перед лицом которых стояла Испания (и которые привели к краху предыдущего режима), она оттолкнула многих, кто на первых порах хотел сотрудничать с ней. Пять с половиной лет республики пришлось на время, когда со страстью, подогретой кризисами, одна из политических сторон обрела достаточно сил, чтобы не дать другой стороне одержать немедленную победу, если разразится война. После падения монархии в 1808 году в Испании были три главных объекта противоречий, послуживших поводом для ссор и споров: церковь и либералы; землевладельцы, к которым позже присоединилась буржуазия, и рабочий класс; те, кто требовал тех или иных местных прав (главным образом в Каталонии и Стране Басков), и защитники жесткого централизованного контроля Кастилии.

Все эти три диспута подкармливали друг друга, доводя накал страстей до высшей точки кипения², так что любые попытки одной из сторон смягчить ситуацию тут же пресекались возобновлением насилия с другой стороны.

На этих жестоких конфликтах и жила страна. У испанцев не было привычек к организации, к компромиссам или хотя бы к вежливым выражениям. И если существовали традиции, общие для всей Испании, то, скорее всего, это горячность и непримиримость в спорах по вопросам религии, взаимоотношения классов и происхождения. Тем не менее все испанцы, сознательно или подсознательно осознавая, что когда-то Испания была крупнейшей страной в мире, в то же время чувствовали, что она должна по крайней мере выглядеть единой и все бесконечные споры несущественны для ее великой истории. Именно это в какой-то мере и заставляло испанцев думать, что в любом компромиссе есть что-то унижающее по отношению к идеалам (пусть даже это и означало, что им никогда не удастся создать практичную политическую программу). В то же самое время огромное количество людей хотели «новой Испании» (что на деле могло означать сотню самых разных понятий), которая была бы достойна ее великого прошлого и высоких качеств самих испанцев. Эти мотивы подспудно руководили теми сеньорами, которые пели гимн фалангистов «Лицом к солнцу»:

Лицом к солнцу, облачившись в мундиры,
Расшитые только вчера,
Смерть найдет меня, если придет ей пора,
И я больше не увижу тебя...
Вставайте (Arriba!), батальоны – и к победе,
Ибо Испания начинает пробуждаться.
Испания – едина! Испания – великая!
Испания – свободная! Испания – вставай!

Те же эмоции владели и страстными революционерами, которые пели анархистский гимн «Сыны народа»:

Сын народа, тяжелы твои цепи,
Угнетение не в силах снести!
Если жизнь твоя в скорби проходит,
Лучше умереть, чем быть рабом!

Рабочий!
Ты больше не будешь страдать!
Угнетателей

Кара постигнет!
Вставай, народ,
Кто верность хранит
Призыву
Революции мира!

Примечания

¹ Эта фраза принадлежит экономисту Хоакину Косте.

² Хотя не в том же самом порядке, как они всегда были в прошлом. Например, во время Первой карлистской войны либералы выступали как защитники контроля со стороны Кастилии против региональных требований каталонцев и басков, а в 1936 году наследники этих либералов отстаивали своеобразную федерацию провинций.

Книга вторая МЯТЕЖ И РЕВОЛЮЦИЯ

Глава 13

Письмо Франко от 23 июня. – Споры карлистов с генералом Молой. – Дата мятежа назначена: 15 июля. – Путешествие «Стремительного дракона». – Маневры в Марокко. – Убийство лейтенанта Кастильо. – Убийство Кальво Сотело.

23 июня генерал Франко написал из своего полуизгнания на Канарах письмо премьер-министру республики Касаресу Кироге.

Он протестовал против недавнего смещения со своих постов офицеров правых взглядов. Эти действия, писал генерал, вызвали столь серьезное возмущение, что он считает себя обязанным предупредить премьер-министра (который одновременно был и военным министром) об опасности, «угрожающей дисциплине в армии».

Это письмо было последним заявлением Франко, его оправданием «перед историей», как он потом сам его оценил. Он сделал все, что в его силах, для мирного разрешения ситуации, хотя должен был знать, что эти последние часы уже ничего не решали¹. Тем не менее премьер-министр ничего не ответил. Для Франко это стало последней возможностью. Больше он не колебался. И в конце июня ему оставалось к назначенной дате мятежа только договориться с карлистами.

Но 1 июля 1936 года генералу Моле пришлось выпустить документ, призывающий своих соратников по заговору к терпению. В Марокко Африканская армия начала свои летние маневры. В Тенерифе Франко маялся вынужденным бездельем и занимался тем, что выслушивал сплетни о заговорах. Города на материке задыхались в тисках стачки строителей. UGT хотел ее прекратить, потому что воцарился полный хаос, а CNT, наоборот, продолжить – по той же причине. В Мадриде бастовали лифтеры, официанты и тореадоры – все, кого подняло левое крыло UGT. Слухи ширились. Вспыхнула паника из-за рассказов, что в рабочем пригороде группа монахов отравила детский шоколад. С начала июля каждодневные политические убийства стали обычным явлением. Так, 2 июля два фалангиста, сидевшие за столиком мадридского кафе, были убиты выстрелами из проезжавшей машины. Во второй половине того же дня двух человек, выходивших из кафе в Мадриде, группа каких-то людей расстреляла из автоматов. Такая мини-война продолжалась начиная от выборов в феврале, но никто не обращал на нее внимания. Почти ни в одном из случаев убийц задержать не удалось, хотя, конечно, политические убийства куда труднее раскрываются, чем уголовные или бытовые. 8 июля в Мадриде было арестовано семьдесят фалангистов, а в провинциях – несколько сотен по обвинению, что они готовили беспорядки. Среди них был Фернандес Куэста, шеф мадридского отделения фаланги. А тем временем в военном министерстве от глаз офицеров, верных республике, не укрылись возбужденные совещания среди тех, кто, как они знали, был враждебен республике. Гарсиа Эскамес, хитрый и обаятельный уроженец Андалузии, который командовал подразделением легиона в Астурии, а теперь замещал Мола в Памплоне, появлялся с новостями и планами. Тогда и верные республике офицеры стали совещаться. Впоследствии они с особой горечью вспоминали эти последние дни перед Гражданской войной, когда им еще доводилось говорить с коллегами, которые позже оказались по другую сторону фронта.

Но пока Мола так и не удавалось достичь политического соглашения с карлистами. Они упорно настаивали на своих главных требованиях: мятеж должен проходить под монархическими флагами и, добившись успеха, следует распустить все политические партии. 7 июля Мола написал Фалью Конде (и другим ведущим карлистам), пообещав поднять вопрос о флагах сразу же после начала мятежа и заверив, что он, Мола, не имеет связей ни с какой политической партией. «Вы должны понять, – добавил он, – что в силу вашего отношения к делу все наши действия парализованы. Есть определенные задачи, которые необходимо заранее подготовить, так как их невозможно будет отменить. Ради блага Испании прошу вас как можно скорее ответить»². 7 июля Фаль Конде написал ответ, требуя гарантий, что будущий режим будет антидемократическим, и настаивая, чтобы вопрос о флаге был решен немедленно. Мола, с трудом удержавшись от гневной вспышки, на оба эти условия ответил отказом. «Движение традиционалистов, – написал он, – своей неуступчивостью разрушает Испанию так же, как и Народный фронт». Тем не менее 9 июля генерал Санхурхо написал из Лиссабона примирительное письмо, которое, похоже, успокоило и Фалью Конде и генерала. А тем временем на улицах Памплоны шла подготовка к ежегодному фестивалю «Сан-Фермин». Как и в прошлые годы, на улицы выпускались бычки, которые через весь город, запруженный толпами, бежали к арене для боя быков. В этом празднестве принимали участие все без исключения молодые люди, за которыми с балконов наблюдали их девушки в карнавальных нарядах. Среди молодежи было много тех, кто через неделю окажется в рядах карлистских сил. В толпе зрителей можно было заметить хитрое лицо Мола в очках. Его сопровождали генерал Фанхуль, ведущий заговорщик из Мадрида, и полковник Карраско, которым предстояло возглавить мятеж в Сан-Себастьяне.

В Лондоне Луис Болин, корреспондент монархической газеты «АВС», подрядил в авиакомпании «Оллей Эйруэйс» из Кройдона самолет «Стремительный дракон», чтобы доставить Франко с Канарских островов в Марокко, где тот должен был взять на себя командование Африканской армией³. Но выяснилось, что в Испании нет самолетов, обладающих скоростью, достаточной для такой деликатной миссии. Испанские заговорщики, кроме того, пришли к выводу, что английский пилот вызовет больше доверия, чем кто-либо из соотечественников⁴.

Через два дня, 11 июля, английский самолет вылетел из Кройдона. За штурвалом сидел капитан Бебб. Он понятия не имел о сути задания, которое ему придется выполнять. Сопутствовали ему Болин, отставной майор Хью Поллард и две пышноволосые молодые женщины. Одна из них была дочерью Полларда, а другая – ее подругой. Этих пассажиров, которые, как и пилот, не догадывались о цели полета, пригласил английский издатель и католический историк Дуглас Джерролд, чтобы придать непростому путешествию самый ординарный характер⁵. Этой же ночью в Валенсии группа фалангистов захватила радиостанцию и послала в эфир загадочное сообщение о том, что скоро разразится «национал-синдикалистская революция». Они исчезли до появления полиции. В тот же день в Мадриде Касареса Кирогу еще раз предупредили о грядущих событиях. «Значит, ожидается мятеж? – осведомился он с абсурдной веселостью. – Очень хорошо. Я же, со своей стороны, предпочту отдохнуть!»

Следующий день, 12 июля, был воскресеньем. В Марокко совместные маневры Иностранного легиона и регулярных войск завершились парадом, который принимали генералы Ромералес и Гомес Морато, командовавшие соответственно Восточной зоной Марокко и Африканской армией. Альварес Буйлья, верховный комиссар Марокко, с гордостью облачился в мундир капитана артиллерии, которым он был двадцать лет назад. Ни эти два генерала, ни верховный комиссар не были посвящены в заговор, в котором многие из офицеров, участвовавших на параде, должны были играть ведущие роли. Гомес Морато пользовался

особой неприязню в ортодоксальных военных кругах, ибо именно он по приказу Асаньи и Касареса осуществил перестановки в командовании, чтобы поставить на важные посты верных режиму офицеров. В ночь перед парадом эти два генерала телеграфировали в Мадрид, что с Африканской армией все в порядке. Но в ходе маневров заговорщики провели последнее совещание. На встрече молодых офицеров полковник Ягуэ, командир Иностранного легиона, употребил даже слова «крестовый поход» (потом их неоднократно использовали в речах националистов), чтобы описать движение, которое привело к мятежу. И крики «САФЕ!» – аббревиатура испанских слов «Товарищи! Да здравствует испанская фаланга!» – были слышны даже на официальном банкете, состоявшемся по окончании маневров. Альварес Буйлья спросил, почему люди требуют кофе, когда на столе еще стоит рыба. Ему сообщили, что крики раздаются из группы молодых людей, которые, простите, кажется, немного выпили. В этот же день «Стремительный дракон» приземлился в Лиссабоне, где Болин провел совещание с Санхурхо.

Вечером того же дня в девять часов лейтенант гражданской гвардии Хосе Кастильо возвращался домой после службы. Жил он в центре Мадрида. В начале года именно он убил маркиза Эредиа, фалангиста и двоюродного брата Хосе Антонио, когда во время похорон члена гражданской гвардии, который, в свою очередь, был убит на параде в честь пятой годовщины республики, начались беспорядки. С того времени фаланга сделала Кастильо объектом своей мести. В июне он женился. В канун свадьбы его жена получила письмо с вопросом, почему она выходит замуж за человека, который «скоро станет трупом». 12 июля было жарким воскресеньем мадридского лета – чиновники и дипломаты уже начали оставлять столицу, перебираясь в Сан-Себастьян. Когда Кастильо подошел к дому, в него разрядили револьверы четыре человека, которые быстро затерялись на узких переполненных улочках⁶.

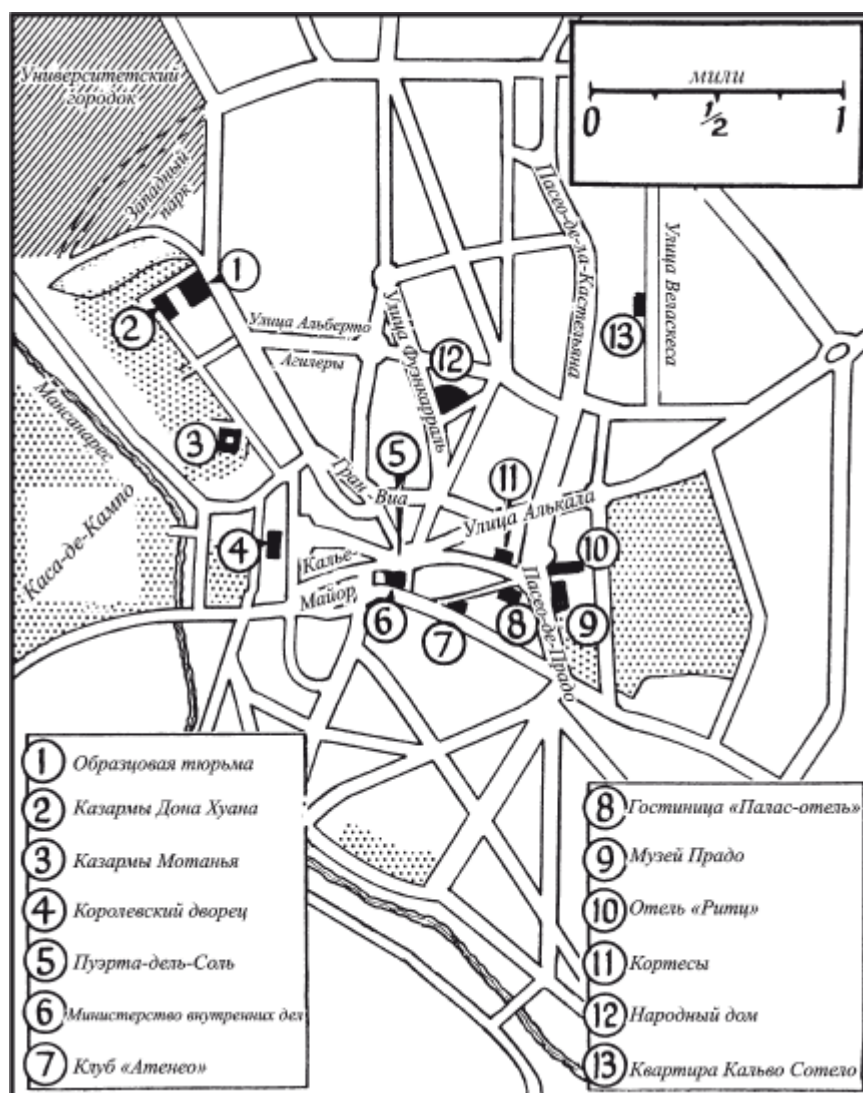
Он был вторым из офицеров гвардии, убитым в последние месяцы, – месяц тому назад фалангистами был застрелен капитан Фараудо, инструктор, когда прогуливался со своей женой по Гран-Виа. Когда известие о гибели Кастильо достигло штаб-квартиры гвардии, расположенной в казармах Понтехос рядом с министерством внутренних дел на Пуэрта-дель-Соль, оно вызвало взрыв ярости. Новость быстро распространилась, и на улице перед домом Кастильо собралась разгневанная и бурно жестикулирующая толпа. Разгорелись страсти, раздавались крики о мести. Кто-то предложил прямо на улицах расправляться с редкими компаниями фалангистов или сеньоров, и часть коллег покойного с угрожающими намерениями двинулась на улицы. И в этот момент раздалось неглупое предложение, что мстить надо не столько рядовым участникам, сколько лидерам правых.

Предложение это поступило не от члена корпуса гражданской гвардии, а от капитана Конде, убежденного приверженца левых. Он был уволен из армии за свое участие в мятеже 1934 года и лишь недавно восстановлен в звании правительством Касареса Кироги, у которого, как говорили, капитан был специальным агентом. Историки-националисты обвиняют Касареса Кирогу, его шефа полиции и капитана Конде в том, что они составили заговор с целью убийства Кальво Со-тело еще до известных дебатов 16 июня, когда лидер монархистов прямо сообщил премьер-министру, что тот угрожает его жизни. 11 июля в адрес Пассионарики было выдвинуто прямое обвинение в угрозе убить Сотело⁷. Говорят, что один из двух офицеров полиции, охранявших Кальво Сотело как депутата кортесов, рассказал другу Кальво, что его начальник отдал приказ не препятствовать попыткам убийства Сотело, а если покушение произойдет в сельской местности, то и помочь убийцам. Охрана сразу же была заменена на тех, кому Сотело мог доверять. Впрочем, Молес, министр внутренних дел в правительстве Кироги, в дальнейшем подчеркнул не уделял внимания этому делу. В конечном итоге Молес был обвинен в том, что в «ночь длинных ножей» позвонил Касаресу Кироге, который находился на балу в бразильском посольстве, и попросил согласия премьер-мини-

стра на убийство его главного парламентского оппонента. Эти обвинения, которые к тому же были опубликованы много лет спустя, не кажутся правдоподобными. Похоже, правда о том, что произошло, именно такова, какой ее и видели в ту ночь: капитан Конде предложил вместо всеобщих уличных боев с врагами арестовать Кальво Сотело и, наверное, Хилья Роблеса. Они, как и Хосе Антонио, будут заложниками хорошего поведения правых – включая и военных заговорщиков. Премьер-министр мог дать свое согласие на такое предложение. В этом нет сомнений. Вскоре после полуночи из казарм Понтехос выехали броневик и туристский автомобиль. В броневике были капитан Кондес, два члена Союза коммунистическо-социалистической молодежи, пулеметчик Викторiano Куэнка, когда-то служивший телохранителем генерала Мачадо на Кубе, студент-медик, в то время лечивший Куэнку от гонореи, а также несколько штурмовиков. В машине находились два капитана и три лейтенанта. Броневик направился к дому Кальво Сотело, а автомобиль – к Хилью Роблесу⁸.

Глава по крайней мере первого из этих маршрутов позаботился, чтобы его жертва была не просто арестована, а убита при задержании. Эти меры были внушены капитану Конде – если не он сам их придумал – кем-то из членов молодежного объединения социалистов и коммунистов. Конде и сам причислял себя к нему. Вполне возможно, что такое предложение было высказано во время специального инструктажа от имени Испанской коммунистической партии – ее устраивал этот взрыв народного возмущения, который должен был привести к решительным переменам.

События развивались. Примерно в три часа утра понедельника 13 июля ночной дежурный у парадных дверей дома Кальво Сотело в шикарном и современном районе Мадрида позволил Конде, Куэнке и штурмовикам подняться наверх к квартире своей жертвы. Кальво Сотело подняли с постели и заставили вместе с ночными гостями отправиться в штаб-квартиру полиции, хотя Сотело и пользовался депутатской неприкосновенностью. Штурмовики уже обрезали телефонный шнур, чтобы жертва не могла ни сообщить о незаконном аресте, ни позвать на помощь. К своему удовлетворению, Кальво Сотело убедился, что документы капитана Конде говорят о нем как об офицере гражданской гвардии. Поэтому он спокойно, хотя и не без некоторых опасений, расстался с семьей, пообещав тут же позвонить, как только выяснится, что от него хотят. «Если, – добавил он, – эти господа не вышибут мне мозги». Броневик сорвался с места со скоростью 70 миль в час. Все его пассажиры молчали. Когда они отъехали от дома на четверть мили, Куэнка, сидевший сразу же за политиком, всадил ему в затылок две пули. Тот умер мгновенно, хотя его тело продолжало оставаться в прежнем положении, зажатое с двух сторон штурмовиками. По-прежнему никто не проронил ни слова. Вскоре броневик встретился с машиной, где сидели капитаны и лейтенанты; им не удалось найти Хилья Роблеса, который на уик-энд уехал в Биарриц. Конде и его люди направились на Восточное кладбище, где передали могильщику тело Кальво Сотело, сказав, что это какой-то мертвый сеньор, которого они нашли на улице, и что все документы по этому поводу будут доставлены утром. Могильщик не счел в происшедшем ничего необычного, и труп Кальво Сотело был опознан только к полудню следующего дня.

Карта 3. Мадрид

Примечания

¹ Тем не менее летчик-монархист Ансальдо писал, что даже в середине лета 1936 года (несмотря на свою активность сразу же после выборов) Франко все еще медлил и колебался. «С Франкито или без Франкито, – заявил Санхурхо, – но мы должны спасти Испанию».

² Письмо хранится в карлистском архиве в Севилье. К «определенным действиям» относились, во-первых, заверение фаланги, что мятеж начнется 15 июля, а во-вторых, подготовка самолета, чтобы перебросить Франко в Марокко.

³ Болин получил указание от своего редактора Луиса де Тены, который сам выслушал приказ полковника Альфредо Кинделана из военно-воздушных сил Испании; он же отвечал и за один из каналов связи заговора.

⁴ 7 ноября 1936 года «Ньюс кроникл» опубликовала рассказ об этих событиях летчика капитана Бейба.

⁵ Все же, по словам мистера Джерролда, Поллард имел «опыт участия в революциях».

⁶ Убийцами Кастильо были фалангисты. Один из них, получив знаки отличия на Гражданской войне, потом во время Второй мировой войны служил Германии и Японии, а по ее окончании его можно было встретить в Мадриде, где он спокойно жил и процветал.

⁷ Это произошло в кортесах. Говорят, когда Кальво Сотело сел после очередного парламентарного выступления, она крикнула: «Это твоя последняя речь!» Но в официальных отчетах нет упоминания о такой ее реплике, не упоминали о ней и такие два уважаемых свидетеля, как мистер Генри Бакли и сеньор Мигель Маура.

⁸ Я лично не верю, что Касарес Кирога заранее знал об этих убийствах, в чем его обвиняют.

Глава 14

Последствия убийства Кальво Сотело. – Две похоронные службы на Восточном кладбище. – Мола встречается с генералом Батетом. – Франко покидает Тенерифе.

Мало кто из представителей среднего класса в Испании не был потрясен убийством Кальво Сотело. Лидер парламентской оппозиции был убит работниками государственной полиции – пусть даже у них были основания подозревать, что жертва замешана в заговоре против правительства. И теперь было совершенно ясно, что правительство при всем желании не в состоянии контролировать своих агентов. Днем 13 июля был арестован капитан Морено, сидевший в автомобиле – вместе с остальными штурмовиками. Капитан Конде пустился в бега, и его политические соратники, включая Куэнку, растворились в толпах воинственных коммунистов и социалистов. Корпус гражданской гвардии «Штурм» ставил препятствия полицейским, которые без большой охоты, но подчиняясь настойчивым неотступным требованиям семьи Сотело начали расследование этого преступления¹. Тем временем кабинет министров провел почти весь день 13 июля в непрерывных заседаниях. Он издал приказ о закрытии в Мадриде штаб-квартиры монархистов, карлистов и анархистов. Но члены двух первых организаций (хотя на деле их было гораздо больше) и многие другие весь день звонили в дом к Кальво Сотело с выражениями соболезнования. В восемь вечера UGT и коммунисты заявили о своей полной поддержке правительства. Прието выступил со статьей в дневном издании «Эль Сосьялиста», провозгласив, что даже война была бы предпочтительнее этой серии убийств. К полуночи он возглавил делегацию социалистов, коммунистов, членов UGT, которые потребовали от Касареса Кироги раздать оружие рабочим организациям. Тот отказался, ехидно добавив, что если Прието будет слишком часто посещать его, то создастся впечатление, что это он управляет Испанией. Жаркой ночью Мадрид застыл в тревожном ожидании. Вооруженные члены левых партий – те, на кого можно было положиться в случае начала военных действий и которые успели разжиться оружием, что хранилось в арсеналах их партий, – продолжали бодрствовать, не спуская глаз с тюрем и министерских зданий. Члены же правых партий гадали, чья будет следующая очередь услышать роковой стук в дверь.

Мола назначил наконец окончательную дату восстания. Оно должно будет начаться в Марокко 17 июля в 17.00. Карлисты выразили свое согласие в декларации, которую в Сен-Жан-де-Люс подписали Фаль Конде и принц Франсуа-Ксавьер Бурбон Пармский. Этому способствовало примирительное письмо Санхурхо от 9 июля, в котором он высказал цели мятежа. Если бы не убийство Кальво Сотело, раздоры между Молой и Фалем Конде, без сомнения, продолжались бы. Теперь заговорщики пришли к выводу, что Мадрид, а также Севилья (и уж конечно, не Барселона) вряд ли сдадутся при первых же выстрелах. В этих местах гарнизоны вместе с фалангой и другими вооруженными сторонниками должны будут закрепиться в своих казармах и ждать подмоги. В соответствии с разработанным планом Мола с севера, Годед с северо-востока и Франко с юга вместе с другими генералами из остальных гарнизонов двинутся к общей цели – столице. Санхурхо вылетит из Португалии и приземлится там, где это будет удобнее сделать. Ветераны марокканских войн во главе с «Рифским Львом», одержав верх над своими соотечественниками, под его командой теперь завоюют свою же страну.

На следующий день, 14 июля, на Восточном кладбище в Мадриде состоялись две похоронные службы. Первым хоронили лейтенанта Кастильо, чей гроб, покрытый красным флагом, провожали вскинутыми сжатыми кулаками толпы республиканцев, коммунистов,

социалистов и гражданской полиции. Затем через несколько часов в могилу опустили тело Кальво Сотело, облаченного в плащ с капюшоном. Место его упокоения было окружено огромной толпой, которая провожала его жестами фашистского салюта. От имени всех присутствующих Гойкоэчеа принес клятву перед Богом и Испанией отомстить убийцам. Вице-президент и постоянный секретарь кортесов были атакованы толпами представителей среднего класса (и среди них много хорошо одетых женщин), которые кричали, что они не хотят иметь никаких дел с парламентариями. Между фалангистами и гражданской полицией завязалась короткая перестрелка, несколько человек были ранены, а четверо убиты. Эти похороны были последним политическим митингом в Испании перед Гражданской войной.

Весь день в Мадриде стояла возбужденная атмосфера.

Правительство приостановило выпуск правых газет «Вот» и «Эпоха» за публикацию сенсационных материалов об убийстве Кальво Сотело без предварительного согласования с цензурой. В работе кортесов сделали перерыв, чтобы охладить страсти. Лидеры правых партий протестовали и угрожали покинуть парламент. Ларго Кабальеро, возвращавшийся после визита в Лондон, по просьбе правительства остановил свой поезд около Эскориала и, чтобы избежать демонстраций, которыми могли бы ознаменовать его приезд на Северном вокзале, добрался до Мадрида на машине.

Левые организации в канун празднования Богородицы Кармен бодрствовали всю ночь, о чем антиклерикал Прието романтически напомнил своим читателям в «Эль Сосьялиста». Продолжались споры между UGT и CNT, и временами из южных пригородов доносились звуки спорадически вспыхивающих перестрелок между двумя профсоюзами. Днем в Тенерифе прибыл дипломат Сангронис и проинформировал Франко, что на следующий день в Лас-Пальмасае приземлится самолет, который доставит его в Марокко.

Утром 15 июля состоялось заседание Постоянного комитета кортесов, состоявшего из представителей всех ведущих партий, избранных пропорционально числу депутатов. Первым делом граф Валлельяно от монархистов выразил формальный протест в связи с убийством Кальво Сотело и объявил, что его партия в дальнейшем не будет принимать участия в работе парламента, ибо ясно видно, что страна охвачена анархией. Он покинул заседание. Через несколько часов Валлельяно и Гойкоэчеа, к которым в течение следующих двух дней присоединились многие известные аристократы и представители правых партий, уехали в более безопасные города (такие, как Бургос) или за границу. Они понимали, что, если в столице начнутся бои, их жизни окажутся под угрозой. Тем временем в комитете кортесов взял слово Хиль Роблес. Он красноречиво воздал дань памяти Кальво Сотело, который еще недавно был его соперником и чью судьбу он чуть не разделил. Роблес перечислил акты насилия последних нескольких месяцев – включая шестьдесят одно убийство и десять ограблений церквей. Ответственность он возложил на правительство. Роблес напомнил, как члены политических партий, поддерживающих правительство, открыто заявили об оправдании любого акта насилия против Кальво Сотело и как министр внутренних дел проигнорировал угрозы его жизни, о которых сообщил Хоакин Бау. Свое выступление он завершил словами, что этот кабинет министров превратил демократию в фарс и сам превратился в администрацию крови, грязи и позора. Роблес во всеуслышание заявил, что отказывается сотрудничать с CEDA в демократических процессах парламентского правительства и умывает руки от всех дел, связанных с парламентом. Не подлежит сомнению, что он знал о грядущем военном мятеже, хотя сам не имел отношения к его подготовке. Покинув Мадрид, Хиль Роблес направился в Биарриц. Комитет же согласился созвать кортесы в следующую среду, 21 июля. Лидеры партий потребовали, чтобы при этом все депутаты оставляли личное оружие в гардеробе. Так что готовящееся заседание, которое так никогда и не состоялось, сразу же было названо конференцией по разоружению. Из событий, происходивших за пределами Мадрида, стоит отметить, что 15 июля «Стремительный дракон» наконец при-

землился в Лас-Пальмаса. В Сан-Себастьяне под аккомпанемент приветственных возгласов прошла заупокойная служба по Кальво Сотело. После нее возникли волнения, в ходе которых был убит один человек.

16 июля. Последний день перед мятежом. С утра Мола направился в Логроньо для встречи с генералом Батетом, командиром 6-й дивизии со штаб-квартирой в Бургосе. Было известно, что этот офицер хранит верность правительству, хотя именно он, командуя войсками в Барселоне, хладнокровно сокрушил в этом городе левую каталонскую революцию 1934 года. Мола опасался, что во время randevu на него будет совершено покушение, и сопровождавшие его офицеры вооружились гранатами. Батет откровенно сказал Моле, что из Барселоны направляются какие-то «пистолерос» с целью убить его, и предложил ему покинуть Наварру. Мола лишь улыбнулся этой угрозе, которая была высказана из добрых чувств. Затем Батет попросил Мола заявить, что он не собирается поднимать мятеж против республики. «Я даю слово, что не собираюсь ввязываться в авантюры», – ответил Мола и позднее хвастался двусмысленностью этих слов. Встреча на том и завершилась. Позднее Мола сумел передать письмо Хосе Антонио в тюрьму Аликанте о последних приготовлениях к мятежу.

В Мадриде этот день прошел относительно спокойно. Министр труда опубликовал свое решение с уважением отнестись к забастовке строителей, которую работодатели отказались принять. Часть рабочих из UGT вернулась на стройплощадки, обратившись в кортесы с апелляцией. Однако CNT продолжала стоять на своем. В Барселоне, где, несмотря ни на что, весь июль царил покойствие, стали циркулировать настойчивые слухи о готовности армии к восстанию. Вооруженные члены различных организаций взяли под охрану штаб-квартиры всех левых и республиканских партий. Было арестовано много фалангистов, и некоторые признались, что они действительно готовились ограбить и поджечь редакции республиканских газет. И действительно, к тому времени в Испании почти не осталось надежд, что правые и те силы, что позднее поддерживали националистов в ходе войны, признают законность правительства Касареса Кироги. К тому времени и само правительство открыто объявило правые партии своими врагами, хотя не признало и левых союзниками. Что же касается партий левого крыла, то все они, конечно, понимали и неизбежность мятежа, и те большие возможности, которые открываются перед ними.

Правительство предприняло определенные шаги, дабы ограничить размах мятежа, если он все же состоится. В Кадисе был арестован и посажен за решетку участник заговора генерал Варела. Эсминец «Чаррука» отправили из Картахены в Альхесирас, а канонерская лодка «Дато» получила приказ сняться с якоря в Сеуте. Все эти меры имели целью предотвратить переброску на материк любых частей легиона или регулярных войск. Но на самом деле эти предосторожности не могли помочь правительству, поскольку оно понятия не имело, насколько командиры этих кораблей верны режиму.

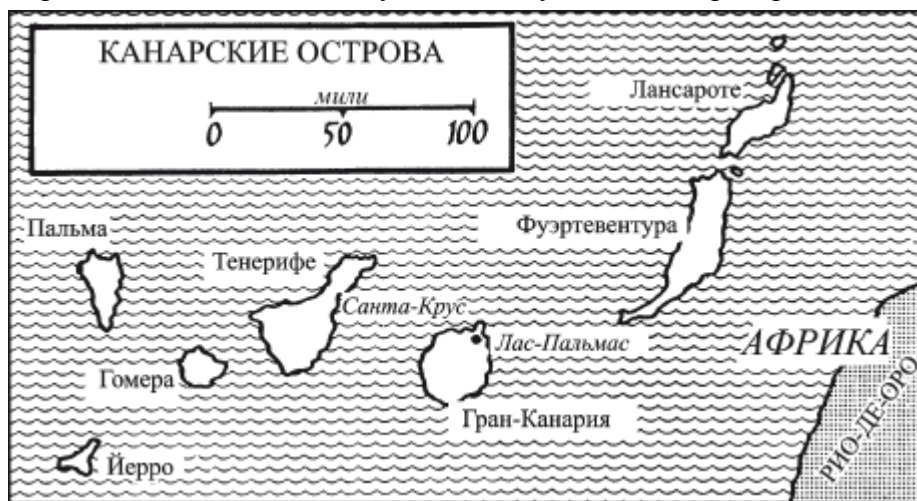
А тем временем на Канарах капитан Бебб успешно обвел вокруг пальца местные власти, объясняя, почему ему без всяких документов пришлось садиться в аэропорту. В Тенерифе Франко готовился к поездке в Лас-Пальмас. Как раз в это время генерал Балмес, военный губернатор Лас-Пальмаса, стал жертвой несчастного случая во время тренировочных стрельб. Эта абсурдная трагедия, о которой в той возбужденной атмосфере стали ходить слухи как о покушении или самоубийстве, дала Франко повод отправиться в Лас-Пальмас для участия в похоронах. Он сообщил, что отправляется в инспекционную поездку. Заместитель секретаря военного министерства по телефону разрешил Франко оставить Тенерифе. Через полчаса после полуночи с 16-го на 17 июля генерал вместе с женой и дочерью поднялся на борт небольшого катера. Так начался первый этап пути, который привел его на вершину власти в Испании, но почти точно можно утверждать, что, знай Франко, каким долгим будет этот путь, он бы не начинал его. В это же время полковник Валентин Галарса из воен-

ного министерства в Мадриде передал последнее послание от Моля Годеду на Мальорку: он должен идти брать Барселону, а не Валенсию, где его место займет генерал Гонсалес Карраско². Тем временем брат Моля Рамон, прибыв из Барселоны в Памплону, выразил опасения, что в столице Каталонии мятеж может провалиться. Генерал успокоил брата, и тот вернулся в Барселону, где его, как и многих других братьев, ждала смерть.

Примечания

¹ После начала Гражданской войны Конде и Морено были убиты в Гвадараме. Документы расследования 25 июля были захвачены в министерстве внутренних дел, и с тех пор их больше никто не видел.

² Это изменение планов было продиктовано мотивами Год еда. Тот считал, что если мятеж потерпит поражение, то именно в Барселоне можно будет добиться компромисса с противной стороной. Сын Год еда выступил с возмущенным опровержением.

Карта 4. Канарские острова

Глава 15

Восстание в Мелилье. – В Тетуане. – В Сеуте. – В Лараче. – Мадрид узнает новости. – Конституционные контрмеры. – Восстание в Андалузии. – Кейпо де Льяно в Севилье. – События в Гранаде, Кордове и Альхесирасе.

Той ночью в Мелилье генерал Ромералес объезжал город, опасаясь беспорядков. У здания муниципалитета он пошутил с лидерами местных социалистов: «Вижу, что массы бдят». Он вернулся домой, полный уверенности, что все в порядке. Из двухсот испанских генералов Ромералес был самым легковверным. На следующее утро офицеры-участники заговора в Мелилье собрались в картографическом отделе штаба. Полковник Сеги назвал своим соратникам точный час начала мятежа – пять пополудни. Для захвата общественных зданий все было готово. С этими планами наконец ознакомили руководителей отделения фаланги, но один из них, Альваро Гонсалес, оказался предателем. Он тут же проинформировал главу мелилльского отделения партии «Республиканский союз» Мартинеса Баррио, который сообщил информацию руководителю местного управления, а тот передал ее Ромералесу. И сразу же после того, как заговорщики, удалившиеся на ленч, вернулись в картографический отдел, где уже началась раздача оружия, лейтенант Саро приказал войскам и полиции окружить здание. Затем он встретился с восставшими старшими офицерами. «Что вас сюда привело, лейтенант?» – весело спросил полковник Гасапо. «Я должен обыскать здание в поисках оружия», – ответил Саро. Гасапо немедленно позвонил Ромералесу: «Это правда, генерал, что вы отдали приказ обыскать картографический отдел? Здесь нет ничего, кроме карт». – «Да-да, Гасапо, – ответил Ромералес, – но это необходимо сделать». Близился час мятежа, несколько преждевременного, но в любом случае его было не избежать. Гасапо позвонил в часть Иностранного легиона с просьбой освободить его и других офицеров, которых Саро держал в осаде. В конце концов Саро, помявшись, заявил, что его люди не будут стрелять, и сдался. Полковник Сеги, вытащив револьвер, направился к кабинету Ромералеса. В его стенах продолжалась горячая перебранка между теми офицерами, которые предлагали генералу подать в отставку, и теми, кто готов был сопротивляться. Касарес Кирога, которому по телефону сообщили об опасном положении в картографическом отделе, из Мадрида приказал Ромералесу арестовать Сеги и Гасапо. Но кто взялся бы исполнить такой приказ? Ромералес сидел за столом, мучаясь нерешительностью. Вошедший Сеги под дулом револьвера принудил его написать прошение об отставке. Восставшие офицеры объявили военное положение, заняли все общественные здания в Мелилье (включая и аэродром), закрыли местное управление и все центры левых партий, а также арестовали лидеров левых и республиканских группировок. Вокруг управления и в рабочих кварталах прошли яростные схватки, но трудящиеся были захвачены врасплох. У них было мало оружия. Всех пленников, сопротивлявшихся восстанию, расстреляли, включая Ромералеса. К вечеру был составлен список членов профсоюзов, левых партий и масонских лож. Их немедленно арестовали. Все, кто на февральских выборах голосовал за Народный фронт – или подозревался в этом, – оказались в опасной ситуации: им угрожал расстрел. К тому времени в Мелилье утвердился военнополовой закон. В дальнейшем по подобному же плану мятежники действовали в остальном Марокко и по всей Испании.

Тем временем полковник Сеги позвонил полковникам Сайнсу де Буруаге и Ягуэ, которые отвечали за организацию восстания соответственно в Тетуане и Сеуте, двух других главных городах на североафриканском побережье. Кроме того, он телеграфировал Франко, который в данный момент был в Лас-Пальмасе на похоронах Балмеса, и объяснил, почему

захват Мелильи пришлось провести раньше назначенного часа. Вечером Ягуэ разослал телеграммы по гарнизонам материковой Испании с долгожданным паролем – «Как обычно» (Sin novedad). Кирога пытался разыскать Ромералеса или Гомеса Морато, командующего всеми частями в Африке. Последнего он нашел в казино в Лараче. «Генерал, – спросил премьер-министр, – что происходит в Мелилье?» – «В Мелилье? Ровным счетом ничего. А в чем дело?» – «Там восстал гарнизон». Оставив казино, Гомес Морато немедленно вылетел в Мелилью, где, едва успев ступить на землю в аэропорту, тут же был арестован.

Карта 5. Испанское Марокко

К тому времени в Тетуане полковники Асенсио, Бейгбедер (бывший военный атташе в Берлине, переведенный в Марокко) и Сайнс де Буруага тоже начали мятеж. Последний позвонил верховному комиссару и, бесцеремонно обратившись к нему как к капитану артиллерии (в форме которого тот гордо выступал на параде по окончании маневров), потребовал отставки. Альварес Буйлья связался с Кирогой, который, в свою очередь, приказал ему держаться изо всех сил, пообещав, что на другой день флот и авиация придут к нему на помощь. Верховный комиссар, окруженный несколькими верными ему офицерами, забаррикадировался в своей резиденции. Снаружи майор Кастехон и 5-я бандера¹ уже рыли на площади окопы. Немного погодя из аэропорта Сан-Рамбель позвонил майор Лапуэнте, двоюродный брат генерала Франко, и сказал, что он и его эскадрилья остаются верными правительству. «Сопровитляйтесь, сопровитляйтесь!» – повторяя слова Касареса, подбодрил их Буйлья. Но к этому времени, когда быстро стемнело, резиденция генерал-губернатора и аэропорт оставались единственными объектами, которые еще не попали в руки мятежных полковников. Те же, подобно коллегам из Мелильи, полностью сокрушили сопротивление руководителей профсоюзов и левых, или республиканских, групп. Бейгбедер отправился проинформировать калифа и великого везира Тетуана о смысле происходивших событий и получил их временную поддержку. В городе он также взял на себя руководство департаментом по делам туземцев, и его гражданские служащие безропотно восприняли исчезновение администрации Альвареса Буйльи. В Сеуте в одиннадцать вечера Ягуэ с помощью Иностранного легиона легко взял власть в городе. С другой стороны не раздалось ни единого выстрела. В Лараче на Атлантическом побережье до двух часов утра мятеж не давал о себе знать. Но бой между мятежниками и офицерами, верными республике, которых поддерживали профсоюзы, носил тут острый характер. Были убиты два офицера мятежников и пять гражданских полицейских. Но к рассвету город оказался в руках националистов. Все их противники были арестованы или расстреляны. В то же самое время генерал Франко с генералом Оргасом стали хозя-

евами Лас-Пальмаса. Франко тут же ввел на всем архипелаге военное положение. Когда он диктовал свой манифест, последовал звонок от Касареса Кироги. Премьер-министру сообщили, что Франко отправился по гарнизонам. На этом связь между генералом и правительством прервалась. В четверть шестого утра 18 июля Франко из Лас-Пальмаса распространил свой манифест, в котором говорилось об особом отношении, которое испанские офицеры испытывают к стране, а не к ее правительству. В манифесте отвергалось иностранное влияние и в уклончивых выражениях говорилось, что после победы в стране будет установлен новый порядок. Манифест был немедленно передан всеми радиостанциями Канарских островов и Испанского Марокко. Жаркими рассветными часами мятеж начался и на материке.

Оба дня 17-го и 18 июля Касарес Кирога и правительство пытались положить конец мятежу при помощи обычных конституционных мер. Продолжая непрестанно звонить Альваресу Буйлье и другим лояльным силам в Марокко и требуя оказывать сопротивление любой ценой, премьер-министр, который узнал о восстании в Мелилье от Ромералеса к полудню, приказал нескольким военным судам оставить свои базы в Картахене и Эль-Ферроле и идти к побережью Марокко.

17 июля он действовал исходя из убеждения, что мятеж ограничен только пределами Марокко. Эта осторожность, естественно, вывела из себя лидеров левого крыла, которые ждали, что в любую минуту мятеж может перекинуться и на материк. Они считали, что все оружие, которое имелось в распоряжении правительства, должно быть передано им. Но этот революционный порыв не был поддержан Кирогой, который заявил, что любой, кто передаст оружие рабочим, будет расстрелян. Ночью 17 июля улицы и кафе Мадрида были запружены толпами возбужденных людей; никто из них толком не знал, что происходит, но все были разгневаны, ибо отсутствие оружия лишало их возможности защищаться. Тем не менее в военном министерстве группа левых офицеров контролировала ситуацию, а генерал Посас, глава гражданской гвардии, и генерал Мьяха, командующий дивизией в Мадриде, пользовались репутацией лояльных военных. Заговорщики в Мадриде проводили у себя по домам торопливые и взволнованные совещания.

Первые сообщения о мятеже правительство передало утром 18 июля, когда мадридское радио оповестило, что «ни один, абсолютно ни один человек в Испании не принял участия в этом абсурдном заговоре». Правительство пообещало, что мятеж в Марокко будет быстро подавлен. Но пока эти слова, не особенно веря им, слушали граждане Мадрида, мятеж, как и было договорено, охватил всю Андалузию. Почти повсеместно 18 июля гражданские губернаторы в больших городах последовали примеру правительства в Мадриде и отказались от широкого сотрудничества с организациями рабочего класса, которые требовали оружия. Во многих случаях именно это обеспечило успех мятежа и подписало смертные приговоры самим губернаторам, расстрелянными вместе с рабочими лидерами. Начнись восстание 18 июля во всех провинциях Испании, то, скорее всего, 22 июля, как и предполагалось, мятежники повсеместно торжествовали бы. А если бы либеральное правительство Касареса Кироги раздало оружие и приказало гражданским губернаторам сделать то же самое, при первых же признаках опасности использовав рабочий класс для защиты республики, вполне возможно, что мятеж был бы подавлен².

События 18 июля складывались не в пользу республики. Все шло по тому же сценарию, что и в Мелилье. С первыми лучами рассвета и вплоть до полудня гарнизоны в городах поднимали мятеж, им на помощь немедленно приходила фаланга и во многих случаях гражданская гвардия. Там, где не стояли армейские гарнизоны, гвардия, фаланга и местные правые действовали самостоятельно. Назначенный лидер мятежников объявлял военное положение и вводил в действие законы военного времени, о чем зачитывалось с балкона городского муниципалитета на главной площади. Пока гражданский губернатор тянул время в своем кабинете, пытаясь созвониться с Мадридом, сопротивление захвату власти пытались оказы-

вать социалисты, коммунисты и анархисты из местной милиции. Офицеры, верные республике, и во многих случаях полиция противостояли мятежу и пытались побудить к действиям и гражданское правительство, и организации рабочего класса. И UGT и CNT совместно призывали к всеобщей забастовке, и тут же стали расти баррикады из дерева, камня, мешков с песком – словом, из всего, что было под руками. Завязались стычки; их участники с обеих сторон не жалели своей жизни.

18 июля мятеж охватил всю Андалузию. В Севилье генерал Кейпо де Льяно, командир карабинеров, захватил власть совершенно неожиданным образом. Как Санхурхо в 1932 году, он до мятежа не имел никаких связей в городе и на самом деле прибыл сюда только 17 июля на своей машине «испано-суиса». Потом он хвастался, что проделал на ней «20 000 миль ради заговора», делая вид, что инспектирует таможенные посты. В сопровождении лишь своего адъютанта и трех других офицеров он утром 18 июля появился в штаб-квартире, где из-за жары никого не было. По коридору он прошел к генералу Вилья-Абрайе, командиру севильского гарнизона. «Должен сообщить вам, – сказал Кейпо, – что пришло время принимать решение: или вы со мной и другими вашими товарищами, или с правительством, которое ведет Испанию к гибели». Генералу и его штабу никак не удавалось собраться с мыслями. Если они поддержат Кейпо де Льяно, а восстание, как в 1932 году, потерпит поражение, то им грозила ссылка в Вилья-Сиснерос. В конце концов Кейпо арестовал их и приказал всем сидеть в другой комнате. Поскольку ключа от нее не имелось, он поставил перед дверью капрала и приказал ему стрелять в любого, кто попытается выйти. Затем Кейпо в сопровождении одного адъютанта отправился в пехотные казармы и был весьма удивлен, увидев, что войска под ружьем уже стоят на площади. Тем не менее Кейпо подошел к полковнику, которого никогда раньше не видел, и сказал: «Жму вашу руку, мой дорогой полковник, и благодарю за то, что в этот час, когда решается судьба нашей страны, вы приняли решение встать на сторону братьев по оружию». – «Я решил поддержать правительство», – сказал полковник. Кейпо выразил удивление и спросил: «Можем ли мы поговорить в вашем кабинете?» Полковник продолжал стоять на своем, и Кейпо отстранил его от командования полком. Но никто из других офицеров не захотел занять его место. Кейпо послал своего адъютанта найти хотя бы одного из тех трех офицеров, которые прибыли вместе с ним. Он остался совершенно один в окружении армейцев, которые явно не симпатизировали ему. Генерал стал шутить с ними, и собеседники признались, что опасаются последствий мятежа Санхурхо 1932 года. Наконец Кейпо нашел капитана, которому смог передать командование полком. Отойдя в заднюю часть комнаты, он изо всех сил крикнул офицерам: «Вы мои пленники!» Те с нескрываемой покорностью опустили головы. Но далее Кейпо выяснил, что в полку насчитывается всего 130 человек. Прибыли пятнадцать фалангистов, которые предоставили себя в его распоряжение. Этого было слишком мало, чтобы захватить огромный город с населением в четверть миллиона человек. Критический момент миновал, когда артиллерийские казармы согласились поддержать восстание. На Пласа-Сан-Фернандо была выведена тяжелая артиллерия. После краткой перестрелки с группой «Штурм», собравшейся в отеле «Инглатерра», гражданский губернатор позвонил Кейпо и покорно сдался на условии, что ему будет сохранена жизнь. К мятежу присоединилась гражданская гвардия Севильи. Когда утро подходило к концу, весь центр Севильи уже был в руках Кейпо де Льяно. Тем временем рабочие организации пытались понять, что, собственно, происходит. Радио Севильи призывало ко всеобщей забастовке и обратилось с призывом к крестьянам соседних деревень идти в город на помощь своим братьям по классу. Огромные толпы собирались у штаб-квартир профсоюзов с требованием оружия. Но его было немного. Тем не менее весь день в рабочих пригородах возводили баррикады. Объяты пламенем были одиннадцать церквей вместе с шелковой фабрикой, принадлежащей монархисту маркизу Луке де Тене. В это время Кейпо уже занял радиостанцию. В восемь вечера он выдал первую из своей

знаменитой серии речей. Голосом, охрипшим от многолетнего употребления шерри и вальдепеньи, Кейпо объявил, что Испания спасена, а та чернь, что сопротивляется восстанию, будет расстреляна³. Но с приходом ночи Севилья по-прежнему оставалась разделенной на две части.

В течение этого дня Альхесирас, Херес, Кадис и Ла-Линеа почти полностью оказались в руках мятежников, хотя во всех из них сопротивление было окончательно подавлено лишь на следующий день с появлением первых частей Африканской армии. В Кордове полковник Каскахо, военный губернатор, принудил к сдаче своего гражданского коллегу Род-ригеса де Леона под угрозой применения артиллерии, хотя по телефону из мадридского министерства внутренних дел тому обещали, что подмога явится через несколько часов. В Гранаде возникла тупиковая ситуация: генерал Кампинс, военный губернатор, рассказал своим офицерам о мятеже в Марокко. На улицах сторонники Народного фронта весь день митинговали вместе с анархистами. Заговорщики в этом городе пока ничего не предпринимали, хотя с энтузиазмом прослушали выступление по радио Кейпо де Льяно. Порт Уэльва рядом с португальской границей, хотя и был отрезан от республиканской Испании восстанием в Севилье, сразу же перешел в руки Народного фронта. Генерал Посас из министерства внутренних дел Мадрида выдал по телефону срочный приказ командиру гражданской гвардии направить колонну против Кейпо в Севилью. Майор Аро с небольшими силами отправился выполнять приказ, но по прибытии в город немедленно перешел на сторону Кейпо. В Малаге мятежник генерал Паксот отказался объявить военное положение, когда выслушал по телефону угрозы подвергнуть город обстрелу с моря. Но в тот день это был последний успех правительства. Вечером прекратилось сопротивление в Тетуане, последнем оплоте республиканцев в Африке⁴.

Примечания

¹ Бандера была самостоятельным подразделением, в которое входило до 600 человек, дивизион мобильной артиллерии и ремонтная служба.

² Догматический историк анархизма Макс Неттлау позже безуспешно пытался подвести под это решение рациональное основание. «Когда существует автономия, – писал он в «Информационном бюллетене» CNT – FAI 25 июля, – то люди в соответствующее время могут получать оружие и получают его. Когда автономии не существует, то почти ничего не удается сделать, и в таком, и только в таком случае враг получает временное преимущество».

³ «Чернь» или «канальи» было любимым выражением Кейпо в течение всей войны.

⁴ Сопротивление левых длилось в Санта-Круз-де-ла-Пальма до 28 июля. Все остальные Канарские острова были заняты мятежниками к 20 июля.

Глава 16

Мадрид ждет. — «Народу нужно оружие». — Революция и контрреволюция на флоте. — Неудача попытки подавить мятеж конституционными средствами. — Жестокости. — Уход в отставку Касареса Кироги. — Мартинес Баррио и поиски компромисса. — Отказ Моля. — Отставка Мартинеса Баррио. — Народ вооружается.

Как и о поражении в Марокко, мадридское правительство узнавало о нем в стране по телефону: командир мятежников, сместивший гражданского губернатора или верного правительству военного, мог ответить оскорблениями или возгласом: «Арриба! Испания!» Таким же образом новости поступали к лидерам партий и профсоюзов. Андрэ Мальро красочно описал, как это происходило. «Алло, Авила? — спрашивает Мадрид. — Как у вас дела?» — «Салют! — отвечает Авила. — У нас все отлично. Да здравствуют Бог и король!» — «Вот и отлично. Всего хорошего!»¹ Тем не менее в течение всего этого дня Касарес продолжал действовать так, словно он и в самом деле руководит страной. Он консультировался с генералами Нуньесом де Прадо и Рикельме², которые, как он знал, продолжали хранить верность республике. Говорил он и с президентом Асаньей, со спикером кортесов Мартинесом Баррио и с ведущим мадридским юристом Санчесом Романом, который придерживался слишком правых взглядов, чтобы примкнуть к Народному фронту. Группа лидеров республики обсуждала, как достигнуть компромисса, который поможет избежать свержения режима и гражданской войны. Но рабочие уже заперли почти все улицы Мадрида и настойчиво требовали оружия. Делегация водителей такси, позвонив премьеру, предложила ему услуги 3000 такси, чтобы сломить мятежников. В распоряжении UGT было 8000 ружей, но их почти все разобрала коммунистическая и социалистическая молодежь. Молодые люди уже начали оставлять свои рабочие места и нести на улицах постоянную полицейскую службу. 8000 стволов было слишком мало, чтобы сопротивляться мадридскому гарнизону и его сторонникам из фаланги, хотя пока еще в кварталах правых не было заметно никаких признаков волнения. Специальные издания «Кларидад» и «Эль Сосьялиста» крупными буквами заголовков на первых полосах требовали: «Оружия для народа»³. «Оружия, оружия, оружия!» — весь день громкогласно раздавалась на улицах и на Пуэрта-дель-Соль. Огромные толпы мужчин и женщин окружили муниципалитет и военное министерство. Но Касарес отказывался прислушиваться к их требованиям. Во второй половине дня он приказал генералу Нуньесу де Прадо в Сарагосе попытаться достичь какого-то компромисса с командиром дивизии генералом Кабанельясом, который, как предполагалось, был республиканцем. «Смена министра удовлетворит все требования генерала и устранил необходимость мятежа», — сказал Кабанельясу Нуньес де Прадо. Тем не менее сам он был арестован и позднее расстрелян вместе со своим адъютантом. В Мадриде кабинет министров продолжал непрерывно заседать в военном министерстве в Королевском дворце, а потом перебирался в министерство внутренних дел на Пуэрта-дель-Соль. В двадцать минут восьмого мадридское радио объявило, что мятеж повсеместно подавлен, даже в Севилье. Это было первое официальное сообщение о том, что в пределах материковой Испании происходят волнения. За этим последовала серия указов о смещении со своих постов Франко, Кабанельяса, Кейпо де Льяно и Гонсалеса де Лары (он командовал войсками в Бургосе). А тем временем из всех радиоприемников в жаркой столице лилась темпераментная музыка, частично чтобы успокоить, а частично чтобы завести толпы, ожидающие сообщений. Время от времени из громкоговорителей раздавались призыва: «Народ Испании! Оставайтесь на нашей волне! Не выключайте свои радиоприемники. Слухи распространяются предателями. Оставайтесь на нашей волне!» В десять вечера

Пассионария произнесла первую из своих многочисленных яростных речей, прозвучавших во время Гражданской войны. Она требовала организовать сопротивление по всей стране, призывала женщин Испании драться, пуская в ход ножи и кипящее масло, и закончила свое выступление лозунгом: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях! Но пасаран!» («Они не пройдут!») Выразительные слова этого ее призыва сразу же стали главным боевым кличем республики. Но Касарес, пользуясь поддержкой Асаньи, по-прежнему отказывался вооружить рабочих. И если еще недавно его считали революционером, то сейчас он, как реакционер, стал объектом всеобщей ненависти. Его псевдоним Штатский по кличке знаменитого быка, который отказывался защищаться, повторялся повсюду с откровенным презрением. Что же до заговорщиков в Мадриде, они все еще продолжали пребывать в нерешительности.

Весь день правительство делало все, что было в его силах, дабы подавить уже успешно завершившуюся революцию в Марокко. Тетуан и Сеута подверглись бомбардировке. Но она лишь заставила султана и великого везира с большей легкостью принять те изменения, которые им навязал Бейгбедер. Не причинили бомбы и каких-либо разрушений военных объектов. В борьбе с мятежниками в Марокко Касарес пытался использовать и флот. Утром 18 июля в Мелилью из Картахены пришли три эсминца. В пути офицеры слышали радиообращение Франко из Лас-Пальмаса. Втайне они договорились присоединиться к националистам. По прибытии в Мелилью офицеры получили приказ обстрелять город. Капитан одного из эсминцев описал цели начавшегося мятежа и призвал свою команду поддержать его. Его слова были встречены полным молчанием, которое наконец прервал единственный возглас: «В Картахену!» С этим призывом согласилась вся команда корабля. Офицеры были разоружены и арестованы, а эсминец поднял якорь, уходя от мятежного города в открытое море. Точно такие же сцены имели место и на других эсминцах. Три военных корабля предоставили себя в распоряжение правительства, и на каждом был сформирован судовой комитет для замены офицеров.

Попытки справиться с мятежом при помощи конституционных средств постигла неудача. Этот исход был неизбежен, поскольку большинство так называемых сил законности и порядка присоединились к мятежникам, которые утверждали, что именно они представляют законность и порядок. Единственную силу, способную сопротивляться мятежникам, представляли профсоюзы и левые партии. Тем не менее прибегнуть к помощи этих сил означало для правительства необходимость смириться с неизбежностью революции слева. И не стоит удивляться, что такие либералы из среднего класса, как Касарес, опасались столь решительного шага. Но при той ситуации, которая сложилась в Испании в ночь на 18 июля, он был неизбежен. В городах, где состоялся мятеж, в Марокко и Андалузии, им уже противостояли революционные левые партии. Именно такую революцию Кейпо де Льяно подавлял в Севилье, хотя сам спровоцировал ее.

Таким образом, всю Испанию накрыло огромное облако актов насилия, в которых нашли себе выход ссоры и враждебность, копившиеся многими поколениями. Поскольку связь была затруднена или вообще прервана, каждый город оказался предоставлен сам себе, и его драма развивалась как бы в вакууме. Географическая разобщенность в Испании стала главным фактором социального разъединения нации. Региональные амбиции посеяли ветер и теперь пожинали бурю. Центральная власть прекратила существование, и в ее отсутствие отдельные личности и города стали вести себя вне всяких норм и правил, словно ни общества, ни истории для них не существовало. В течение месяца без суда и следствия казнили около ста тысяч человек. Были разорваны на куски несколько епископов, а церкви осквернены. Образованные христиане проводили вечера, убивая неграмотных крестьян. Подавляющее большинство этих преступлений с обеих сторон было делом рук людей, уверенных, что они совершают не только справедливые, но и благородные деяния. Тем не менее они вызвали такой накал ненависти, что, когда наконец был установлен какой-то порядок, он мог

лишь рационализировать эту ненависть, единственным исходом которой могла быть только война. И было бы совершенно неправильно считать, что такое развитие событий вызывало отвращение и неприятие. Испанцы из всех партий с головой кинулись в войну, напоминая веселые ликующие толпы в столицах остальной Европы августа 1914 года, хотя в 1936 году испанцы подсознательно чувствовали, что они должны примыкать к какой-то партии.

Эти ужасные последствия предвидел Касарес Кирога, когда в ночь на 18 июля он в отчаянии мерил шагами свой кабинет в Пасео-де-Кастельяна, только недавно покрытый позолотой. Предельно измотанный, Касарес пришел к выводу, что ему остается лишь подать в отставку. Президент Асанья только сейчас ясно увидел размер поджидающей их катастрофы. Он тут же призвал Мартинеса Баррио, непревзойденного мастера компромиссов, составить новое правительство, которое попробовало бы договориться с мятежниками. Все новые министры были достаточно сдержанными и скромными людьми. Кабинет включил в свой состав и барристера Санчеса Романа, который держался срединной позиции. Это имя в сообщении радио Мадрида было встречено толпой на улицах и в кафе криками: «Измена!» и «Предатели!». 100 000 рабочих двинулись от муниципалитета на Пуэрта-дель-Соль. «Оружия, оружия, оружия!» – на ходу скандировали толпы. Тем временем предпринимались попытки найти какой-то компромисс. Генерал Мьяха, командовавший расположенной в Мадриде дивизией, добродушный офицер республики (в армии его называли Папой), которого Мартинес Баррио назначил военным министром, позвонил Моле в Памплону. После обмена любезностями Мола откровенно заявил, что выступил против правительства. Несколько позже ему позвонил сам Баррио и предложил пост в правительстве. «Народный фронт не может обеспечить порядок, – ответил Мола. – У вас есть свои сторонники, а у меня свои. Если бы мы заключили сделку, мы предали бы и свои идеалы, и своих людей. И нас обоих стоило бы линчевать». Эти смелые слова генерала Мола обошлись стране в тысячи жизней – включая и его собственную. К тому моменту стало ясно, что хотя мятеж в Памплоне и не увенчался мгновенным успехом, но и подавить его сразу тоже не удалось. Мола взял на себя огромную ответственность за ход событий. Но как он мог отступить на этом этапе? И если бы даже и пошел на это, другие его просто отодвинули бы в сторону. Аналогичный призыв, с которым Баррио по телефону обратился к генералу Кабанельясу в Сарагосе, тоже не увенчался успехом⁴. Когда в ночь с 18-го на 19 июля эти попытки завершились неудачей, на рассвете Асанья, Мартинес Баррио и лидеры социалистов Прието и Ларго Кабальеро провели новые консультации. Социалисты предупредили, что не остается никакой альтернативы, кроме как раздать оружие профсоюзам. Вскоре громкоговорители мадридского радио оповестили, что вновь сформированное правительство «констатирует объявление фашизмом войны испанскому народу». Администрация, как и при Касаресе Кироге, была полностью сформирована из либералов республиканских партий, выходцев из среднего класса. Но социалисты, коммунисты и анархисты объявили, что поддерживают новых министров, и формально отложили в сторону свои противоречия. Премьер-министром стал Хосе Хираль, профессор химии и близкий друг Асаньи; до этого он был министром по морским делам. Генерал Посас, возглавляющий гражданскую гвардию, и генерал Кастельо, военный губернатор Бадахоса, стали соответственно министром внутренних дел и военным министром. Оба считались надежными республиканцами, а Хираль надеялся, что их присутствие в правительстве убедит средний класс его поддержать, а также усилит либеральные позиции в армии. Новое правительство немедленно предприняло тот неизбежный шаг, от которого Касарес, до конца верный Конституции, уклонялся. Народ должен получить оружие! 19 июля с восходом солнца от военного министерства по улицам Мадрида двинулась вереница грузовиков с ружьями к штаб-квартирам CNT и UGT, где их разбирали ожидавшие оружия толпы, которые с яростным восторгом восклицали: «Но пасаран!» и «Салют!». Такие же приказы раздать все имеющееся в наличии оружие были по

телефону отданы гражданским губернаторам всех провинций, хотя во многих случаях они уже запоздали, ибо их отдавали на рассвете того летнего дня, когда вторая волна мятежей затопила Испанию. Именно тогда Франко, сойдя с борта «Стремительного дракона», ступил на африканскую землю, где его встретил в Тетуане Сайнс де Бураага, в том самом аэропорте Сан-Рамбель, где предыдущим днем были разгромлены последние республиканцы, возглавляемые двоюродным братом Франко майором Лапуэнте⁵. «Чуррука» в Кадисе взял на борт первую часть Африканской армии и 200 мавританцев, которым предстояло высадиться непосредственно в Испании. Команды военных кораблей, что пошли на юг к Альхесирасу, были готовы восстать против своих офицеров. Даже такой крутой коммунист, как Эль Кампесино, позже выразил удивление, что в течение одного-единственного дня было «столько крови и боев».

В Мадриде, в Барселоне и всюду, где, как обычно, в воскресенье должны были состояться бои быков, они были отменены⁶. Началась давно предсказанная кровавая коррида народа Испании.

Примечания

¹ На самом деле в Авиле мятеж начался только 19 июля. Телефонная связь продолжала исправно служить обеим сторонам – как и за все время Гражданской войны – достижение, которым ее американский менеджмент откровенно гордился.

² В результате тщательного расследования удалось установить, что все генералы испанской армии, которые активно поддерживали республику, были масонами.

³ Мадридские анархисты ко всем этим событиям относились индифферентно, поскольку всецело были заняты организованной ими забастовкой строителей.

⁴ Кабанельяс считал себя республиканцем. Его убедил присоединиться к мятежу некий молодой офицер, который приставил пистолет ему к голове и сказал, что для решения у него остается минута.

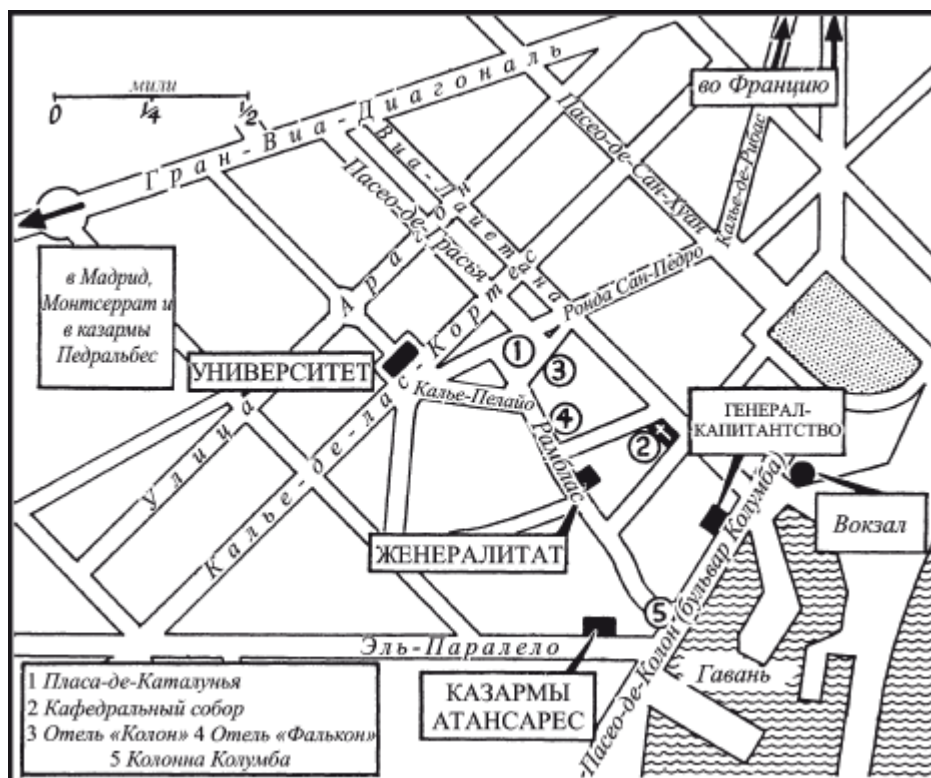
⁵ Позже Лапуэнте был расстрелян. Франко вылетел из Лас-Пальмаса утром 18 июля. Прежде чем приземлиться в Тетуане, он сделал остановки в Агадире и Касабланке. Вполне возможно, что генерал благоразумно не торопился прибыть в Марокко, пока не убедился, что его друзья одержали там победу.

⁶ До конца Гражданской войны в Испании вообще больше не проводилось боев быков.

Глава 17

*19 июля. — Битва в Барселоне. — Хихон. — Овьедо. — Галисия. —
Провинция Басков. — Бургос. — Сарагоса. — Памплона. — Вальядолид. —
Революция на флоте. — Мятеж в Мадриде.*

19 июля в Барселоне, где еще недавно было до странности спокойно, разразилось крупнейшее сражение. Ночью величественный город был взбудоражен слухами. Все пространство от огромной центральной площади Каталунья вдоль тенистой авеню Рамблас с ее барами и цветочными магазинами вплоть до гавани у Пласа Пуэрта-де-ла-Пас, где с высокой колонны статуя Колумба вглядывалась в Средиземноморье, было заполнено толпами. Генерал Льяно де ла Энкомьенда, командир дивизии, расквартированной в Барселоне, предупредил своих офицеров, что, если в силу обстоятельств ему придется выбирать между двумя экстремистскими движениями, он без промедления сделает выбор в пользу коммунизма, но не фашизма. Среди тех, кто слушал его, были и руководители мятежа (в том числе и кавалерийский генерал Фернандес Бурриель, который до возвращения генерала Год еда с Мальорки командовал городским гарнизоном), который планировалось начать на следующий день. Предполагалось, что войска из самых разных казарм должны стянуться на площади Каталунья. Занять остальную часть города, скорее всего, будет несложно. Но заговорщики не оценили уровень враждебности к ним со стороны гражданской гвардии города, которой командовали генерал Арагуррен и полковник Эскобар¹, а также огромного количества рабочих, в массе своей анархистов. Вечером 18 июля президент Компаньс отказался подчиниться требованию «Оружие — народу!». Тем не менее члены CNT силой захватили несколько арсеналов и теперь были готовы к неизбежной схватке. Буквально в одно мгновение руководители анархистов превратились из разыскиваемых преступников хоть и не в защитников демократии, но в «лидеров антифашистского революционного альянса». Тем временем Льяно де ла Энкомьенда сообщил Компаньсу, что в гарнизоне все спокойно. Все же президенту не спалось. В два часа ночи он и Вентура Гассоль, поэт и его советник по культуре, вышли на проспект Рамблас. Компаньс низко надвинул на глаза мягкую шляпу. Растрепанная шевелюра его спутника, завитки которой падали на лоб, придавала ему вид скрипача прошлого века. Бурное веселье субботней ночи Барселоны постепенно уступало место уже традиционному для этого города революционному рассвету. Внезапно стало ясно, что улицы заполнены не праздными гуляками, а вооруженными рабочими. Танцевальная музыка в динамиках сменилась настойчивыми призывами к пролетарскому единству. В передаче Радио Мадрида голос Пассионарии призывал помнить о восстании в Испании 1808 года, встретившем Наполеона. В четыре утра Компаньс получил известие: войска под командованием полковника Лопеса-Амора оставили свои казармы Педральбес на севере города и движутся к площади Каталунья.

Карта 6. Барселона

Солдат в казармах подняли спозаранку и выдали по солидной порции бренди. Им сообщили, что их посылают то ли громить анархистский мятеж, то ли пройти маршем по городу в честь так называемой Барселонской олимпиады – фестиваля, организованного левыми силами, противостоящим официальным Олимпийским играм, которые должны были начаться в Берлине. Но две группы мятежников так и не встретились, поскольку и та и другая натолкнулись на яростное сопротивление рабочих, возглавляемых анархистами. Те получили поддержку полиции и гражданской гвардии, которая в Барселоне, едва ли не единственная в Испании, полностью сохранила верность правительству². Артиллерийской колонне под командованием полковника Лопес-Амора удалось добраться до площади Каталунья, где они обманом захватили здание телефонной станции, но продвинуться дальше не смогли. Офицеры, возглавлявшие мятеж, оказались не в состоянии справиться с революционной непредсказуемостью противника. Второе артиллерийское подразделение захватила колонна вооруженных рабочих, которые, стреляя в воздух, преградили военный путь и «страстными словами» упростили мятежников не открывать огонь. Затем им удалось уговорить войска повернуть пушки против своих же офицеров. Но большая часть вооруженных столкновений в Барселоне проходила далеко не так легко, и рабочим удавалось добиваться успеха только за счет собственной гибели. Утром Гоед вернулся с Мальорки, которую он захватил практически без единого выстрела. Ему не удалось ни вдохнуть мужество в свои войска, ни стянуть к ним подкрепление. Бои продолжались весь день. Площадь Каталунья была завалена телами людей и конскими трупами. В начале вечера старое здание управления порта, где Гоед расположил свою штаб-квартиру, было взято штурмом. Сам Гоед попал в плен и был вынужден обратиться по радио к своим сторонникам со сдержанным и благородным призывом сложить оружие, как поступил Компаньс, когда была подавлена революция 1934 года. Гоед пошел на это главным образом для того, чтобы удержать своих сторонников на Мальорке от посылки подкреплений, о которых он просил ранее. Голос генерала был слышен по всей республиканской Испании, и повсюду его слова встретили с энтузиазмом.

К вечеру в руках мятежников оставались лишь казармы Атансарес близ порта, и у подножия колонны Колумба засели два пулеметчика, которые весь день поливали огнем выход с бульвара Рамбле на Пласа Пуэрта-де-ла-Пас.

19 июля повсюду царили суматоха и неразбериха. То и дело вспыхивали конфликты, которые так и не получали разрешения.

В Астурии гражданская гвардия Хихона закрепились в казармах Симанакас. В Овьедо, центре революции 1934 года, где с февраля шло революционное брожение, возникла любопытная ситуация. Город был полностью потерян для мятежников. Но командующий гарнизоном полковник Аранда, который в Марокко обрел репутацию самого умного стратега, представился и гражданскому губернатору и руководству профсоюзов как надежный «меч республики». Он убедил их, что ситуация далеко не так серьезна, чтобы вооружать рабочих. Гонсалес Пенья, который руководил восстанием в Астурии 1934 года, и Белармино Томас, еще один депутат от социалистов, позволили уговорить себя и согласились с Арандой, чья политическая ориентация оставалась для них неизвестной. Четыре тысячи шахтеров, которые могли бы обеспечить безопасность Овьедо, двинулись на поезде через Астурию в Мадрид. В девять вечера, созвонившись с Мол ой, Аранда объявил, что присоединяется к мятежникам. Он был поддержан силами гражданской гвардии и фаланги. Левые в Овьедо запаниковали. Но остальная часть Астурии была настроена враждебно к Аранде, и к 20 июля он оказался в плотном кольце осады шахтеров.

В Басконии третья и самая южная провинция ее, Алава со столицей в Витории, была без труда захвачена мятежниками во главе с полковником Алонсо Вегой. Но две другие провинции, Бискайя и Гипускоа, были столь же легко удержаны правительством. В Бильбао, столице Бискайи, мятеж вообще не состоялся. Расквартированный там полк, естественно, был готов поднять мятеж, но его предал полковой кузнец. В Сан-Себастьяне, столице Гипускоа, военный губернатор полковник Карраско был арестован. Тем не менее Прието все утро звонил из Мадрида, дабы убедиться, что далекая от революционных настроений Баскская националистическая партия поддержит правительство. Но ему не стоило беспокоиться. К полудню и в Бильбао, и в Сан-Себастьяне вместе со всеми горными и рыбацкими деревушками обеих провинций прошла всеобщая мобилизация добровольцев. В обоих городах была создана хунта обороны, многие известные деятели правого крыла оказались под арестом, а их машины реквизированы. Эти шаги были инспирированы баскскими националистическими политиками во главе с Мануэлем де Ирухо. Тем временем военные заговорщики продолжали мешкать, теряя время. Наконец телефонный звонок от Молы побудил полковника Вальеспина, закрепившегося в казармах Лойолы в Сан-Себастьяне, к решительным действиям. Две пушки были наведены на здание гражданского управления. Все его служащие сбежали, дав возможность освободиться полковнику Карраско. Что он и сделал, присоединившись к другой группе правых, засевших в отеле «Мария-Кристина». Восставшая гражданская гвардия заняла клуб «Гран Казино». Сложилась ситуация, при которой прекрасная летняя столица Испании могла оказаться в руках мятежников. Когда в эфире радио Сан-Себастьяна послышался револьверный выстрел, диктору пришлось объяснять: «Выстрел, который вы только что слышали, был произведен нашим товарищем, который, споткнувшись, выронил оружие. Жертв нет». Хотя полковник Карраско и объявил военное положение, полковник Вальеспин откладывал выступление – «маньяна»³. А ночью мощная колонна республиканцев со стороны оружейного центра Эйбара начала занимать город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.